

К Как время катится в Казани золотое...

**Антология русской поэзии Казани
1940–2005**

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

УДК 882
ББК 84 (2Рос Рус)-5
К 11

Составитель *Лилия Газизова*

Редакционный совет:

З.Р.Валеева (председатель совета),
А.А.Тутаева,
И.М.Ибрагимов,
М.Д.Зарецкий,
Р.А.Кутуй,
В.С.Мустафин,
Г.А.Паушкин

В оформлении обложки использована работа
Ирины Антоновой «Земное странствие»

К 11 «Как время катится в Казани золотое...»: Антология русской поэзии Казани. — Казань: 2005. — 480 с.

Казань издавна славится своими поэтическими традициями, восходящими к именам Державина, Гукая, Хлебникова, Заболоцкого. Великие имена задали планку, уровень развития казанской поэзии, на который равняются новые поколения литераторов.

Сборник стихов «Как время катится в Казани золотое...» стал подлинной антологией современной русской поэзии, собранием всех ее лучших имен второй половины двадцатого века.

Эта книга сама по себе — уже событие в культурной жизни Татарстана. Идея ее проста и в то же время значительна — представить аудитории лучших казанских поэтов, создать, по сути, маленькую энциклопедию казанского поэтического взгляда на жизнь, на человека и его место в современном мире.

Отличительной чертой поэтов Казани является то, что они следуют, в основном, канонам классического стихосложения. И главным критерием отбора стихотворных произведений для публикации в этом сборнике является не принадлежность к какому-либо течению, а профессионализм и талант автора.

Неповторимый облик казанской поэзии создавался многими поколениями поэтов, деятелей культуры и литературных наставников. В ней отразилось все многообразие национальных, религиозных, общекультурных факторов, которые связаны с особенностями географического и социально-культурного положения нашей республики. Тема Востока и Запада всегда присутствовала и присутствует в русской поэзии нашей республики, являясь ее отличительной и, несомненно, привлекательной чертой.

Я верю, что книга будет с интересом встречена всей читающей публикой не только в Татарстане, но и за его пределами, найдет отклик в сердцах многих любителей поэзии.

Зиля Валеева,
Заместитель Премьер-министра,
Министр культуры Республики Татарстан

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Казань литературная... Кому не знакомы имена Гавриила Державина, Сергея Аксакова, Льва Толстого, Максима Горького, Велимира Хлебникова, Николая Заболоцкого и многих других замечательных поэтов и писателей, которые составляют гордость русской литературы. Более двух веков Казань является одним из самобытных духовных центров России, располагаясь на перекрестке культур, сочетая в себе лучшие традиции Запада, классической русской культуры и мусульманского Востока. И сегодня наш город заслуженно пользуется славой современного культурного и образовательного центра, известен в этом качестве не только в России, но и во всем мире.

Сборник стихов, предлагаемых читателю, отличается от обычных коллективных поэтических сборников. Это антология русской поэзии Казани, которая охватывает период с 1940 года по 2005 год. Почему выбран именно этот период? В 1940 году родилось одно из старейших литературных объединений Казани и России, не прекращавшее свою работу на протяжении шестидесяти пяти лет. Оно сыграло ключевую роль в развитии современной русской литературы в республике. У его истоков стояли первый директор Литературно-мемориального музея А.М.Горького Мария Елизарова и писатель, лауреат Сталинской премии Михаил Бубеннов. А в 1947 году на базе литобъединения была создана секция русской литературы Союза писателей Татарстана, в которой сегодня состоит более сорока писателей. Из самого же литобъединения вышло более ста членов Союзов писателей, живущих и плодотворно работающих ныне не только в Татарстане, но и далеко за его пределами. Стала крылатой фраза старейшего поэта Казани Геннадия Паушкина: «Все мы вышли из музея Горького!»

Антология русской поэзии Казани — это не хрестоматия. Составитель стремился представить наиболее характерные тенденции, получившие развитие в стихах казанских поэтов. Более ста поэтов — авторов книги — яркие индивидуальности с поэтическим почерком, со своим взглядом на мир. И поскольку они принадлежат к разным поколениям, придерживаются различных философских и эстетических взглядов, можно условно разделить их на отдельные группы.

Прежде всего это военное поколение, те, кто прошел войну или «ковал победу» в тылу. Особенностью этого поколения поэтов

является преобладание военной тематики, большой трагизм и напряженность существования лирического героя, объясняемые экстремальностью самой ситуации, в которой оказались люди и страна, вынужденные защищать свое право на жизнь с оружием в руках. В эти годы люди мужали в считанные дни. Необходимо учесть и существование в те годы жестокой цензуры, которая накладывала ограничения и на темы, и на стиль литературных произведений.

Военная тема стала сквозной в творчестве Бруно Зернита, Вероники Тушновой, Леонида Топчия, Геннадия Паушкина, Юрия Грунина. Близко к ним по духу и послевоенное поколение. Это Борис Железнов, Тамара Ян, Юлия Бадер-Дубяго... В произведениях поэтов этой волны, несмотря на непростое время, когда им пришлось жить и творить, присутствует оптимистическая нота — как, например, в стихотворении Леонида Топчия, прошедшего сталинские лагеря:

*Мне говорят, что страшно умирать,
Когда-нибудь я сам проверю это.
И обо всем тогда уж с того света
Подробно постараюсь написать —
В таком серьезном деле не совру,
Но я не верю в страх, и вы не верьте.
Я оптимист и знаю, что умру.
И потому не думаю о смерти.*

Пожалуй, самую значимую группу составляют поэты-«шестидесятники» — те, кто входил в литературу в годы «хрущевской оттепели». Именно они подняли в своих стихах те острые нравственные и социальные темы, которые надолго определили облик советской поэзии. Бунтарский дух поколения заключался не только в обличении темных сторон недавней действительности, но и в поиске и утверждении нового идеала.

Годы сталинских репрессий, литературной цензуры породили в этом поколении желание не просто высказаться, а выплеснуть все то наболевшее, что накопилось в их душах и в сознании народа:

*Мы весело начинали!
Бледнея, Ложь обличали.
Стихи, как время — колючие,
не читали — кричали.
Мы весело начинали.
В корявой строчке звучали
с надеждой на что-то лучшее
гражданские наши печали.*

(Николай Беляев)

Поэзию «шестидесятников» отличает некоторая скупость поэтических средств и приемов, даже плакатность, главным их оружием становятся мысль и стремление к истине. Социальная направленность поэзии в 60-х выходит на первый план, иногда затмевая собой тонкости человеческих взаимоотношений и лирическую глубину. Тем не менее поэты-«шестидесятники» стали значительным явлением в русской поэзии, внесли в нее новую, свежую струю. Среди плеяды казанских поэтов того времени хотелось бы выделить наиболее ключевые фигуры. Двадцать лет руководил литобъединением «АРС» при Казанском государственном университете известный поэт Николай Беляев, сыгравший немалую роль в становлении школы казанской поэзии последней трети двадцатого столетия. Живущий ныне в Красноярске поэт и драматург Роман Солнцев является главным редактором авторитетного журнала «День и ночь». Более сорока книг поэзии и прозы издал Рустем Кутуй. В Москве живут и пишут Мария Аввакумова и лидеры российского поэтического авангарда Константин Кедров и Елена Кацюба. Более десяти лет вел литературную страницу в газете «Вечерняя Казань», так и не увидев при жизни своей книги, поэт Владимир Рошкетав. Сегодня с трудом верится, что когда-то целая полоса газеты могла быть отдана произведениям лучших литераторов Казани. Виль Мустафин и Владимир Нешумов, Иван Данилов и Геннадий Капранов, Булат Галеев и Владимир Игнатюк — и это далеко не полный перечень тех, кто определил лицо казанской поэзии того периода.

Тридцать шесть лет (с 1967 года) литературное объединение при музее А.М.Горького возглавлял поэт Марк Зарецкий, которого называют своим учителем многие казанские литераторы. Его значение для развития русской поэзии в Казани, становления новых молодых поэтов в 70-е, 80-е и 90-е годы трудно переоценить.

При этом мы говорим уже о так называемых годах «застоя», когда «время мало располагало к поэзии, если не сказать резче», как пишет в предисловии к сборнику «Стихи казанских студентов» Николай Беляев. И действительно, в стихах поэтов этого времени уже нет того порыва, который был свойствен поэзии 60-х. Голос поэтов звучит глуше:

*Что делать мне, живя в такой стране?
Не пить, не есть, учиться и учиться?..
Как ненадежно наше бытие
И одиноко!..*

(Валерий Трофимов)

И все же поэзия в эти годы обрела некие новые, а может быть, и на время забытые черты, которые и составляют суть поэтического, лирического восприятия мира. Поэзия как бы вернулась в родные берега. И если поэты-«шестидесятники» выступали со своими произведениями на стадионах, то теперь поэзия вновь пришла в камерные аудитории, в более узкий, но и более благодарный круг ценителей «изящной словесности». Лишившись излишней социальной направленности, она стала более человечной и интимной, поэты ведут диалог с читателем один на один.

Именно в этот период вошли в литературу и заметно обогатили ее такие мастера, как Роза Кожевникова, Равиль Бухараев, Лидия Григорьева, Сергей Малышев, Рустем Сабиров, Валерий Трофимов, Фарида Расулева, Вячеслав Баширов, Эльмира Блинова, Алексей Остудин.

Чуть позже, в конце восьмидесятых — начале девяностых заявили о себе Ольга Левадная, Елена Бурундуковская, Борис Гинзбург, Наиля Ахунова, Светлана Хайруллина, Адель Монрес, Тимур Алдошин, Лина Набат, Алена Каримова. Для поэтов этой волны характерен акцент на внутренней жизни человека. Познавая себя, они познают и окружающий мир. В их стихах почти нет сюжета. Сюжетом становится настроение и состояние души.

В конце двадцатого века поэзия заметно помолодела. Появилось поколение новых литераторов, черпающих вдохновение и темы для своих стихов из повседневной жизни, которая сегодня отличается особым динамизмом, информационной насыщенностью. Это Альбина Абсалямова, Анна Русс, Алексей Комлев, Ольга Овчинникова, Александра Кашина...

Казань славится и своими бардовскими традициями. Песни Валерия Бокова, Сергея Бальцера, Леонида Сергеева и многих других известны далеко за пределами Казани. Стихи поющих поэтов органично вошли в этот сборник.

Разные поколения, разные мироощущения... Но все же возможно говорить о духовном единстве большинства казанских поэтов, объединенных не только географически, местом рождения и жизни, а также областью своего духовного рождения, общей поэтической традицией.

«Как время катится в Казани золотое...» — написал Державин в знаменитом стихотворении «Арфа» в 1798 году. Так пусть же томительно и радостно длится, продолжается в веках наше казанское литературное время, пусть рождает оно новых героев, новые идеи и взгляды, новые талантливые произведения...

И сегодня, в год тысячелетия Казани, выпуская в свет эту антологию, еще раз хочется подчеркнуть не только разнообразие литературных стилей и почерков, но и преемственность поколений казанских поэтов, участников единого литературного процесса, соратников по перу, по школе казанской поэзии. Пусть эта школа, эта традиция продолжается в веках...

***Лилия Газизова,**
поэт, руководитель секции русской
литературы Союза писателей
Республики Татарстан*

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЬБИНА АБСАЛЯМОВА

Родилась в 1981 году в Казани. Окончила Казанский финансово-экономический институт (2003), учится в аспирантуре. Член Союза писателей Республики Татарстан. Публиковалась в республиканской и российской прессе, альманахах литобъединения Казанского медицинского университета «Белая ворона». Автор поэтических сборников «Осколки снов» (Казань, 1998), «Я люблю писать курсивом» (Казань, 2002). Лауреат Российской Независимой премии «Триумф» (2001).

* * *

Я хочу танцевать менуэты,
Я умею дышать одна,
Но натерли запястья браслеты,
И вообще-то в Казани весна.
Я хочу рисовать этюды,
Я умею тебя не ждать.
Но в меню — только первые блюда,
Остальное велели убрать.....

* * *

От нашей ссоры — в глушь, в Москву,
Но ты — лелей мою *неправду*.
И пусть она, как кровь кентавра,
Прильнет к лодыжкам и виску.
Плющом все жилки обовьет
И в волос каждый просочится.
Она — не пиво и не мед,
А только мертвая водица.
Ты ею двери окропи
И напои цветы и стены.
В деревню, в глушь... Несносный, спи!
Но в снах — лелей мои *измены*.

* * *

Реквизит, бутафория, грим.
Ты рисуешь себя в зеркалах.
Но дороги ведут не в Рим,
Все тропинки тонут в песках.
Убери этот черный цвет,
Сколько можно рядиться в замшу,
Наводишь показной марафет,
Чтобы в зеркале делаться старше.
Ты и так, ненаглядный, красив,
Только я — чересчур смешлива:
В этом парке не сядят олив,
Здесь цветут помидоры да сливы.

* * *

Подъемный кран. Кабан. Мечети.
Пятнадцать сорок. Скоро звезды.
Туман, машины, крыши, дети.
Шестнадцать десять. Душно. Слезно.
Забор. Дороги. Горизонты.
Простуда. Кашель. Мед. Горчица.
Пантагрюэли, анаконды.
Приди и будь. *Шестнадцать тридцать...*

* * *

Как Кидман Николь в «Мулен Руже»,
Умру от чахотки, когда станет хуже
Совсем. Или когда будет нужен
Сумасшедший порыв. Топиться в луже
Глупо. Умру. Потеку акварелью
По жилам твоим — золотой карамелью.
Растворюсь в тебе. А потом воскресну.
Если в одном окажется тесно.

МАРИЯ АВБАКУМОВА

Родилась в 1943 году в райцентре Верхняя Тойма Архангельской области. Окончила отделение журналистики Казанского государственного университета. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Юность», «Знамя», «Новый мир», альманахе «Поэзия». Автор ряда поэтических книг. Стихи переводились на английский, французский языки, вошли в ряд зарубежных антологий. Живет в Москве.

ВОЛЧИЦА

Я — волчица.
На зарев нацелен мой взгляд.
Как на западе он распаляется к ночи!
Только зря его огнива ярью горят:
мне не бросить норы этой волчьей.

Ради темной норы да волчат-сволочат,
говорят никогда не покину,
ради мерзлой коры в голода, говорят...
Это правда.
Да лишь вполовину.

Не хочу у небес я просить ни о чем.
Хватит мне и того, что имею.
Лишь бы лес не исчез под тяжелым плечом,
вырубающим все — за идею.

И доколе терпенью волчицы не край,
мне — на воле — не надо достатка.
Только лес не ломай!
Только не понуждай
демонстрировать мертвую хватку.
Я — волчица из этих лесов родовых:
из еловых, пихтовых, кондовых!
Я — волчица. Но я не страшнее твоих —
из урочищ бетонных, бедовых.

Я — волчица. Но все ж среди белого дня
не бросаюсь на горсточку мяса.
И за это за все
выбивали меня —
«представителя хищного класса».

...Ледяные —
родные (!) картины миров
из полей, замороченных вьюгой,
из ночей, заключенных на месяц-засов,
воспою я с волчицей-подругой.

Наша дикая песня не всюду мила.
Не любая душа отзовется.
Наша дикая песня сквозь небо прошла.
Ей сквозь души пройти остается.

Я — волчица.
На зарев нацелен мой взгляд,
от морозной бессонницы красный.
Так глазищи миров неугасно горят!
Так они и согласно и ясно горят! —
что и мы не умрем. Это ясно.

ЧЕРНАЯ ВОРОНА

Я — черная ворона
среди белоснежных вас,
живущих просветленно
среди курчавых фраз.

Я — черная ворона,
я каркаю все то ж —
за что во время оно
костей не соберешь.

Костлявой правды шило
проткнуло и — горит.
— Почто поешь уныло? —
редактор говорит.

* * *

Расскажи мне о любви
к той, кого любил ты.
Расскажи мне о любви
к той, кого забыл ты.

Начинай: «Давным-давно
в тридесятом царстве...»
Та красавица давно
на одном лекарстве;

Ты ж, как в юности, здоров,
да и все такое,
и тебе волнует кровь
тело молодое.

Бог с тобою! Ну а той,
за любви недели,
нелюбимой и одной
пропадать в метели.

* * *

Я — черный сухарь
среди твоих запасов,
где много белого хлеба.

Сухарь обживает плесень;
он в общем тебе не нужен —
какой уж там черный день!

Я — черный сухарь,
я мечтаю
когда-то кому-то согдиться,
кто истинно изголодал...

Но я — среди твоих запасов,
где много белого хлеба,
лежу, превращаюсь в камень,
и бедствую и — люблю.

ФЭЗЭУШНОЕ ПЛАТЬЕ

Фэзэушное платье тех лет...
ты в кладовке пылишься сегодня.
А хозяйки давно уже нет.
И кого ни возьми — в преисподней.

Потеряло и форму и цвет
фэзэушное платье тех лет.
Только пуговицы — где серп и молот —
все блестят, как глаза комсомолок!

Это платье из чертовых кож
так любила страна на рассвете!
В нем куда ни пойдешь — все хорош:
дождь не мочит, не лапает ветер.

Ох да славное платье! Ура
смастерившим его не из байки!
Только, может быть... может быть, зря
оказалось ты крепче хозяйки?..

И зачем тебе жить столько лет,
если нету хозяйки в помине —
изломавшей девичий хребет
в беспощадно гремевшей машине.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ СНИМОК

Любительский снимок, ты тем и хорош,
что глянец судьбы не прикрасил,
что резкости нету и лица, как рожь,
что выхлестал дождь и расквасил.

Фотограф-любитель — пролаза и черт.
Гоните его с юбилеев!
Таких он нащелкает жестов и черт:
увидишь себя — побелеешь.
Сидишь весела. Обнимают друзья
и этот, повадками горец.
Но карточке все же поверить нельзя —
в глазах заржавелая горечь.
Любительский снимок, ты тем и жесток,
что гляцевым быть не пытался...
что резкости нету... и серый итог
на оттиске сером остался.

Говорят, что красивой была.
 Может быть.
 Красота деревенская проще.
 Только мне,
 некрасивой, ее не забыть.
 Вот стирает...
 Вот простынь полощет...
 От нагибки багровым лицо налилось.
 Руки бедные не разгибались.
 Так их вздуло и так от воды разнесло,
 что руками утопших казались
 (по весне, в ледоход, проносило лихих
 по разбитой Двине. Навидались).
 Но летают они над водой,
 распалясь.
 Прорубь паром исходит недаром.
 А потом на салазках
 с простынками таз
 в гору тащат, окутаны паром...

И зачем нам, голодным,
 была чистота,
 холод простыни этой хрустальной?
 Видно, та чистота
 и была в ы с о т а
 нашей северной мамы печальной.
 ...Много лет — без тебя.
 Я смогла устоять
 и в жестокий мороз не загинуть.
 Только вот не могу разгадать
 твой секрет белоснежных простынок.
 Видно, руки мои, чтобы воду отжать,
 перенежены, слишком красивы.
 Видно, вправду, коленями надо вмерзать
 в белый лед
 перед прорубью синей.
 И лицом багроветь, и красу вытравливать
 беспокоейством о сыне, о внуке.
 И на стуле нечаянно засыпать,
 уронив некрасивые руки.

ВЛАДИМИР АГАФОНОВ

Родился в 1957 году. Окончил физфак Казанского государственного университета (1979). Публиковался в журналах «Татарстан», «Идель», «Независимая Отчизна», альманахах литобъединения Казанского медицинского университета «Белая ворона». Автор сборников поэзии «Я люблю тебя дальнюю» (Казань, 2003), «Круг» (Казань, 2003). Переводит татарскую поэзию на русский язык.

КАЗАНЬ

Это город студенческих общежитий, оврагов и серых заборов, с которых никакой дождь не смоеет пыль. Ибо она рождается из этих заборов, и сколько ни крась их, континентальный климат и сам сатана слушивает краску кусками и перетирает в пыль — но все же вид из окна,

отмываемого дважды в год, мне по-настоящему дорог.

Это город смуглых девушек со стройными, но пыльными, как тротуары, ногами, а может быть, и не пыльными, но в любом случае самое темное место — коленки.

Это город общежитий, оторванных от моногамии, город четырех, пяти или шести заключений в четыре стенки.

Это такой город, что, если спросишь имя девушки, чаще услышишь: «Гуля».

И будет эта Гуля тренирована и ломана на тренажерах.

Это город надежд и страстей, ибо об ухажерах еще только учатся судить по тому, сколько за раз, за ночь, за недельную дружбу.... И кого как за это одели-обули. Здесь, в провинции, еще в ходу оттенок волос и цвет глаз.

Это город надежд и страстей, обмениваемых на благополучие, город удешевления — каждодневного и неуклонного — от слона в зоопарке, покрытого струпьями, до червонца в «грот-баре», отсчитываемого влюбленным.

Это город такой, что можно спокойно гулять в полночь, а в полдень на базарной площади вас зарежут без нужды.

Я рожден в этом городе, этот город мне дорог, потому что другие — чужды.

СВЕТЛАНА АГАЧЕВА

Окончила Казанский государственный педагогический институт. Публиковалась в республиканской прессе. Участник коллективного сборника стихов «Хлеб и розы» (Казань, 1978).

* * *

Если так стих сложу,
как цветок в ладонь вложу —
в горстку непослушную,
в горести опущенную...

Если так стих сложу,
как этаж к этажу,
чтобы хоть немногих
отогреть с дороги...

Если в добрый мой дом —
диль-дон! диль-дон! —
позвонит хоть один,
сам себе не господин...

За такие стихи
мне простятся все грехи.

ОДИНОКАЯ

Неприкаянная невстреченность
одиночества,
принимаемая за вечность
или пророчество...
И мечты твои, словно лебеди,
сбились в стаю —
одиночество снова в небо их
не пускает.

ДОЧКЕ, КОТОРОЙ НЕТ

Бросить бы все — и
точка:
прожитое не лечат.
Но протопочет дочка
дождиком по крылечку,
трогательно привстанет,
стайки ресниц вспугнет —
вздогнет сирень в стакане,
мартом в лицо дохнет.
Челка тугого шелка
тронет мою щеку
и прощекочет пчелкой
по носу и виску.
И причащаясь к чуду,
точно в гречишный мед,
я погружаю губы
в чистый вихрашек взлет.
Дочка — мое спасение,
искорка естества,
прочное ощущение
истого божества.
Нет тебя, да и будешь ли,
лучшая моя выдумка?
Лучиками из будущего
светят глазенки
дымчатые...

АХМЕД АДИЛЬ

Родился в 1942 году в Мамадышском районе Татарстана. Окончил Московский Литературный институт им. А.М.Горького (1976). Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор более 10 поэтических книг на татарском языке и сценариев более 50 документальных и короткометражных фильмов. Один из авторов сценария первого татарского мультфильма. Лауреат Литературной премии им. Фатиха Карима.

ГОЛУБИ

Город окунулся в темноту.
Ночь.
Легким прикосновением ветер
качает фонари.
Какой-то маленький художник,
может, впервые в жизни,
нарисовал голубей,
белых голубей на тротуаре.
Художник, должно быть,
давно уже спит,
а голуби летают.
Так они будут летать,
пока их не смоем дождь.
А тех, что он в сердце носит,
не смоят ни дождь, ни время...

ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ

Все было,
было:
вечер и скамейка...
Задумчивость ее бездонных глаз,
Старинный город,
сплетницы...
жалейка...
Оркестр эстрадный...
Танцы...
Контрабас...
Все было, было!

Синие рассветы,
Гора и речка, где-то под горой...
И, кажется, все это было летом...
Но где и с кем?
Неужто все со мной?!

ТИМУР АЛДОШИН

Родился в 1961 году в Казани. Учился в Казанском авиационном институте. Публиковался в республиканской прессе и журнале «Новая юность» (Москва). Участник коллективного сборника стихов «Лица» (Казань, 2000). Автор сборника поэзии «Те и эти светлы» (Казань, 2003). Редактор отдела поэзии журнала «Квадратное колесо». Лауреат Литературной премии им. А.М.Горького (2005).

* * *

И.З.

Нас женщины с тобой переживут,
и, может быть, напишут мемуары,
в которых будут тихие бульвары,
и золотые розы расцветут.

Они напишут наши имена,
слова, объятья, клятвы и измены,
и как мы шли убитыми с арены,
обнявшись вкось, а дальше — тишина.

Перекосившись, как мы сквозь прошли
объятья, стены, книги, колыбели —
запишет только звон немой капли
на грифельной поверхности земли.

Столкнувшись в небе, сталью плоскостей
навек в другую вечность переплаваясь,
с последней высотой своей не справясь,
обнявшись вкось, ушли мы из гостей.

Как двое пьяных в ночь, где жены ждут,
и, может быть, напишут мемуары,
когда моря, арены и бульвары
одежды наши миру отдадут.

ЗАРАТУСТРА

«Говори же мне, о, говори!» —
ты рыдала прибоем конвульсий.
В душной сетке вечерней зари
билась рыбою жилка на пульсе.

«Говори...» — ты шептала сквозь бред
уходящих веков небосклона.
«Говори...» — вся трепещущий свет,
вся — одно распростертое лоно.

«Говори...» — и была Океан,
и пучина, и рыба, и лодка...
Душный невод немотных нирван,
Афродита, природа, уродка...

В каждой звездочке: «Досотвори!» —
слышен вопль унесенных из рая:
«Говори мне меня, говори!!!» —
умоляет Природа немая.

Рухнув женщиной в душную плоть,
стонет в муках Вселенная Слуха,
бьется в двери, где Речь и Господь,
вся — одно воспаленное ухо.

ЧАЙ

Чай с сахарной возлюбленной всю жизнь
пить, отражаясь в медном самоваре,
за кухонным столом, где так свежи
на скатерти ржаные караваи,

где весь наш путь в стихах изображен
на площади от центра до подола:
вот я стою, тобою поражен,
вот ты стоишь, потупив очи долу.

Вот мы идем по тропочке ночной,
прощаемся, размазывая слезы,
а вот благословенною весной
в густом саду возделываем розы.

Вот мы сидим с тобою за столом,
за самоваром медным и болтливым,
и календарь с мерцающим числом
единственный мешает стать счастливым.

Чай с сахарной возлюбленной всю ночь
пить, про любовь рассказывая сказки,
и истекать, как пар, и изнемочь
от света глаз и ожиданья ласки —

а ласки ждать напрасно от нее,
коль есть закон: чаевничать вприглядку!
Но сладко сердцу просто знать ее
и подчиняться строгому порядку.

...Чай с сахарной возлюбленной в свой час
пить, обнимаясь с медным истуканом,
что отражает чей-то хитрый глаз
и тонкую усмешку над стаканом.

* * *

Слепою с палкой шла двором вода.
Ей попадались то ступень, то яма.
Коленопреклоненная звезда
перед осенним деревом стояла.

Был полон двор наш листьев, как беды.
В твоих глазах текли сплошные листья.
У падавшей все ниже к нам звезды
ни утешений не было, ни истин.

Был деревом почтовый ящик полн.
Прижав к груди багровый ворох писем,
ты шла, как рыба, ищущая волн,
или как птица, брошенная высью.

Дошла до нас почтовая вода,
всей красотой слепою молодою
воздев лицо незрячее туда,
где дерево стояло со звездой.

То осень шла. То были ты и я.
То наши письма, сорванные с веток,
хватали воздух рыбами ручья,
как птицы, бились в стенки водных клеток.

САД

Все дачники вернулись с этих мест,
отмыли прах и золото заботы,
и видят сны — все яблоки окрест,
да помидоров спины и животы.

Накланялись любовнице земле,
налазались на небо за плодами,
как ангелы, в железе и золе,
бредут, бредут вселенскими рядами.

Идет в широкой шляпе рядом дождь,
идет собака серебристой лодкой,
идет и тот, кого совсем не ждешь,
чуть светится улыбкою и водкой.

От слов незваных лапой отмахнись,
но нету сил, и это что за лапа?!
А вон хозяйка с тем идет... вернись!
Но все смеются надо мною, папа.

И я сама, пытаюсь все понять,
кто я, иду, пытаюсь не смеяться,
то липою, то лапою опять
машу, машу родным глазам, что снятся.

* * *

Утро. Собака сидит на дереве.
Это неправильно, черт возьми.
Что она, спрашивается, там делает?
Жалобный взгляд говорит: «Сними!»

Лезла за кошкой, и было здорово...
Но провалилась в туман луна —
и вот, очнувшись, в платье разорванном,
скована с веткой, дрожит она.

Лезу, хоть сам не умею, выше все,
дуру снимать, что сидит, скуля...
Вдруг ощущаю, как валко движется
страшным волчком подо мной земля.

Где же собака? Сижу на дереве,
мокрые пятна коры обняв.
«Что он там, собственно, утром делает?» —
это, конечно же, про меня.

Лезут спасать. Все мокро от осени.
Вдруг просыпаюсь, как от толчка:
кто же их всех теперь снимет, Господи,
с башни летящего вкривь волчка?!

* * *

А.С.

Говоришь, что нет кометы,
пес бы с ней, зачем ей быть —
без того довольно свету,
на кого собакам выть.

Без того луна-купчиха
трехведерный самовар,
как обжорная пучина,
грусти в небо собрала.

Сделал в Гамбурге отвратно
дурочку хромой бочар, —
вот и ходит, ищет брата
стеарином по ночам

застилая очи, долы, —
то ей Авель попадет,
то вновь Каина в подолы
на крылечко принесет.

Каплют белые глазницы —
слезы, вечность, пустота:
то синица, то Жар-птица,
то две досточки Христа.

Ходит, бледная, по свету,
как Офелия, нема,
то танцует, как Одетта,
то горит, как Кострома.

Без нее довольно бдений
у карнизов и у крыш,
несвиданий, нерождений,
невосходов Солнца. Лишь

голос твой. Лишь голос, голос.
Говоришь, что нет комет,
что не стал на эту горечь
тяжелее белый свет.

Красота конца и боли,
та, что раньше жгла меня,
исчезает в чистом поле
за хвостом тепла и дня.

Морок светопреставлений,
ахеронское весло —
выгорают, как поленья.
Мне тепло, тепло, тепло.

РИМ

Ни Рим, ни мир, ни мальчик никогда
на белом свете не существовали.
И Лизы Тейлор черная звезда
в реальной жизни мыслима едва ли.

Все проще: сковородка, два яйца,
от ужаса навывкате глазунья,
и в нервный нос текущее с лица
одеколона жирное безумье.

Бюстгальтера обманный поролон,
и горький плод внезапного познания:
ни Рим, ни Пушкин, ни Наполеон
не украшали плешку мироздания.

Все было проще: черные тиски,
коробка спичек, горечь и зубило...
Хоть вырвите с досады все виски —
про остальное девушка забыла.

Когда растет на шее голова,
поймешь (а можно думать и головкой):
ни Рим, ни Гоголь, ни Иегова
не пробегали этой мышеловкой.

Все было проще в тыщу раз: кабак,
а в нем поэт, болтливый с перепоя,
и сделанный для смеха, просто так,
бумажный конь, парящий над толпою.

Истории не сыщешь и следа...
Видать, лошадку ловко подковали!
Ни Рим, ни мир, ни автор никогда
на белом свете не существовали.

ВАДИМ АНОНИМОВ

Родился в 1966 году в Казани. Окончил мехмат Казанского государственного университета (1988), Казанский финансово-экономический институт (2004). Публиковался в республиканской прессе, в журналах «Идель», «Квадратное колесо». Лауреат премии «Малый Зилант» Всероссийского фестиваля «Зиланткон» за произведения в жанре научной фантастики (1996).

* * *

Талант, зарытый в землю, не гниет.
Его неорганическое тело
Над брэнностью смеется то и дело
И песенки о вечности поет.

А кольчатые водят хоровод,
Где все осуществленные творенья
Кружатся, превращаясь в удобренье,
И лишь невоплощенное живет.

Так получилось все наоборот...
В ком было больше радости и дела,
Тот воплотился, но душа истлела,
А кто не жил, тот к Богу припадет.

НИЯЗ АХМЕРОВ

Родился в 1945 году в Казани. Окончил Казанский государственный медицинский институт (1968), Казанский государственный университет (1971). Доктор медицинских наук. Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор ряда сборников поэзии и прозы. Переводит татарскую поэзию на русский язык.

ХУДОЖНИК

Раз на камне мшистом придорожном
Разыгралась змейка золотая.
То узор сплетала осторожно,
То струилась, искрами сверкая.

И смотрел, как змейка веселилась,
Молодой художник у дороги.
От красы тревожно сердце билось.
Хоть не ведал он причин тревоги.

С той поры у камня был он часто,
Чтоб познать искристые забавы.
Он творил безудержно и страстно,
Он достиг давно желанной славы.

Говорили все, что потаенной
Дышат жизнью все его творенья,
Что таится сладостный и темный
Дух в змее, дороге и камнях.

Но открыл случайно тот художник,
Что из всех дорогою идущих,
Только он на камне придорожном
Видит танец странный и зовущий.

Все поняв, с молитвенным волнением,
В тот же час он змейку обезглавил.
И исчез во всех его твореньях
Жизни дух, что труд его прославил.

С той поры забросил он искусство.
Жизнь провел в молитве неизменной.
Лишь порою холодно и пусто
Было в сердце гордом и смиренном.

НАИЛЯ АХУНОВА

Родилась в 1959 году в Альметьевске. Окончила Казанский государственный институт культуры (1986). Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор книг «Далекый свет» (Казань, 1995), «Принцесса Сластина» (Казань, 1996), «Бабье лето» (Казань, 1998), «Качели» (Казань, 2004). Руководитель литературного объединения при Казанском медуниверситете «Белая ворона», заместитель главного редактора детского журнала «Зонтик».

КАЧЕЛИ

Меня бросает
То в жар,
То в холод
Шальной фортуны
Слепой каприз.
То верю: «Любишь!»
И птицей — в небо.
То вновь не верю,
И камнем — вниз.

СИРЕНА

Л.Г.

Любовь твоя — омут.
Русалкою в нем
Резвишься, зазывно хохочешь.
И дерзким огнем
И ночью, и днем
Горят сумасшедшие очи.

Беспечна, юна. И даже луна
Любуется девичьим телом.
Ты многих сведешь
Своим пеньем с ума.
Погубишь, не зная об этом сама
Влюбленных, доверчивых, смелых.

* * *

Мой мир изменился.
В нем так неуютно.
Он сложен из острых углов.

Мой мир изменился.
В нем дышится трудно.
Здесь редкая гостя любовь.

Мой мир изменился.
В нем страшно. И смутно
Без прежних привычных богов.

Ни толку, ни смысла...
Плыву через будни
В скорлупке спасительных снов.

* * *

Нежданная осень
Ревнивой женой
Крадется по следу,
Грозит мне бедой:
Размою дороги
Водой дождевой,
Засыплю тропинки
Листвой огневой,
Сожгу все мосты
Между ним и тобой!

* * *

Холодное утро с дождем.
И грустно и странно.
Поминки — по лету вдвоем —
Справлять я не стану.

Что было, то было. Прошло.
Не тянет на драму.
А дождь все стучится в стекло,
В оконную раму...

* * *

Октябрь предпочитает монохром,
Все аскетично, строго в нем.
Он пишет всласть дождями «по-сырому»
Или белилами разводит желтый крон.

ОСЕННЕЕ

Когда-то я себе казалась
Веселым майским листиком на ветке.
Удачно вписанной в весенний окоем,
Совсем как у Иванова...

Сейчас же из последних сил
Цепляюсь за родную ветку
И вниз взглянуть боюсь,
Где палая листва...

* * *

Он мою любовь не принимает.
Он меня всерьез не принимает.
Он чужой и хмурый, этот мир.
Больше я ему не доверяю.
Ухожу в себя, как в монастырь,
И надежно двери затворяю.

АНГЕЛЫ МОИ ХРАНИТЕЛИ

1

Ах, милые мои родители,
Вы в жизни столько горя видели,
Но все такие же наивные,
Мои вы ангелы-хранители.
Свои и радости и горести
Мне б также пережить достойно.
Под вашим неусыпным оком
Мой тает страх, я сплю спокойно.

Моя семья — мое убежище,
 Моя берлога, крепость, лежбище.
 Заветный штиль среди вселенской бури.
 Мое спасение от одури и дури.
 Мой верный поводырь и страж.
 Мой светлый мир,
 Где мне неведом страх.

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА

Душе не надо хлеба.
 Душе не надо зрелищ.
 Ей нужно только небо.
 И тишь укромных лежбищ.
 Душой любимы звуки
 Родной татарской речи,
 Что от тоски и скуки
 Легко тебя излечат.
 Приеду тихой ранью
 Я в арскую глубинку,
 Где на окне герани,
 А за окном — рябины,
 Где речка так же вьется,
 Бежит среди холмов,
 Где сердце громче бьется
 И закипает кровь
 От зова наших предков,
 Дыхания земли,
 Где свой приют последний
 Сородичи нашли.

ЮЛИЯ БАДЕР-ДУБЯГО

Родилась в 1914 году в Александрополе (Ленинскан). Училась в Московской «Студии искусства движения», которой руководила Валерия Цветаева (старшая сестра Марины Цветаевой), на Высших литературных курсах (1928–1930). В 1935 году осуждена по статье 58-10 (контрреволюционная пропаганда). Освобождена в декабре 1936 года по «ударному зачету» за работу в агитбригаде. Работала бухгалтером в Калининe, завклубом в Белой Холунице (Кировская область), в Казанском музее А.М.Горького. Публиковалась в республиканской прессе, коллективных сборниках «За урожаем победы» (Казань, 1944), альманахе «Родина» (Казань, 1942). Автор поэтических книг «Звездный дневник» (Казань, 1967), «Проникновение» (Казань, 1998). Ушла из жизни в конце 90-х годов.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ БАГАЖ

Сочиняю не от праздности —
Настроений смутных блажь!
Песни грусти, песни радости —
Удивительный багаж!

На него билет не нужен,
Он дублен из прочных кож,
С ним легко и в зной и в стужу —
Всю планету обойдешь!

С ним беда тебя не словет
И у черта на рогах,
Где ничто уж не поможет,
Разве случай да Аллах!

Ни от горя, ни от старости
Нет страховки никакой!
Песни грусти, песни радости,
Вы — отрада и покой!

* * *

Когда я перестану жить,
И кровь застынет в жиле каждой,
Венок из белых флердоранжей
Прошу на лоб мне положить,
А в тяжкий жертвенный атлас
Холодные окутать плечи,
Чтоб снежным облаком от вас
Уплыть в сияющую вечность.
Пусть в синих взорах жениха
Растает то, что было мною, —
Сосуд любви, сосуд греха
Бесстрастной бросит он рукою.
В горящий звездный водопад —
Лететь, лететь, уничтожаясь,
Чтоб, с космосом в веках сливаясь,
Вновь возродиться из громад.
Быть может, на моем пути
Иные повстречаю души,
Своим полетом их нарушу,
Своим сиянием смутив!

* * *

Боюсь я о рассветах говорить
И небо обряжать в пурпуровую тогу,
Душа моя, ты стала недотрогой! —
А мне тебя приходится казнить! —
Не раз, не два и не на лобном месте,
Казню тебя я с каждой новой песней!

* * *

Вместо подушки под голову камень,
Ресницами в небе держу облака!
Их бег незаметен, торжественно-плавлен,
И с ними из глаз уплывает тоска.

А птицы играют, купаясь в закате,
И медленно клонится праздничный день,
А я, словно девушка в розовом платье,
А я — багряницы вечерняя тень.

Любовь — одуванчик, дохнула и нету!
Травинкой-былинкой в степи я одна,
А солнце цыганит и сыплет монеты,
И светится Волга до самого дна.

И нету просторов для взора мне краше,
И нет мне милей — затеряться в степи.
Пусть землю грозою весеннею вспашет,
Пусть буря овчаркой сорвется с цепи!

Я СЛАВЫ НЕ ИСКАЛА

Я славы не искала, нет!
А слов редчайшие созвучья.
В душе — шиповниковый цвет
Горит и обжигает жгуче!

И мне не нужны похвалы...
Не знаю лучшей я награды —
То голос неба, не толпы,
Которой истины не надо!

Где равно с песней — хриплый вой
И тел развинченных кривлянье.
Не лучше ль скорбною рукой
Просить у храмов подаянье?

Подай, о Господи, подай, —
Тишайшее из всех причастий,
Живую кровь свою подай,
Чтоб сердце рвать мое на части!

Я не больна, я не стара,
А только очень одинока,
Все, кто любил меня, далеко,
Они ушли — и мне пора!

НЕ УЗНАЛИ!

Часто люди в настоящем
Не поймут, что дышат счастьем!
И бывают близоруки,
Превращая радость в муки!

Мудрость к нам придет с годами.
Дальнозоркими глазами
Разглядим в далекой дали,
Как мы счастье не узнали!

ИЗМЕНЧИВОЕ СЧАСТЬЕ

Уж весла не поют в уключинах,
И к Светлограду не пристать!
Одела старость мне наручники,
Их не поднять, не то что снять!

Душа пропитана усталостью,
Как губка мыльной водой.
Не знаю, сколько дней осталось
Мне видеть небо над собой,

Хочу я смыть земную суетность,
Забуть про годы, что лихи.
Чтоб васильки цвели, и молодость,
И безгреховные грехи!

И поцелуев тех причастие,
И трав прохладную росу,
Свое изменчивое счастье
Я все же к людям донесу!

ИКОНЫ

Сереброликие, пресветлые, святые,
В историю шагнувшие навек.
Блаженные иконы расписные,
Сподобиться вам должен человек!

Чтобы творить вас, доброхот-художник
На Землю звезды должен снизвести.
У небожителей он — вечности заложник,
В их светозарности ему себя блюсти!

Грешить иконописцу — невозможно!
Он каждый штрих с молитвою кладет...
И сотворяет чудо осторожно...
Вот голубицей Богородица грядет!

Иисус Христос возводит к небу очи —
Прощенье — злу, откроются уста!
Людским грехам страданья путь отсрочен
Под тяжестью Иисусова креста!

Сереброликие, пресветлые, святые!
В историю шагнувшие навек,
Иконы русские, иконы расписные,
Вы чудотворные, пречистые, как снег!

ЭЛЬВИРА БАЙГИЛЬДЕЕВА

Родилась в 1969 году в Казани. Окончила истфак Казанского государственного университета (1991). Публиковалась в республиканской прессе. Один из организаторов Всероссийского фестиваля фантастики и ролевых игр «Зиланткон» в Казани. Лауреат Литературной премии «Малый Зилант» (1999). Автор поэтического сборника «Настало время воздуха» (Казань, 2000). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Я умирала на плаще
Под бременем пророчества.
Мне не хватало двух вещей:
Любви и одиночества.

Войска бегут, толпа поет,
Костер ревет и корчится.
О, как же мне недостает
Любви и одиночества.

И так — который век подряд:
Все колетя, все хочется,
Нет, не нарядов, но заплат —
Любви и одиночества.

Однажды, их объединив
В одном сосуде крохотном,
В итоге мы получим взрыв,
Который в блеске, с грохотом

Обрушит семь небесных врат,
Плеснет дворцами млечными.
А ведь всего-то и затрат —
Сердечко с тонкой трещиной.

Когда сумеешь — оживи
Бесстрашное отрочество.
И дай нам, Господи, Любви.
А после — одиночества.

* * *

Меч и пламя, плащ и посох,
Безответные вопросы,
Замки — серые колоссы —
Море вспенили, дробя.

Из того, о чем мечталось,
Ничего мне не досталось,
Ничего со мной не стало,
Кроме, может быть, тебя.

* * *

В мире пустота эхом полнится.
Я ли заперта в темной комнате?
Мир, почти родной, вдруг стеной восстал
Да пошел войной, да небес хрусталь
Краем зацепил ненароком-то
Шаром на цепи, с тяжким рокотом.
Мир — как шар литой на цепи стальной,
Только мне-то что? Между ним и мной
Одиночество — шуба царская.

Одиночество — как ночной полет.
Красоту его не любой поймет:
Стелются у ног облака с дождем,
Кто не одинок, тот не награжден.
Раздвигает тьму свет пронзительный
Искорки, в дыму еле видимой,
Тем, кто, как и я, над землей царит:
Это боль моя в пустоте горит,
Превращая тьму в сумрак серенький.

Был бы мир душист, как проталина,
Чтоб родной души не хватало нам,
Чтоб лампадки те до скончания
Мы не жгли впусте да в отчаянье —
Слились в островок в черном омуте.
Вы небось того и не вспомните
В сумеречной вашей обители:
Враз и свет и тьму бы увидели...
Может быть, как есть, так и ладненько?

СЕРГЕЙ БАЛЫБЕРДИН

Родился в 1951 году в селе Кажирово Костромской области. Окончил Казанский инженерно-строительный институт (1979). Публиковался в республиканской прессе. Участник коллективных сборников «Была весна» (Казань, 1987), «Зов» (Казань, 1989).

НАБРОСКИ К РАССКАЗУ: Я ИДУ ПО УЛИЦЕ...

Знающий не говорит, говорящий не знает...

Лао-цзы

(Эпиграф, которого пока еще нет)

В Казани, на улице Горького,
в доме, где когда-то была пекарня,
теперь занимается литобъединение:
небольшой литературный кружок членов
и не членов литобъединения, —
полная демократия вкусов.

Может быть, они знают...

В домике, в котором Алеша Пешков —
будущий великий писатель,
работал подручным у пекаря,
выпекается теперь поэзия
...один раз в две недели,
по пятницам... Совершенно бесплатно,
могут приходиться все желающие.
Может быть, они знают...

Молодые и не молодые уже
члены литобъединения —
все хотят быть скорее поэтами
и поэтому —
больше говорят,
чем слушают друг друга.

Старенькие стены музея
пошатываются, кряхтят,
ноют суставы ступенек деревянной лестницы,
тысячи шагов пронося над собой,
год за годом,
терпя ожидание...

Может быть, они знают...

Между тем на соседних улицах
разворачивается строительство,
потихоньку сносят старые дома,
заменяя их новыми, с теплыми туалетами,
горячей водой и лилипутскими кухнями:
идет переселение из общежитий.
Вечерами поблизости от музея
можно встретить поседевшего члена литобъединения,
толкающего перед собой детскую коляску;
сморщенное личико младенца
таинственно...

Но он еще не говорит.

Напротив музея, в угловом доме,
продают дешевое вино.

Молоденькая продавщица, тощая, как рифма,
за 1 руб. 12 копеек дает бутылку вина
и еще —
улыбку...

Может быть, она знает...

что происходит в мире?

И что происходит в колясках?

Пока странные папы,
засунув руки в карманы,
вспоминают, какое сегодня число,
пересчитывая мелочь.

Поседевшие раньше времени
от стихов и безденежья.

Может быть, они знали...

Но, как бы то ни было, —
по пятницам, раз в две недели,
поэты, музеи и гастрономы объединяются!

В священном союзе
по созданию новой поэзии, —
да поможет им бог!

(Может быть, он знает...)

А пока...

Маленькие детки,
предоставленные самим себе,
писают в пухлые тряпки
и орут благим матом в колясках
у музейных стен.
Время летит быстро...

СЕРГЕЙ БАЛЬЦЕР

Родился в 1952 году в городе Чеснокове Алтайского края. Окончил Казанский авиационный институт (1974). Публиковался в республиканской прессе. Один из авторов сборника поэзии «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Песни пишет с 1970 года на свои стихи и стихи профессиональных поэтов. На студии «Сибирский тракт» в 1989 году записан альбом песен «Всему свое время».

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Шел человек
никуда
не спеша и тихонько
насветывал
легкий
мотив.
Время от времени
щелкнув для верности пальцами,
он
подлетал над землей
и,
полетав просто для
удовольствия,
дальше шагал
и тихонько
свистел.
И
по привычке
он думал
различные важные
мысли своей
головой,
ну, например, чем весна
лучше лета и чем
они вместе значительно лучше
зимы.

Я отчетливо помню —
было так иль почти.
Акварельных симфоний
звуки гаснут горсти,
Надвигается холод,
я присел у огня,
Все прошло, я не молод,
ты не любишь меня.

Ну, так что ж —
я возьму акварель,
нарисую я зеленую ель,
фиолетовый закат, синий дым,
нарисую я себя — молодым.
Нарисую, что сижу у костра,
и готов так просидеть до утра,
что ты рядышком сидишь у огня...
Хорошо, что ты любила меня!

* * *

Пройдут назначенные сроки,
дождем по крыше простучат
твои единственные сроки,
которые в тебе звучат,

а по ночам забьется тесно
из нервов соткана, из жил,
твоя единственная песня,
которую ты не сложил.

И не заметишь, как промчится,
закладывая виражи,
исчезнет непропевшей птицей
твоя единственная жизнь,

а пессимизм — исход неважный,
запомни только навсегда,
что жизнь дается лишь однажды,
другой не будет никогда.
А может оно и к лучшему?..

ВЯЧЕСЛАВ БАШИРОВ

Родился в 1950 году в Казани. Окончил мехмат Казанского государственного университета (1972). Член Союза писателей СССР. Публиковался в российской и республиканской прессе. Автор книг «Время и полдень» (Казань, 1981), «Дикобраз и корабль» (Казань, 1982), «Река» (Казань, 1985), «Попляши, поплавок!» (Казань, 1988), «Целый день» (Казань, 1989), «Будьте бобры!» (Москва, 1990). Известен и как переводчик татарской поэзии. С 1991 года живет в Израиле.

ВСЕ ЯСНО

Один мой дед читал Коран,
другой читал Талмуд.
Один был мудр, но так упрям,
другой — упрям, но мудр.

А я ни — в одного из них.
Ни в одного из них.
Я прочитал сто тысяч книг.
Читал сто тысяч книг.

И ничего не понял в них.
Чего не понял в них?
Того, что поняли они.
Что поняли они?

Но я упрямый, я найду
не мудрость, так года.
И я когда-нибудь уйду
отсюда — и туда...

Где два упрямых мудреца
мне скажут — Книгу Дней
читать положено с конца,
тогда все ясно в ней.

ПОД ЗНАКОМ РЫБЫ

Чудес не бывает случайных,
быть может, потом и не здесь
узнаешь случайную тайну:
почти не бывает чудес,
не скоро сбываются, скупо
отмерена доля удач,
поверишь ли ты гороскопу,
который сойдется, хоть плачь,
не часто бывает счастливым
рожденный под Рыбой, его
не ждет ни успех торопливый,
ни легких побед торжество.

Июньское солнце лениво
катилось дорожкой своей,
коровы хвостами сонливо
хлестали настырных слепней,
в заливе вода застоялась,
прогрелась до самого дна,
в садке ничего не плескалось,
напрасно бросалась блесна,
блестевшая жаркой латунию...
Да нет, не бывает чудес,
никто не рыбачит в июне
на спиннинг, тем более здесь.
А мальчик забрасывал леску,
трещоткой легко стрекотал,
бамбук изогнулся вдруг резко,
рванулся из рук, и упал...
Коровы глядят безучастно,
кусаются злые слепни,
счастливые дни так нечасты.
Нет, в детстве случались они!
Все тащишь и тащишь
оттуда свою немудрящую снасть.
Само ожидание чуда уже...
Осторожно, не сглазь!
Тому, кто имеет несчастье
родиться в конце февраля,
надеждой нельзя обольщаться,
прощать не умея вранья
судьбе, обещавшей улова такого!
Что блеска в реке...
Июньское солнце, и снова
тот берег... и жерех в руке!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

И дым отечества, в котором жгут архивы
секретные, украдкой, торопливо,
он всей невероятностью своей
приятен нам, дымок отвратный сей.

Он странным чувством наполняет душу,
и мы друг другу говорим: послушай,
так значит, в самом деле, старина,
другие наступают времена!

Следы свои преступная эпоха
уничтожает, значит, что ж... ей-богу,
выходит, дело плохо для нее?
Уходит, унося свое вранье,

свое безумие, свою жестокость,
своих великих планов кривобокость,
своих тиранов, их державный бред...
а в школе нас учили — Бога нет!

Но школьных не сжигали мы тетрадок.
«Отечества и дым нам сладок...» Сладок!
Так и запомним, так и затвердим.
«И дым отечества...» Отечество — и дым.

СТРОЧКИ

Все так плохо, что привычка
находить утешенья в привычках
помогает на время забыться,
закурить, за газетой спуститься,
и выводит, как пса на прогулку,
вот с карниза упала сосулька,
мимо дома, в котором когда-то,
до чего молодые солдаты,
мимо оперного парфенона,
ну и бабка, живая икона,
здесь скамейка была, за сараем,
что, простите, а, пятым трамваем,
мимо книжного, просто везенье,
и вернуться домой в нетерпенье,
и в любимые строчки уткнуться,
как чудесно, как точно, очнуться,
как печально, а кто-то не знает,
что печалью тоску исцеляют.

ДЕЛО НАШЕ

С.М.

Гражданин Коробкин с нашего двора
собирает пробки, этого добра
у него в подсобке полный сундучок.
Человек он робкий. Очень одинок.

В Северной Германии есть какой-то герр,
жертва пробкомании, коллекционер.
Да еще в Бразилии возле Эквадора
страдает пробкофилией некая сеньора.
Где-то там, на Марсе, в Море чудаков,
говорят, сыскался еще один таков.

Все живут надеждой, встречи ждут спецы.
А кругом невежды, профаны и глупцы,
и эти вот бедняги не одобряют страсть,
в которую, однако, не могут сами впасть.

Так и наши цацки, товарищ дорогой.
Верно, по-дурачки мы выглядим с тобой
в глазах сограждан мудрых, которым докучаем,
когда сокровищ груды почти за так вручаем.
Занятий бесполезных на свете до черта!
Вот ты бухтишь о безднах. А что в них?
Пустота...

ПРОПАСТЬ

Всех разделила эпоха, всех —
на тех и на этих, на этих и тех,
а третьих — нету! Славить и клясть:
«Власть Советам», «От Бога власть».
Время распалось на «вперед» и «встарь».
«Боже, царя...», «Ни Бог, ни царь...»
Рухнуло царство и пропасть времен.
Над бездной Россия — с обеих сторон.
Ею клянутся эти и те —
на «Манифесте» и на кресте.
От края до края великой земли
пространства — на выстрел в упор: пли!..
А третьих — неужто и не было их? —
ни этих, ни тех, ни таких, ни сяких...

ВРЕМЯ — ЭТО ТАКАЯ МАТЕРИЯ

Вечные истины вечно стареют,
вечные чувства и те быстротечны,
даже бессмертные наши творенья
в этой единственной жизни невечны.

Наши удачи и наши просчеты,
наших трудов непосильное бремя —
что же останется, что нам зачтется
после того, как вытечет время.

В этой единственной жизни невечны
даже смертельные наши болезни,
все неприятности время излечит,
только от смерти оно бесполезно.

Наши победы и наши мытарства —
это попытки самолечения,
время — убийственное лекарство,
жизнь — это времени кровотечение.

Неудержимо в прошлое хлещет
наше единственно настоящее,
временем только безвременье лечат,
если будущее не утрачено.

РАБОТА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Работа, что в жизни
тебе суждена,
да будет ревнива,
да будет верна!

Да будет одна лишь
судьбою дана
работа на все времена!
Чернеют поля
и белеют листья,
огромны пространства
с полета мечты.

Работа — не остров
среди пустоты,
а в будущее мосты.

Живущий на свете
надеждой живет,
что полностью
в небытие не уйдет.
И камень в стене
мироздания всего
останется после него.

Да будет судьбой,
что тебе суждена,
доказана формула
вечная вновь —

вся жизнь без остатка
работе равна —
помноженной на любовь.

СО СКОРОСТЬЮ ЖИЗНИ

Сидел человек и думал.
(О жизни задумался крепко).
Вдруг ветер осенний дунул
и сдул с человека кепку.
И тут человек как вскочит
и как побежит за нею,
догнать ее будто хочет,
а ветер — сильнее, сильнее.

За ветром он тянет руки —
быстрее! Быстрее! Что же ! —
быстрее скорости звука
бежит, а догнать не может.

Всю осень бежит и зиму,
весну пробежал и лето,
и тени бегут за ними
быстрее скорости света.
Весь свет пробежал за пропажей
(вся жизнь пролетела без смысла),
но только споткнулся однажды
на странной, нелепой мысли...

«За чем я бегу? — не помню.
Зачем я живу? — не знаю.
Чего-то я в жизни не понял
и это теперь понимаю».

И сел он на ту же лавку,
подумать о смысле жизни,
о чем-то в ней самом главном,
о нынешнем и о присном.

Сидел он, задумавшись крепко
об этом... и прочей петрушке.
И ветер ерошил редкий
пушок у него на макушке.

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

Родился в 1937 году в Ярославле. Выпускник геофака Казанского государственного университета (1961). Публиковался в российской и республиканской прессе. Член Союза российских писателей. Автор книг «Голоса расстояний» (Казань, 1967), «Ветер» (Казань, 1969), «Перекресток» (Казань, 1972), «Казанская тетрадь» (Казань, 1980), «Память» (Москва, 1981), «Тысячелистник» (Казань, 1984), «Лирика» (Казань, 1987), «Воз воспоминаний» (Казань, 1991), «Голоса расстояний» (Красноярск, 1998) и других. Руководитель литературного объединения ARS (1970–1991). Живет во Владимирской губернии.

СОСНА

Не всем, не все на свете удастся,
но удалось — и, словно с плеч гора!

Сосна росла, как в каменном колодце,
внизу, на дне глубокого двора.
Когда-то и она от солнца слепла.
Но город рос.
И таял древний бор.
Каким клочком ей заменили небо!..
Каким гвоздем пришили к ней забор!
Опутали ее домохозяйки
надежною веревкой бельевой.
Все повидала — и гульбу, и драки,
и живицей залечивала знаки,
которые оставил нож тупой.
Сарай, и тот — стоял к сосне спиной.
Вот так и не жила, а вековала.
И не ждала уже иной поры.
Но каждый год весна атаковала
потоком солнца души и дворы.
Мучительно оттаивали корни...
И было страшно в эту ночь, когда
она по стеклам была хвоей черной,
какой-то новой силой налита...

А утром в окна чистые ломился
языческий Ярило — бог Весны!
Я рано встал.
И мало удивился,
не обнаружив за окном сосны.
Она ушла.
Куда — никто не знает.
Ушла, по лужам волоча белье.

Она ушла, хоть так и не бывает.
Ушла и все.
Я счастлив за нее.

* * *

Можно получить в наследство клад,
не державу, так аспирантуру,
можно даже разум и талант,
но нельзя — ни душу, ни культуру.
Это не дается без труда,
как насущный хлеб и та же рыбка.
Это неприметно — как звезда,
ощутимо, как во тьме — улыбка.

БАЛЛАДА О МИРНОМ ВРЕМЕНИ

Бегом, вон к тому фонарю!
Он осветит вечер счастливый,
две тени, большую — мою,
и малую — дочери милой.

Из детского сада — домой,
по снегу пушистому — к маме!
Две тени у нас за спиной,
нет, слева,
нет, вновь перед нами!

Под колбою, полной огня,
сияй нам, снежок непримятый!
Две тени, ее и моя,
две стрелки в кругу циферблата.

В пальто, неуклюжи, смешны,
две тени, две темы в поэме,
и обе нужны,
и должны
по-своему чувствовать Время.

И обе — болтая, смеясь,
идут себе, машут руками...

Продлись, нашей радости час!
Нет мира под небом — веками.
Что — счастье?
Я знаю и сам,
что вырастут тени, растают.
Но — верю: по этим часам
Вселенные бег поверяют!

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Три-та-тушки, три-та-тушки,
В чистом поле за селом
Я лежу на раскладушке
С мировым сражаюсь злом.
Я лежу, читаю Данта.
Только ад — не там, а тут:
вкруг меня грохочут танки,
бэтээры стадом прут!
Дружно скачут генералы
на железном на коне.
Поля им, конечно, мало —
едут, гордые, по мне...
Им подвластен огонь кинжальный,
взрывы, треск очередей.
Я — лежу, живой, печальный,
ну, последний из людей...
Я лежу, жую печенье
с добрым именем «Привет».
А вокруг — возня, ученья
с применением ракет.
Возле пятки —
яркой вспышкой
пыхнул атомный грибок.
Ну, уж это, братцы, слишком!
Я и так почти без ног.
У меня на пятках — шпоры,
отложения солей.

Этак я, пожалуй, скоро
ухромаю в мир теней.
Я уже сержусь: — Кончайте!
Хлеб повитоптали весь...
За компьютером играйте
в ваши игры, а не здесь!
Вы мешаєте народу
наблюдать, как на цветок,
воплощая всю Природу,
опустился мотылек.
Хватит в Космос бить копытом!
Призадуматься пора —
отчего над Антарктидой
разрастается дыра?
Разве можно в ноосферу
лезть, не сбросив сапоги?
Или — жить, приняв на веру,
что кругом тебя — враги?
Вновь — в ответ? — по раскладушке
пушки-гаубицы бьют.
Александр Сергееч Пушкин,
гений,
он вскочил бы тут!
Я — лежу...
Но врать не стану —
сам себя уже боюсь.
Страшно будет всем —
как встану
в полный рост свой,
и — взорвусь!

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Странной виноваты мы виной.
Нами двигал вечный дух сомненья...
Не спасли ни знанья, ни уменья,
вот и нет фигуры ни одной
в нашем (бывшем славном!) поколенье,
кто бы знал — что делать со страной
в час ее прозренья и — затменья...

БАЛЛАДА ОБ УЛЫБКЕ

Жил-был я.
Мне было двадцать лет.
Улыбался я...
А случай — странный:
в зеркало взглянул,
там — старый дед,
весь в морщинах,
и беззуб, и сед,
смотрит с болью
темной, окаянной...
Неужели этот призрак — я?
Подменили, может, подшутили?
Где улыбка прежняя моя?

Ладно, свет в деревне отключили.
В темноте-то я —
конечно — я! —
молодой, улыбчивый, не хлипкий...
Хватить врать!
Видать и без огня —
что осталось от твоей улыбки.

* * *

Осенний дождь, слепая паутинка...
День стройности лишен.
И слух сверлит с утра
железное «тик-так»...
Сажу, читать пытаюсь,
но чувствую, как легкий сквознячок,
полет стремительного времени...
Похоже,
что этот ветер
до костей меня прохватит.
Не спрячешься.
И надо что-то делать.
Хотя бы взять и написать:
«Как нежно
в листве желтеющей
мерцает ствол березы...»
Зачем все это? Для чего? Кому?

И все же — ничего, трудись, художник!
Не зря пульсирует в ушах тугое время,
которому нужны иные песни,
ведь песен подлинных — не много на земле.

Трудись!
И пусть не завтра,
пусть позднее
вознаградит твои старанья Муза
и продиктует:
«Как светло и нежно
в листве желтеющей
мерцает ствол березы!»

* * *

Весенний, молодой, безумный ветерок.
А мне сегодня не дает покоя
державинский полузабытый слог,
сквозь два столетья долетевший вздох:
«Как время катится в Казани золотое...»

Приду в музей.
В покое, в тишине,
в рабочей комнате — лицо твое простое
смущенно расцветет навстречу мне:
— Вот видишь, и весна уже в окне...
«Как время катится в Казани золотое...»

— Ты скоро?
— Скоро... Поброди пока...

Вверх поднимусь, по лестнице — направо,
минуя каменные, темные века,
я сразу в золотой, где лапти и соха,
портрет какого-то насупленного графа,
и в уголке — державинская арфа,
что так растрогала когда-то старика.
Но струны, видно, оборвала смерть,
иль времена, когда трясли устои.
Поглажу стертой позолоты след.
Вернусь к тебе.
И улыбнусь в ответ:
— *Как время катится в Казани золотое...*
Куда спешить?
Я молча посижу.
Не торопись, любимая, пустое!
Мне хорошо, спокойно — я с тобою.
Чего еще желать?
Глаза прикрою
и суеверно, бережно твержу:
«Как время катится в Казани золотое...»

* * *

Борису Гинзбургу

Погружаюсь в золотую осень,
вслушиваюсь в тонкий пересвист
птаха, легко мелькающих меж сосен.
Вот и он — зависший желтый лист,
на тончайшей паутинке ждущий
попадания капли роковой.
Тот, кто написал об этом лучше —
эти строки оплатил с лихвой
кровью сердца...
Снова, снова, снова
думаю — жестокий это труд,
беспощадно к нам живое слово,
Но за то нас, бедолаг, и чтут.

* * *

Казань, двуязыкая память
О битвах, набегах, погромах.
Город раздельных кладбищ
И общих братских могил.
Город студентов,
Знающих,
Что параллельные — сходятся.
Город, в котором так неожиданно,
Неповторимо переплелись
Хитроватый прищур Моллы Насретдина,
Беспробудная мудрость Омара Хайяма,
Лень Емели и огненный бунт Емельяна,
Изощренная вязь изразцов,
Толкований стихов из Корана,
Спор Христа с Инквизитором
В бездне поэмы Ивана,
И почти карнавальная маска кретина —
Славянина Иозефа Швейка...
Божья Матерь Казанская,
Всем — прозвучи как жалейка,
Всем — заступницей будь,
Всех — пойми и наставь
Никого, никого не забудь!

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЕВА

Родилась в 1979 году в Казани. Студентка Московского Литературного института им. А.М.Горького. Публиковалась в журнале «Идель». Живет во Владимирской губернии.

* * *

Мы свято верим в силу трюка,
что нас способен защитить.
Обман! Блаженная наука
немного недоговорить.

Неточности почти случайны,
но упоительно-легко
свои спасительные тайны
запрятать так неглубоко.

Совсем чуть-чуть переиначить,
чтоб отвести глаза молве
и ничего уже не значить —
как будто — в собственной судьбе.

И все слова — как будто мимо,
в обход побед, в обход мольбы.
Как мы сейчас неуязвимы!
Как мы довольны! Как слабы!

* * *

Среди многообразья наций
в наш слишком суверенный век
я знала узкую: казанец,
и шире — просто человек.

Ведь этот город, мной любимый, —
соединенье двух миров,
чья ткань срослась необратимо,
уже не разглядеть краев.

Историю менять не властен
никто. Нет разницы большой —
какой культуре ты причастен,
когда причастен хоть одной.

Нам в первом классе говорили,
что мир — огромная семья.
Где грань «Татария — Россия»?
Казань, ты — родина моя.

* * *

Что скажешь ты, моя родная грусть?
Давай в холодном сумраке растаем,
погасим свет и будем наизусть
читать стихи, окна не закрывая.
А хочешь — ну давай свечу зажжем,
пусть станет все таинственно и зыбко,
зато понятно: то, что мы живем —
случайная, нестрашная ошибка.
Но холодно без чьих-то добрых глаз...
Нет, нас с тобой, конечно, не забыли,
но вряд ли помнят в поздний этот час.
Часы двенадцать с четвертью пробили.
Пойдем на улицу, туда, где потемней, —
мерцанье неба будет как признание,
здесь, слава Богу, мало фонарей.
Когда годами меришь расстояние,
когда не выпускают пустыки,
мешают расписанья и режимы,
тогда друзья — как звезды — далеки,
прекрасны и — почти недостижимы.
Снег падает. И станет вдруг легко,
и вот уже не так страшит забвеньё.
В далеком городе горит окно —
там у друзей моих сегодня день рожденья.

ИРИНА БЕСПАЛЬКО (БЕЛИКОВА)

Окончила физмат Казанского государственного университета (1967). Участник коллективных сборников «Слово молодым» (Казань, 1969), «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор книги «Горошина» (Саратов, 1972).

* * *

Я знаю, рыбы втайне
О зонтиках мечтают,
И думает телега
О пятом колесе.
А ты сирень мне даришь
Не в январе, а в мае
И переходишь улицу
По белой полосе.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ОГНЯ

Он был, конечно, очень юн,
Он был ровесник нам,
Ведь молодым дается ум,
А мудрость — старикам.

Он был охотником плохим,
Мечтательный творец,
И возмущался мещанин:
Он даром мясо ест!

А он, как водится, молчал
И брал кремь в ладонь.
Но вот однажды запылал
Добытый им огонь.

И под аплодисментов звон,
Под громкое ура,
Поэт был в жертву принесен
У первого костра.

* * *

Третьего дня свободу в «Канцтоварах» давали.
Личную и обычную.
Ну, кто посильней, те пробились вперед
и личную захватили.
А всем остальным досталась
осознанная необходимость.

* * *

Вся эта ночь — осязание блаженного рая.
В ночи такие матери сладких детей зачинают,
детям отцов выбирая красивых,
упругих и сильных,
чтоб сыновья их
тоже мужчинами славными были.
в ночи такие завидуют девушки
женщинам зрелым,
страстных влюбленных ждут
неосознанным ласковым телом,
немощным старцам подруги их
юные снятся...
В ночи такие твое одиночество
кажется мне святотатством.

* * *

Устав навзрыд, душа была небрежна,
настроена слегка по-хулигански.
А на дворе старательно и нежно
кузнечики зубрили итальянский.

Тянулся вверх дымок от папирос,
никто уже ни в чем не сомневался,
и в пользу Бога основной вопрос
природою задумчиво решался.

На красавца гневались богини:
смертную — бессмертным предпочел!
Ждали, уязвленные гордыни,
чтобы день настал и час пришел...
Истину откроет, простофиля,
красота у смертных — краткий сон.
Годы шли.
И боги правы были:
час настал, и все увидел он.

И любясь прядками седыми,
целовал морщиночки у ней.
И богини, — юные богини! —
до смерти завидовали ей.

АЙРАТ БИК-БУЛАТОВ

Родился в 1980 году. Окончил факультет журналистики Казанского государственного университета (2002). Автор сборников стихов «Юрод нашего времени» (Казань, 2001), «Черно-белое» (Казань, 1996) и др. Редактор отделов публицистики в журналах «Квадратное колесо» и «Ялгын» («Пламя»). Лауреат фестиваля-конкурса молодых журналистов «Алтын калям — «Золотое перо» (1997, 1998). Победитель конкурса «Илхам» — «Вдохновение» в номинации нетрадиционная публицистика.

ПРО ШУРИКА

Я на софе лежал почти что голенький,
Смотрел по телевизору сюжет, —
Рассказывал про Шурика-алкоголика
Какой-то молодой корреспондент.
И вовсе не пример для подражания,
Не доблестный герой из добрых книг,
Был этот Шурик — дебошир и пьяница,
Обычный прощельга и старик.
Нисколько не должно б к нему быть жалости:
Он бил жену, соседей обижал,
Но... ночь! Пожар! — и он сгорает заживо,
И весь сюжет о том, как он сгорал,
Как, из окошка высунувшись полностью,
Он матом заблажил на всю страну,
И как горели алкоголиковы волосы,
Так нежно развеваясь на ветру.
А ночь тиха, и звезды... Ночка та еще!
Лишь в подворотнях лают злые псы,
И так ли важно, что в дыму пожарница
Какой-то Шурик отдавал концы.
Соседи смотрят, кушают сухарики,
Им слышны крики: «Черти! Волчья сыть!»
Да что тут сделаешь? Ну, вызвали пожарников,
Они приедут скоро, может быть.
А через час после того события,
Уехавшим пожарникам вослед

Нагрязнули ребятки с телевиденья
Заснять для передачи свой сюжет.
И на кивок привычный оператора,
Что означает: «Все! Снимаю я...»
Проямлил очевидец тихо в камеру:
«Ну... он стал трупом, проще говоря».
Соседи сообщили в свою очередь:
«Алкаш! И спасу не было... бузил!
Признаемся мы, траура по Шурику
Во всем дому никто не... так сказать...»
Сюжет окончен. Выйдя на балкон свой, я
Гляделся в ночь — тиха, темна, нема,
Все представлял сгорающего Шурика,
Кричащего прокляться из окна...

АННЕ

Было это немного странно мне,
Но теперь уж сомнений нет,
Ты и впрямь оказалась Анною.
Да к тому же еще — поэт.
Нас с тобой не катали пони ли
В зоопарке сто лет назад?
Мы друг друга случайно поняли,
Как сестру понимает брат.
Нет! Не стоять нам на крыше голыми.
То ли мало свободных крыш?
Мы с тобою недовлюбленные,
Мы придумаем свой Париж!
Притворись на минуту спящею,
Назови меня — «Елисей»!
Я отправлюсь искать красавицу
Средь бескрайних моих полей.
Буду спрашивать солнце с месяцем
Не встречали ль ее в пути,
И в какой-нибудь дикой местности
Вдруг сумею тебя найти.
Вот ты лежишь под хрустальной крышкою
Вся нагая и видишь сон.
Охраняет твой гроб мальчишечка,
Тот — что вправду в тебя влюблен.
Целовать твои губы, плечи я —
Не решусь, уступлю ему,
Мне судьба — утонуть в наречиях —
Рифмах к имени твоему.

Вы меня любите? Вот вы, вы именно...
Не тогда, когда вы дамой расфуфыренной
Проходите по улице центральной, деньги швыряя пачками
Направо-налево. А сейчас, когда вы с распущенными волосами
В мягких зеленых тапочках и халате розовом с белым?
Любите ли вы меня? Именно вы и меня?
Не тогда, когда я вам встречаюсь — галантный и с букетом
Гладиолусов, или нет, лучше диких орхидей, опрятно одетый,
Что конечно, бывает редко, но ради вас, ради вас...
А любите ли вы меня сейчас? Пришедшего к вам ближе к вечеру
С растрепанными волосами и бутылкой пива в кармане
вместо подарка...
Через 3 недели после вашего дня рождения,
в рубашке мятой и грязной
И этих нелепых штанах? Любите ли вы меня?
Такого несуразного, а?
Именно вы и меня? Мне так страшно, знаете?
Мне так страшно будет узнать, что вы меня больше совсем,
Ну ни капельки... Я так вас люблю... Я так люблю тебя...
Прости меня!
Прости, что я так... Прости за этот тон дурацкий,
что я выбрал...
За эту безнадежную бутылку, за то, что я пахну рыбой
и вообще...
Прости меня... Ну пожалуйста, слышишь? Я так люблю тебя,
так люблю!

Вокруг меня все небо голосило,
Но здесь на суше всем не до него,
Со всеми что-нибудь происходило,
И, наконец, совсем... ПРОИЗОШЛО!
А небо... небо, плакальщицо небо
(не скажешь ведь на «о» — плакальщица)
Пусть больше не играет мне на нервах
И вытрет слезы с красного лица.
Мне не дослушать небых слезных арий,
Я так устал от этого всего,
Моя мечта — уехать в дельфинарий,
Дельфинов же — уехать из него.
Я тушью напишу на манифесте:
«О люди, вы рабы своих сует».
Я лягу ночевать в пустом подъезде.
Мне разрешат, мне можно, я поэт.

И вот — лежу, мои глаза закрыты,
Щека прижалась к ребрам батарей.
Я снова слышу небо... плачет тихо...
Шепчу ему: «Ну что ты? Не робей!»
А по подъезду шлепали дельфины,
И ввысь плескали розовую пыль.
Я целовал их голубые спины
И по ступенькам вниз куда-то плыл.

* * *

Заболеваю вдрызг от перебранок.
Что ль бросить все? Опять найти кровать?
Нет! Лучше я куплю себе рубанок
И буду доскам кудри завивать.
Я буду плотник, это лучше, выше,
Чем нервно жить в предчувствии войны,
К тому ж у них, у плотников, я слышал,
Рождаются достойные сыны.
Я за работой — и силен, и статен!
Я так красив за плотницким столом,
Нам Богом был рубанок в руки даден,
Чтоб всяк сумел себе построить дом!
Все решено, надену старый фартук
(Его в наследство мне оставил дед),
Схвачу... Схвачусь! Руками за рубанок —
Мой Буратино явится на свет!

ВЛАДИМИР БЛИНОВ

Родился в 1935 году в Казани. Учился на истфилфаке Казанского государственного университета. Токарь высшей квалификации. Публиковался в республиканской прессе, коллективных сборниках.

* * *

Не вижу рыбы:
 вижу сеть, —
в которой бьется Жизнь
 и — Смерть.

* * *

Гуляет в поле ночью мышь.
А ты — идешь, а ты — спешишь!
Горишь немислимым огнем!
И в небе — **п у т н и к** с фонарем.

* * *

Я слушаю степи.
Степь — слушает меня.
Никто нас — не слышит.

* * *

Так задумался соловей,
Что слышно стало, как месяц
Плещется.
Луна
Я сел — под деревом — в тиши —
Один.
И надо мною — **а п е л ь с и н** ...
ОДИН.

* * *

Как ни пытался я увидеть
в полночном озере — себя,
была в нем только тень —
мне незнакомая.
Зарница.
Стрелка я не видал.

* * *

Камень
 скатился
 с горы —
и я почувствовал
 запах детства.

* * *

Два лопуха. В траве. На суше...
Не лопухи, а ветра уши.

* * *

Стояли — Лягушонок и Корова.
Смотрели друг на друга — улыбались.

* * *

Сено мечу в стога,
Радуг сиянье вдыхая!
В детство — одна дуга,
В юность — другая.

* * *

Иные могут и пройти
По жизни, жизнь не замечая...
А я — напился зорь в пути
И крепкого лесного чая.

Я вышил осени глоток —
Она горит еще во мне,
Хотя мороза коготок
Оставил надпись на окне...

ЛОРЕНС БЛИНОВ

Родился в 1936 году в Казани. Учился в Казанском технологическом техникуме. Окончил Казанское музыкальное училище (1961), Казанскую государственную консерваторию (1966). Член Союза композиторов России и Татарстана. Автор ряда музыкальных произведений, философских и искусствоведческих работ. Известен как переводчик стихов Р.М. Рильке и Ф.Г. Лорки. Стихи публиковались в республиканской прессе, «Газете ПОэзия».

ЗНАКИ ОСЕНИ

(Элегия на 13 японских слов)

Словно песнь, *аки* — осень, пустота
окаймленная *акаи* — красный
красным кленом,
в тихий сумрак
опустилось лето.

С *наминами* — волна
пустота небес
и нива. *Нива* — сад, двор

С нами
волны речки,
сад и двор —
кругом пустынно... *собаку* — пустыня
собаку
нигде не встретить...
И не вытолкнуть
осу из дома. *Осу* — толкать
Словно пан *пан* — хлеб
иль хлебный злак
на отражение свое
глядящий,
в тихий сумрак
опустилось лето.

О мой лоб *о мои* — тяжелый
тяжелый!
вспоминать
О мои да — *омоида* — вспоминать
легкие
вспоминанья!

О и те *ои* — много
бесчисленные думы,
что за первым снегом
понесутся!..

Дай мне устоять *даи* — подставка,
стойко, плато,
моя опора — НЕБО!
Дай избежать
сора! *сора* — небо
Да! — *да* — быть
отныне:
«быть или не быть» — едино...

ИЗ ПОЭМЫ «НИЩИЙ БОГ»

Снова песни перепел
перепел.
Север сыпал перьями —
свирепел.

Сколько ж это нужно извести
извести!
Вьюга метит избы все
и — свистит.

Кем-то мысли велено
спеленать...
Снежной кистью белена
белена.

Не дожидаться, видно, лиственной
вести нам.
Снова рядом — истина
и — стена!

* * *

Свидетельством нездешнего живу.
Все то же — внешне — суета и служба.
И поступь — обстоятельствам послушна,
и речь — наружному подобна шву.

Она связует все, что наяву
волнует кровь. И что душе — ненужно.
Трудна с самим собою дружба!
И чтоб в ладу прожить —
 весь мир в себя зову.

* * *

...В душе качнется осторожный сон;
скользнет — и загорится — птица;

прозрачное проснется колесо,
и что-то вдруг забрезжит, заструится...

И вот уже незримое весло
ладью мою — к истокам понесло.

* * *

Я себе давно не верю —
верю ясному лучу,
верю в тихую потерю —
в то, что разом улечу...

Мудрости не захочу.
Разум предоставлю зверю.
Беспредельность не измерю.
Тишину не растопчу.

Обнаженность! Вот она —
дверь спасительная к свету,
к людям верная тропа.

Наша выпренность глупа!
У Природы — нет ответа.
Лишь Вопросы глубина.

ЭЛЬМИРА БЛИНОВА

Родилась в 1955 году. Окончила истфилфак Казанского государственного педагогического института (1973). Член Союза писателей СССР. Публиковалась в российской и республиканской прессе. Участник коллективного сборника «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор книг «Сабантуй» (Казань, 1982), «Городские деревья» (Казань, 1985), «Будьте добры, пожалуйста» (Казань, 1989). Переводила татарскую поэзию для детей. С 1991 года живет в Израиле.

ВЫШЕ ГОЛОВУ! ЛЕГЧЕ ШАГ!

Учитель танцев
сидел на стуле,
махал рукою
и топал в такт:
«Милая девочка,
не сутулься,
выше голову,
легче шаг!»

С тех пор я выросла
совсем немножко.
Какие танцы!
Все как у всех —
иду с работы,
в руке авоська.
И раз и два и —
большой успех...

А дома надо
готовить ужин —
голодный муж
и голодный сын.
Купить картошки,
еще — о ужас! —
зайти в хозяйственный
магазин.

Учитель вальсов
бежит по улице,
кричит сердито:
«Не так! Не так!
Милая девочка,
не сутулься,
выше голову,
легче шаг!»

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Не идетя мне, а танцуется
в паре с тенью веселой моей.
Под ногами фыркают лужицы
на серьезных, взрослых людей.
Не живетя мне, а играется,
отражается в зеркалах.
Посмотрите — какая грация!
Называется: просто ах!
Не смеется мне, а хохочется.
Оборачиваются вослед...
Этот день никогда не кончится.
Это лето — в семнадцать лет...

* * *

Все давалось мне без труда.
В двадцать лет — ну какие заботы?
Разве я понимала тогда,
что стихи — это тоже работа?

Я читала свои стихи
в общежитии на КамАЗе.
Зарифмованные пустяки...
Но меня не прервали ни разу!

Я только теперь поняла,
почему мне читать не мешали.
Я для них — на работе была.
А работу они уважали.

МЛАДЕНЕЦ

Мой! — пересчитаны
все ресницы! —
не отлученный еще
от меня! —
пей молоко,
не спеши напиться...
Я — это ты,
ты — это я!
Жадный какой!
Ну, куда торопиться?
Все — твое,
ненасытный зверек!..
Это счастье недолго длится, —
уже прорастает первый зубок...

Тебя еще не было
так недавно,
мой долгожданный,
кровинка моя!..
Сам по себе,
мой детеныш славный,
ты отделился уже от меня!..

Скоро, наверное,
совсем отдалиться, —
когда перестану
млеком питать...
Это время
недолго длится,
счастьем
переполняя мать!

ПРИНЦЕССА

Сказка

Жила-была принцесса,
принцесса как принцесса,
обычная принцесса,
такая же, как все...
Но как-то где-то кто-то
сказал кому-то что-то,
а тот сказал: «Ну что ты!
Да нет! Не может быть!»

Он — всем своим знакомым,
а те — своим знакомым
(и даже незнакомым)
сказали: «Ну и ну!»
Принцесса-то, принцесса —
обычная принцесса,
но как-то необычно
она себя ведет!..»
И появилась в прессе
заметка о принцессе
и фото на обложке
журнала «Огонек».
Откликнулись поэты
(в душе), студенты (в жизни)
и сорок тысяч принцев
из воинских частей.
И кучу фотографий
(и предложений сердца)
по почте переслали:
«Зачем Вам свинопас?».
А ей — без интересу!
И прессу не читала,
лишь об одном мечтала:
всю жизнь пасти свиной!..
А папа ей на это
не дал благословенья
и кооперативный
не выстроил дворец.
Обиженные принцы
сказали: «Ишь какая!
Воображает много
девчонка о себе!»
Ну а ее избранник
играл ей на свирели,
и было очень мило
в том самом шалаше.
И кто-то как-то где-то
рассказывал про это —
Кто хочет, пусть проверит.
(А я там не была!).
Жила-была принцесса,
такая же, как все мы...
По крайней мере — в сказках.
(И в жизни — иногда...)

ТУКАЕВСКАЯ УЛИЦА

«Помилуйте, как несерьезно!
Поверить в такое трудно:
играет с мальчишками взрослый
на улице многолюдной.

Он в бабки не шутки ради
сражается — до победы.
Как будто нельзя занятия
пристойней найти поэту...»

Но этот поэт не слишком
заботится о приличиях.
Душою сродни мальчишкам,
не занят своим величием.

Гордится он верной рукою
и счастлив броском хорошим!
Да разве понять такое
торговцам или святошам?

Шагают они величаво,
но им не уйти от столетья...
В чем гордость поэта и слава —
узнают вот эти дети.

На улице, не умолкая,
шумят за игрой ребята...
И улицу Тукая
ее назовут когда-то!

ТЫ ДРУГОЙ КАЗАЛАСЬ, ЖИЗНЬ...

Ты казалась мне другой.
Нет, не притворялась,
просто стороной
одной,
той,
что кажется игрой,
раньше мне являлась.

Приходила, торопясь
радоваться —
Что же
изменилось?
Ты сейчас
реже приглашаешь в пляс
и глядишь все строже.

Ты другой казалась, жизнь, —
морем, не рекою.
Так играла —
что держись!
Так качала —
вверх и вниз...
Ты была другою!

Оказалась ты иной,
не такой бескрайней.
Лишь играла
ты со мной.
Что казалось
простотой —
оказалось тайной.

К той счастливой простоте
не вернуться...
Что же
изменилось?
Мне теперь
с горьким опытом потерь
стала жизнь — дороже!

МУЖЕСТВО ЖЕНЩИНЫ

Да, стоит
большого труда
порой — не казаться
несчастною!
Счастливой казаться всегда...
(Но счастье не часто
случается.)

А нужно казаться
красивой,
когда и не та —
красота!..
Выглядеть неутомимой,
когда не так
молода!..

Сказать себе:
— Все ерунда! —
и даже
погода ненастная...
И горе, сказать, —
не беда!..
(Но хочется часто
участия).

А нужно казаться
любимой,
когда и любовь —
не та!..
Да, мужество
необходимо
женщине слабой
всегда!

ВАЛЕРИЙ БОКОВ

Родился в 1947 году в Феодосии. Окончил факультет летательных аппаратов Казанского авиационного института им. А.Н.Туполева (1972). Песни пишет с 1964 года на свои стихи и на стихи М.Борисовой, Л.Дымовой, Н.Панченко. В 1969–1972 гг. был участником трио, затем ансамбля «Трубачи». Лауреат фестивалей в Смоленске (1967, 1969), Рязани (1968), Минске (1969, 1972), Грушинского (1976). Член жюри Грушинского фестиваля, фестиваля в Петербурге и многих других. Вышли 2 книги, 3 аудиокассеты и 2 компакт-диска песен.

* * *

Бывает, на излете сентября
Ты, выйдя в лес погожим ранним утром,
Увидишь: как в огне, листья горят,
И отдают поляны перламутром.
И проникает в сердце каждый звук,
И каждый миг так нестерпимо дорог,
И что-то тихо падает из рук,
И что-то, не спросясь, ползет за ворот...

Прозрачный воздух душу холодит,
И жжет слеза от солнечного света,
И кажется, что все уж позади.
Ведь это, брат, закончилось не лето,
А просто истекает жизнь твоя,
Сгорают дни, осталось их так мало.
В извечной немоте леса стоят,
Молчит кукушка, все порассказала...

Придет весна, как эхо с дальних гор,
Застывшие глаза раскроют люди,
И грянет человежье-птичий хор,
Но одного в нем голоса не будет.
Поскольку на исходе сентября
Ты, выйдя в лес погожим ранним утром,
Увидел, как в огне листья горят
И отдают поляны перламутром...

РЕКА

Река с простым названьем Жизнь
Не так длинна, как мы хотели б,
К тому ж житейские метели
В лед заковать ее взялись.
Вперед, покуда тонок лед,
Гребу, как бес, — и вот пробился.
А те, кто там остановился, —
Их лед раздавит, изотрет...

Река с простым названьем Жизнь,
То, словно море, глубока ты,
То обнажают перекаты
Камней щербатые ножи.
То не отыщешь берегов,
То в скалах бьешься в кровь бортами,
А кто отчаится, устанет,
Взмахнет рукой — и был таков.

Река с простым названьем Жизнь
Не так проста, как показалось,
Пораньше б знать, что нам досталось —
Хотя бы за руки взялись.
То за бортом кипит вода,
То окружает мертвой зыбью,
И, как ртуть от плясок рыбьих,
Прочь разбегаются года.

Река с простым названьем Жизнь
Одолевает понемногу.
И вот — два пенящихся рога!
Мне их ни в жизнь не пережить.
В усмешке скалятся они.
Они друзей моих косили,
Кто в этой гонке обессилел,
Кто спяну бросился на них.
Река с простым названьем Жизнь,
Ты для иных непроходима,
Но мне пройти необходимо
Твои стальные рубежи.
Бог не открыл во мне гребца,
Но выгребая на стремнину.
Я не желаю половину,
Я буду драться до конца,
Я буду драться до конца!

В суете мирских сует носит Вас по белу свету.
Вы — художник, Вы — поэт, хоть не знаете об этом.
Но окатит вдруг волной, Вы почувствуете сами,
Будто крылья за спиной, будто пропасть под ногами...
Это странное явление называют — вдохновение.

Вы водою ключевой разведите зелень лета,
Размешайте с голубой краску солнечного цвета,
К ним добавьте теплоты рук, коснувшихся случайно,
И немножко доброты, и еще — шепотку тайны,
А потом насыпьте из горстей Ваших радостей и горстей...

Размешайте лунный свет и свечи в ночи свеченье,
Притяжение планет и души к душе влечение.
Проведите вверх и вниз... Да не бойтесь Вы, смелее!
Всё сумеет эта кисть и рука, что водит ею.

На листе бумаги цвета пурги
Набросайте Вашей жизни сюжет,
И неважно, что нет красок других,
И неважно, что этюдника нет,
Что творенье Ваших рук, Ваших мук,
Ну, конечно же, признают не все.
Вы — художник от рожденья, мой друг,
Хоть не ведали про это совсем...

БОРИС БРОНШТЕЙН

Родился в 1945 году в селе Черемшан Татарстана. Окончил химфак Казанского государственного университета (1967). Член Союза журналистов Республики Татарстан. Работал в журнале «Чаян», республиканских газетах. С 1993 года собкор газеты «Известия» по Республике Татарстан. Один из авторов книги «Я вам смешу» (Казань, 1991). Лауреат премии «Золотой теленок» Литературной газеты (1978). Автор ряда сюжетов для киножурнала «Фитиль».

НАЧАЛО

Начать что-либо хочется порой.
Не просто так и не с барахты-бухты.
А чтобы кто-нибудь воскликнул: «Ух ты!
Взгляните на него, да он герой!»

Начать со штангой что ли приседать,
Сгонять излишки собственного веса?..
Легко об этом только рассуждать!
Присядь, попробуй, ради интереса!

А может быть, английский изучить
И ошарашить всех родных и близких?..
Легко об этом только говорить
(И то по-русски, а не по-английски)!

А может, совершенно бросить пить?
Ни капли в рот! Ни в будни, ни в субботу...
Об этом трудно даже говорить —
Язык мой заплетается чего-то.

А может, взять да книжку написать,
Чтоб в восхищенье ахнули девицы!..
Попробуй напиши страничек пять...
Да что там пять! Хотя б одну страницу!

Обычно очень важные дела
Начать хотим мы не когда попало,
А в понедельник, с первого числа —
С начала года, месяца, квартала...

Смотрю на календарь — не повезло!
Стою грущу, чешу в раздумье темя...
Четверг сегодня. Пятое число.
Не время начинать дела, не время!

ЗАПЯТАЯ

Сочинять мне нет резона,
Вот вам жизненный сюжет...
Был чрезмерно образован
И начитан мой сосед.

Знал грамматику он шибко
И, ученостью горя,
Иногда искал ошибки
Даже в строчках словаря.

Как-то раз из дома вышел
Образованный сосед.
Увидал плакат на крыше:
«Уходя гасите свет!»

Вздрогнул он, призыв читая,
Как былинка от дождя:
«Стоп! А где же запятая
После слова «уходя»?»

Ах, как это некультурно!
Некрасиво это как!..»
И полез на верхотуру,
Чтоб поставить нужный знак...

Нет других таких на свете.
И похожих тоже нет...
В память о моем соседе,
Уходя, гасите свет.

О ПРОВАЛАХ ПАМЯТИ

С годами — постепенно, а не сразу —
Аморфной стала память, словно воск.
Обидно, но, как видно, до отказа
Заполнен информацией мой мозг.

Он как отель, где нет свободных комнат,
Где больше никого не поселить...
И чтобы мне кого-нибудь запомнить,
Сперва кого-то надо позабыть.

Вчера, к примеру, еду я в трамвае
И там встречаю девушку одну...
И чувствую, что сразу забываю...
Ну, эту... тьфу ты!.. как ее?..

НУРИ БУРНАШ

Родился в 1975 году в Казани. Окончил филфак Казанского государственного университета (1997). Аспирант. Печатался в республиканской прессе, германском журнале «Шанхай-опера». Автор книги «Двадцать одно» (Казань, 1997). Руководитель литературно-философского общества «Altera Pars».

КРУГ

В пустоте, как в порочном кругу, —
Двери с надписью: «ВЫХОДА НЕТ».
Ты идешь и на мертвом снегу
Видишь только свой собственный след.

В пустоте — как в предметном бреду —
Тупиком оборвутся пути.
Ты бежишь наугад в пустоту,
Веря в то, что она позади.

В пустоте ты играешь свой блиц,
Ты играешь свой блиц до конца,
Но, пройдя через тысячу лиц,
Одного не узнаешь лица.

Ты стоишь, словно клоун. Твой грим
Оказался бессмысленным вдруг,
И сужается, неумолим,
Пустотою очерченный круг.

ПЕРЕКРЕСТОК

Мне в XX веке было
XX весен ровно.
Мгла пушистый снег кружила,
Невесомый словно.

Люди плыли, в шкафах шарфов,
Шуб и шляп сутулясь,
Я стоял, лицо упрятав
В перекресток улиц.

То распятем притворяясь,
То клочком кроссворда,
Две прямых, скрестившись, мчались
К безднам горизонта.

Все — летело. Все — казалось.
Было все — виденье.
Я стоял. Мной начиналось
Третье измеренье.

Плыли лица. Маски. Роли.
Возле тротуара —
То ли тень поэта, то ли —
Перпендикуляра.

Или это знак вопроса
Среди ночи зимней
На случайном перекрестке
Двух времен и линий...

КАРТИНА

На этой картине,
законченной только на треть,
а может, на четверть, —
кто знает доподлинно это? —
закатом откликнется чья-то далекая смерть,
растаявшим снегом — отрывок чужого сонета.

На пыльном столе завалится старый коллаж,
левее приткнется стакан недопитого кофе,
а в нижнем углу
будет молча стоять персонаж,
немного Онегина напоминающий в профиль.

И выйдет тогда небольшой натюрморт.
Или нет,
скорее — пейзаж
из разряда абстрактных полотен.
Возможно, найдется здесь
и непременный сюжет,
хотя для таких композиций
он в общем не свойствен.

Ты знаешь,
и вправду на этом холсте не нужны
ни вещи, ни лица. Забудем про них.
Представляешь:
на фоне сплошной,
поглощающей все тишины —
глаза твои — серую бездной,
распахнутой настезь.

* * *

В нокауте свой кайф. Во-первых, небо.
Громада весом в миллионы тонн.
И ты — под ним.
Ты — нуль, решенный ребус,
дух, фикция, нелепость, сон.

Что во-вторых? Приятна и удобна,
как теплый душ, беспомощность твоя.
Конечно же — синяк, разбитый лоб, но
это — чушь, издержки удовольствия.

Все чудненько: комфорт, уют,
боль, высосанная из пальца...
Вот только жаль, лежачего не бьют,
а значит, что с лежачим не считаются.

Но ты играй на публику, актерствуй! Или
присутствие толпы почувствуй лишь —
тогда и ты, Антей, всемогущ —
пока лежишь.

В бессонной лихорадке светофоров,
автомобилей тени сторожа,
дремал, как зверь, в ночи громадный город
и глухо, по-звериному, дышал.

И в предрассветных сумерках серело
немое небо, замерев над ним
так, что окрас его стального тела
от цвета неба был неотличим.

И началась симфония рассвета,
и дрогнули, свою утратив власть,
неверные ночные силуэты,
незримой силе молча покорясь.

Как древний ящер, волоча с собою
сюжеты улиц и фрагменты крыш,
рыча сквозь зубы, отступил без боя
ночным теням вослед ночной Париж.

Светлело. Неожиданный простор
еще хранил дыханье стен и башен,
лишь на холме клубился Сакре-Кер,
туманом, словно ужасом, охвачен.

И в этот час, когда цвет темно-синий
еще, играя, притворялся черным,
пространства бессловесного пустыня
таким знакомым зарастала городом.

ЕЛЕНА БУРУНДУКОВСКАЯ

Родилась в 1960 году в Казани. Окончила Казанскую государственную консерваторию по классу фортепьяно (1983), аспирантуру Московской академии музыки им. Гнесиных (1992). Кандидат искусствоведения. Член Союза писателей Республики Татарстан. Публиковалась в журналах «Смена», «Студенческий меридиан», «Идель», «Казань»... Участник коллективных сборников поэзии «Ранний рассвет» (Москва, 1978), «Горизонт» (Казань, 1988), «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор поэтических сборников «Личные местоимения» (Казань, 1992), «Учебник жизни собственной пишу» (Казань, 2004).

* * *

Весна.
Опять природа оживает,
Проходит перевоплощений ряд.
И солнце — словно рана ножевая,
И птицы без умолка говорят.

Вот — Вербное,
а там, глядишь, — и Пасха.
И корочкой — небесная глазурь.
А с прошлым расстаешься без опаски —
Оно соринкой колется в глазу.

Безудержное это воскресенье
Последний прогоняет тяжкий сон,
И в церковь дух березовый, весенний
Из рощицы соседней занесен.

И первый обновления поборник,
Кто в тайны мироздания вовлечен —
Шагает улыбающийся дворник
С лопатой,
как с хоругвью над плечом.

* * *

И май и тютчевские грозы,
И радуг райские мосты,
И заново рожденный воздух
Первоначальной чистоты...

И жизнь безделица, вещьца,
Доставшаяся без труда.
И на лотке у продавщицы
Редиски рдеющей гряды.

* * *

Как муравей, предназначенье знать,
Трудиться, торопясь домой с поклажей.
Не мучиться, очнувшись ото сна,
Кем этот мир задуман и налажен.

Но ты способен мыслить, человек,
И забывать о будущем на время,
Ты обречен влачить весь век
Свободы выбора заманчивое бремя.

* * *

Глядит в окно соседская сосна,
Стучится загулявший дождик,
Он что-то должен у меня узнать
(И что-то важное сказать мне должен).

Я выйду в сад, где ветерок ручной
Играет, ластится, проказливый, домашний.
Дохнуло влагой, свежестью речной,
И кто-то издали рукой мне машет.

Там у ворот крапива и пырей
С малиной в тесноте растут обнявшись.
Все в золотой, заманчивой поре,
А дождик смолк, как будто застеснявшись.

* * *

Детства сосновый запах,
Каникулы у реки,
Солнце в колючих лапах,
Бабочки, мотыльки.

Еще мы не знаем сами,
Как эта река глубока.
Еще мы в ладу с чудесами,
Еще мы бессмертны пока...

* * *

Деревья уже оголились,
И сняты покровы с небес,
Просторы и дали открылись,
Которые скрадывал лес.

В природе ни боли, ни муки,
А лишь равнодушье одно.
В пространстве рассыпаны звуки,
Рожденные ветром, дождем.

И только, как пойманный в клетке,
На ветке листочек один.
Один на один против ветра,
И с жизнью один на один.

* * *

Я хоть тысячу жизней готова прожить
На своей беззастенчиво юной планете,
Лишь бы видеть, как речка, волнуясь, бежит,
Лишь бы слышать, как шепчутся
птицы и дети.

Это мой обжитой, обустроенный дом,
Где как будто бы все до рожденья знакомо.
И ручная повиснет луна над прудом,
И покатится по переплетам оконным.

И вселенская бездна ничуть не страшит,
Мириадами вытканых блесков играя.
И настольная лампа, мигая, дрожит.
И звезда путеводная светит, сторяя.

ДЕРЖАВИН

Опять Державин рукотворный
Сидит в Казани, на посту.
Он караулит светофоры
И полуночную звезду.

Он регулирует движенье
Неуправляемых времен —
Вчерашней жизни продолженье,
Недавних символ перемен.

Сменив поблекшего кумира,
По воле судеб и властей
В Лядском саду, как в центре мира,
Среди поэтов и детей.

Хотя поэты — те же дети,
Одна химера всех манит —
Старик Державин их заметит,
А там — глядишь — благословит.

* * *

Церковки в шлемах, надвинутых низко,
Птичьи разборки, шум-гам, толкотня.
Снова скворцы поменяли прописку...
Запахи дыма и отблеск огня.

Сырость, мякина, бывшие потери,
Остовы полуснесенных домов.
Город, как только что вставший с постели, —
Заспан, растерян, к себе не готов.

Медленный ангел спускается с неба,
И словно тяжесть, упавшая с плеч,
Рыхлые комья последнего снега.
Первой листвы неумелая речь.

Сынишке одеяло подоткнуть.
Задернуть шторы от дурного глаза,
И — в мир своих фантазий.
В долгий путь,
Туда, где не была еще ни разу.

Там мама с папой живы, и втроем
Мы бродим по аллеям лесопарка...
Прохладный голубеет водоем,
Широколиственная манит арка.

Мы говорим как будто ни о чем,
И вдруг на полуслове замолкаем.
И что-то большее в глазах прочтем...
Крошится вековой дорожный камень.

И в этом измерении другом,
Где долг, и честь, и Родина, и совесть
Еще не попораны, здесь отчий дом.
Здесь все, о чем болею, беспокоюсь.

.....

Опять сынок раскинулся во сне
(Ах, мама, ты бы так любила внука!)
Ему пока все проще и ясней,
Чем нам.
А жизнь — всего лишь школьная наука.

РАВИЛЬ БУХАРАЕВ

Родился в 1951 году в Казани. Окончил мехмат Казанского государственного университета (1974), аспирантуру по вычислительной математике и кибернетике МГУ, Международный институт Венгрии. Член Союзов писателей Республики Татарстан, России, Венгрии... Автор более 10 книг поэзии. Составитель и переводчик на русский язык «Антологии поэзии Золотой Орды» (Москва, 2004). Хорошо известен как переводчик с татарского, венгерского, английского языков. Лауреат Республиканской премии им. Мусы Джалиля. Живет в Лондоне.

РОДНЯ

Еще жива моя душа,
Но ей все хуже.
Тугой на ухо Ахметша
Был нем к тому же.

Он жил на свете не спеша,
Нуждой состарен,
Но было ясно: Ахметша —
Не мой татарин.

Мне заслонили старика
Другие встречи.
Я нем — не словом языка,
Всей тайной речи.

Я говорю себе: живи,
Все благо в целом.
Но нет пощады от любви
На свете белом.

если б там, где могила
мелководной реки,
не сверкала бы сила
«Тафтиляу»,
«Аллюки»!

ТАФТИЛЯУ

Кукушка.
Кучевые облака...
Мне, может быть, не будет сорока...

На улице Вахитова сквозь сон
я слышу крик кладбищенских ворон.

Испуганная нянечка моя
поет и плачет тонким голоском.

Ночь. Татарчонка лепит из меня
татарка в первом платье городском.

За окнами белеет мокрый двор.
Белье свисает, затемнив забор.

Все высветив застешки на дверях,
молчит луна в зеленых пузырях.

И выступает уголком из тьмы
край Плетеневской старенькой тюрьмы.

* * *

Темнело в полдень — в небе и во мне,
в некрасовскую книгу дождик капал...
Весенних лип расправленные лапы
теньями распластались по земле.
Перемещаясь, разрывались звенья
привычных представлений и тревог.
И падал в темный омут вдохновенья
шиповника помятый лепесток...
Но это смутно... Все забуду я:
движение теней, шиповник, липы,
сухой скамейки медленные скрипы,
и облаков округлые края,

страницы, освещенные лучами,
и на асфальте белые штрихи, —

но не стихи гражданского звучанья,
гражданского отчаянья стихи...

КЫРЛАЙ – КЫРЛЫК

Не так желал сердца глаголом жечь,
как выжечь прочь
расчетливость купечью,
татарскую отеческую речь
продолжив русской
выстраданной речью...

Кто мне указ —
что можно, что нельзя?

Скользя с Горы,
под облака взлетая,
двойная привела меня стезя
в нагорные селения Алтая.

Здесь
вспомнил про Кырлай *
в селе Кырлык —
не древней тюркской памяти в угоду:
так выразил
второй родной язык
мое родство — алтайскому народу.

И путь скользил сквозь горные леса,
ни лепестка не повредив при этом,
и выше — были только небеса,
сверкающие беспощадным светом.

* Кырлай — село в Заказанье, где в раннем детстве жил Габдулла Тукай, воспетое им в поэме «Шурале».

С НЕИЗРЕЧЕННОГО

Перевожу себя с листа пустого,
с неназванности-тени,
с мысли-слова.

Оно мерцает алым, белым, черным,
татарским, русским и неизреченным...

Я — есть, но — возгордясь — не позабыл,
что близко будет сказано: он — был.

Перевожу: свидание — разлука.

Аз, буки, веди — эхо Первозвука,
но сквозь Его Молчанье-серебро
кириллица частит: *глаголь добро...*

Где щебет-свист, где чаща русской речи,
где *це* — лишь цапки соловья-предтечи,
где в рощах осыпаются, роща,
шипящие согласные *ча, ща,*
где оборотень — *аз* заподлицо
славянский алфавит замкнул в кольцо —

здесь — безнадежно, но с последним правом
кричу — *ау*, чтоб отозвалось — *АУМ* *.

Отсюда — ускользает Первозвук
в довесок из шести татарских букв,
который придает татарский вид
тебе, болгарско-русский алфавит...

Вот — вдаль, куда впотьмах уходит лето,
мне отворив четыре дали света,
скользит — и уследить за ним нельзя...

Неизреченность — истина — стезя.

Перевожу: неназванность — росток,
рисуя на пустом листе цветок
внезапный.

* АУМ — созвучие, сопровождавшее образование Вселенной, в восточной мифологии.

* * *

Не домолишься нынче тепла,
не допросишься.
Душу выдуло, как из дупла:
вслед не бросишься.

И — куда, коль снаружи мороз,
снег по наледи,
даже в люди не выйти всерьез,
разве на люди.

* * *

Отпусти мою душу на волю.
Я уже никуда не уйду.
Что могло — уже пало на долю
в этом бедном и мокром саду.

Мне знакомы все тени и звуки,
все тропинки по нашей глуши.
Мне не нужно ни славы, ни муки,
только воли на скудость души.

Ни о чем, кроме нищенской воли,
я не мог бы просить без стыда.
Я увидел свечение боли.
Я уже не уйду никуда.

За ограду — к небесному полю
все равно я стези не найду.
Отпусти мою душу на волю.
Я уже никуда не уйду.

* * *

Мне умирать сто раз на дню:
я на краю.
Вокруг сбиваются в родню,
да не в мою.

Но утешаюсь — исполать,
жизнь хороша!
Пока способна умирать —
жива душа.

ВОСПОМИНАНИЕ О СНЕГЕ

Алик Мифтахутдинов отмочил-таки
эту шутку,
Алик Мифтахутдинов уехал в другую тундру,
умер — что отлучился за сопку
разыскивать стадо,
как ему ни толковали, что покамест не надо.

Алик Мифтахутдинов,
чукотский хитрый татарин,
на позвонке китовом дома сидел, как барин,
что ж он лапшу-то вешал на уши мне, поэту —
на лодке по Омолону с кем я теперь поеду?

Охота была молиться об алеуте-нахале,
думать о нем в Казани,
Конье и Тадж Махале,
в голову брать и помнить
в китайском квартале Сохо,
что Алик Мифтахутдинов умер, и это плохо.

Что ли нет вариантов мимо этой печали, —
под мостом Ватерлоо сесть у костра с бичами,
кинуть алтын на счастье
пьянице на Пикадилли,
только и в Магадане это мы проходили,

это мы проходили на Колыме и Талой,
Алик Мифтахутдинов
был башковитый малый,
Алик Мифтахутдинов
сподобился благостыни:
нет ничего на свете, кроме мерзлой пустыни,

нет ничего на свете, кроме теплого снега,
здесь за бугром и зимою
морось падает с неба,
Алик Мифтахутдинов,
Святым охраненный духом,
Алик Мифтахутдинов,
брат мой, снег тебе пухом...

Я и не жил до сих пор толком.
Был как новый, а теперь трачен.
Что ж ты вяжешь-то меня долгом,
донимаешь-то зачем плачем?

Уходил я от тебя сушей,
потому что был твоей скукой,
что же нынче-то в тоске сущей
допекаешь ты меня мукой?

Уходил я от тебя небом,
отцепись ты со своей болью!
Все-то манишь ты к себе хлебом,
а встречаешь дай-то Бог солью.

Уходил я от тебя морем,
загубался под чужим кровом,
да отстань ты со своим горем,
отвяжись ты со своим зовом!

Обделила ты меня волей,
наделила грудой объедков...
Что ж ты мнишь себя моей долей,
кровом, родиной, землей предков?

Что ж ты мнишь себя моим домом,
что ж ты мнишь себя моим храмом?

Испечется всякий блин комом.
Обернется всякий стыд срамом.
Только сам-то что опять вою?
Мне что идолы твои боги.
Но куда я с этой любовью,
кроме как опять к тебе в ноги?

Через море, небеса, сушу
вспять иду, как уходил раньше...

Измочалила ты мне душу.
Бог с тобою, будем жить дальше.

ДО СВЕТА

Что забижаешь, Господи?
Что забираешь дар?
Тоже душа не гвоздь, поди,
выпрямить под удар.
Тоже душа не кость, поди,
голую бросить псам...

Дай разогнуться, Господи!
Прочее все — я сам.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

Все ж разумнее, чем имя замарать,
все ж надежнее, чем всеу ворожить,
все же родину я выбрал — помирать,
а как выбрал, оказалось — нужно жить.

То-то чести в этом выборе моем,
то-то выбор между щелью и дырой,
то-то выбор между ложью и враньем,
то-то выбор между скукой и хандрой...

Я не нужен ни деревьям, ни земле,
я не нужен ни себе, ни им, ни вам,
ни хвале не верю вашей, ни хуле,
ни словам не верю вашим, ни слезам.

Только верю я, что важно — выбирать,
только верю я, что нужно — дорожить,
все же родину я выбрал — помирать,
но куда нужен Богу — буду жить.

ВЛАДИМИР БЫЧЕНОК

*Один из авторов коллективного сборника «Приметы века»
(Казань, 1974).*

* * *

Черта горизонта все четче,
все ярче горят снегири.
Рассыпали четки чечетки.
Теперь не собрать до зари.

Сохатый, копыта сбивая,
от стога спешит к сосняку,
где бредит поляна лесная
подснежником первым в снегу.

* * *

На сцене старенькая прялка,
за нею старенькая пряха,
и с веретенами вокруг
еще десятка два старух.

Прядут,
поют неторопливо
о чем-то слышанном, тоскливом,
о чем-то слышанном не раз,
все реже слышимом сейчас.

Умолкла песня как-то сразу.
И жаль,
как было жаль с утра
мне в детстве бабушкиной сказки,
мною не дослушанной вчера...

Я не о прялках,
их в музеях
несложно будет сохранить,
я сказки старые жалею,
которым все труднее жить.

БОРИС ВАЙНЕР

Родился в 1948 году на острове Итуруп (Курилы). Окончил истфилфак Казанского государственного педагогического института (1970). Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор книг «Зеркальный вариант» (Казань, 1981), «Мы с Барбосом» (Казань, 1987), «Удивительный волк» (Казань, 1994), «Как дела, камбала?» (Казань, 1998), «Берегите Бармалея!» (Казань, 1998), «Ни капельки не страшно» (Казань, 2001). Редактор детского журнала «Зонтик». Известен также как драматург и переводчик с английского и татарского языков.

В ОКЕАНЕ

В океане —
Тьма напастей,
И одна другой
Зубастей.

Каждый, кто
Имеет пасть,
Норовит на вас
Напасть.

Если вы и сами —
С пастью,
Можно справиться
С напастью.

Если маленькая
Пасть —
Можно запросто
Пропасть.

Если вы
Совсем без пасти —
Лучше на берег вылазьте!

ДИНОЗАВРЫ

Как на нашем огороде
Небывалая напасть:
Динозавры всюду бродят —
Негде яблоку упасть!

Мы и так других не хуже
В отношении чудес,
Да еще любая лужа
Вроде озера Лох-Несс:

Мухозавры там летают!
Жукозавры там живут!
Хрюкозавры отдыхают,
Лужевою воду пьют!

Уткозавры лапы моют
У крутого бережка,
Курозавры землю роют —
Добывают червяка,

Котозавры колобродят,
С крыш сигая с ветерком,
Мышезавры хороводят
Возле крынки с молоком,

А у старого базара,
Где с проплешиной бугор,
След ноги лягушкозавра
Обнаружил дед Егор;

Ох, не зря под месяц новый,
Не оставив и примет,
Там пропали две коровы
И один велосипед!

БЕРЕГИТЕ БАРМАЛЕЯ

Берегите
Бармалея —
Друга взрослых и детей!
Берегите
Бармалея,
Потому что он —
Злодей!

Потому что он —
Мучитель
Докторов
И обезьян!
Потому что он —
Грабитель!
Потому что
Хулиган!

Потому что он
Коварней,
Чем голодный
Крокодил!
Потому что он
Кошмарней
Стада бешеных
Горилл!

Потому что он
Жадюга!
За недорогого
Соврет!
Потому что
Ради друга
Пальцем он
Не шевельнет!

Потому что он
Не мылся
Сорок зим
И сорок лет!
И не стригся,
И не брился,
И не чистил
Пистолет!

Потому что он —
Ужасный
Образец
Дурных манер!
Потому что он —
Прекрасный
Отрицательный
Пример!

ШКОЛЬНАЯ СЕРЕНАДА

Иванова, с полуслова
Ты зажгла в душе костер.
Выйди, выйди, Иванова,
Поскорей ко мне во двор!

Из окошка, где цветочки,
Мне рукою помаша.
Этот носик, эти щечки
До чего же хороши!

Эти глазки, эти ушки,
Этот модный кружевной
Алый бантик на макушке,
Этот ранец за спиной,

Этот в ранце ластик новый,
Эта в клеточку тетрадь...
Выйди, выйди, Иванова,
Дай по алгебре списать!

ПОВАР

Без искусства
Поварского
Нету зелья
Колдовского.

Над котлом
Колдун колдует:
Помешает,
Плюнет, дунет,

Бросит лапку
Лягушачью,
Бросит голову
Кошачью,
Едкий корень,
Злую травку,
Ядовитую
Козьявку,

Зачерпнет
Из старой банки,
Подольет
Из пыльной склянки...

Костерок
Горит во мгле,
Плещет варево
В котле.

Ой, на славу
Выйдет блюдо!
Ой, кому-то
Будет худо!

ДМИТРИЙ ВИННИЧЕНКО

Учился на физфаке Казанского государственного университета (1974–1979). Публиковался в газетах «Ленинец», «Комсомолец Татарии». Живет в Канаде.

ДВОР

Переплетом оконным
мой двор рассечен пополам.
Но его половинки
не спорят по зряшным делам.
Ведь не знает мой двор,
в крупноблочный квадрат заключен,
что он сотнею окон
сто раз пополам рассечен.

СКВОЗНЯК

Отнюдь не признак благородства
На людях ковырять в носу,
Иль за талон на колбасу
Утратить право первородства.
А впрочем, было ли то право?
Ушло транзитом, как и слава,
За пропускную полосу.

Центростремительна тоска,
Срывающая нас с окраин:
Бежит дворянская Москва
И полуевропейский Таллинн.
В посольствах — драка из-за виз.
В отчизне — гололед и хаос...
Орет на митинге Борис,
Двуликий, словно хитрый Янус.

Закат эпохи БТР
Для нас — невиданное диво!
Грядет ли новый Робеспьер,
Иль просто вздорожает пиво?
Что будет? Вновь — из сказки быть?
Иль правда? Вся и без разбору?
Отправят танки в домны иль
Направят к Домскому собору?
Кто все же пробудится в нас:
Швейцар иль Швейцер? Оба сразу?
Или на Пушкинской из глаз
Навет слезоточивый газ
Слезу по доктору Гаазу?
Начнем выдавливать раба —
Кровь заливает мостовые...
Идет учебная стрельба,
Да вот патроны — боевые...

Европа вскрылась, как абсцесс.
Идет лавиною процесс,
Перевалив за терминатор.
Там — на простреленном крыльце
Лежит очередной диктатор
С входным отверстием на лице.
Там — суд окончен над элитой,
Там — оживают в сотнях душ
И Сигизмунд, и Матиуш,
И пахнет Ржечью Посполитой.
Там в мастерских куют короны
Для геральдических орлов,
И гибнут партии и троны,
И звезды падают с гербов.

Несть обетованной земли
На картах нынешних и точных...
Семь тучных телок отошли,
И не с кого спросить за тощих.
Броня по-прежнему крепка,
И шаг печатает спецрота...
Но стены в здании ЦК
Трясет озноб от сквозняка,
Что к нам летит издалека
Сквозь Бранденбургские ворота!

Любовь страшней, чем боль и бедность.
В ней смысл и разум не ищи.
В ней размывается конкретность
Сквозь близорукие очки.

За руки взявшись по привычке,
С тобой еще чего-то ждем...
Стоп-кадр последней электрички
Расфокусирован дождем.

Шаг отступи — и пропадает
Незыблемость углов прямых,
И ненадежность проступает
В нечетких контурах твоих.

Шаг отступи — ни лиц, ни света,
Лишь злое шарканье подошв,
Лишь каша из дождя и снега,
Лишь рук привычнейшая дрожь.

Боязнь трехмерного пространства,
Поднявшись из глубинных снов,
Влечет, влечет меня всевластно
По ортам улиц и домов,

Сквозь двери, лестницы, сортиры,
Сквозь коридорные тиски,
Где коммунальные квартиры
Меня кровят о косяки.

И, зубы сжав, кляню я Бога,
Что в тех краях я родился,
Где тополя черны от смога
И inferнальны небеса,

Где злоба чувствуется кожей,
Где кровоточат потолки,
Когда мочою пьяных бомжей
Насквозь проело чердаки,

Где невесть для чего рожают,
Где в ночь бредут во все концы
Мои коллеги — горожане,
Как брейгелевские слепцы...

МАРИНА ВЛАСОВА (ГАЛИЦКАЯ)

Окончила биофак Казанского государственного университета (1980). Кандидат биологических наук. Исполнительный директор регионального отделения Движения Женщин России. Публиковалась в республиканской прессе, альманахе «Истоки» (Москва). Один из авторов коллективного сборника «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991).

МОЯ КАЗАНЬ

Моя Казань без куполов, без минаретов,
И исторических реликвий в ней не сыщешь.
Здесь жителей с десятков, а не тыщи —
У тысяч не попросишь сигарету.

Моя Казань вдвоем или втроем
Спускаться вниз, где улицы дощатей
И уже. Ну а площади — прощайте! —
Вы плоские, а я ищу объем.

Я нахожу его в моих друзьях,
Я жду от них каких-то откровений,
Я верю в них, в их планы, в их мигрени,
В их лица с сигаретами в зубах.

Мы говорим о том, что каждый день
Приносит нам и что зовется вечным.
Мы говорим чуть громче и чуть резче,
А рядом прошлого витает тень.

И с будущим отчетливее связь,
Чем корни, уходящие к империи.
Моя Казань, мы в будущее верим,
А прошлое запечатлелось в нас.

ВОКЗАЛ

Когда я расстанусь с тобой
На богом забытом вокзале,
Где люди на вечность застряли.
Когда я расстанусь с тобой,
Где запах прогорклой разлуки
В буфете вокзальном стоит.
Мне вспомнятся полные руки
Буфетчиц и кариатид.
Когда я расстанусь с тобой,
Тебя я, наверно, не вспомню,
А вспомню, как шла по перрону,
Когда мы расстались с тобой,
Где прячем от нищих глаза
В оплеванный кафельный пол.
Я вспомню ревущий вокзал —
На море похож и футбол.
Здесь с жизнью расстаться — сойдет...
Нашли на скамейке под утро
Старуху — недолго над трупом
Судачил проезжий народ.
А больше и вспомнить нельзя,
И было прощанье отпето.
И плыл над платформой вокзал,
Каким-то навязчивым бредом,
Когда мы расстались с тобой.

* * *

Над станицей ночной, с зевотой ожиданий,
На Запад и Восток — две стороны тоски,
Когда душа пойдет за четырьмя огнями
По шпалам, через раз сбиваема с ноги.

Еще ты здесь, а там, опережая график
Движенья поездов, идет моя душа.
Покатится и вновь поскрипывает гравий,
Неловко обниму и отпущу спеша:

Прощание, как жизнь, и тянется и длится
И рвется и опять уходит из-под рук,
А в тамбуре в ладонь зевает проводница —
Участница чужих свиданий и разлук.

Ушла моя душа, не ей конец означен
Свистанием гудка — не стоило труда...
А спящие плывут над насыпью прозрачно,
Попарно — в два ряда.

Люблю, когда сквозняк и тьма,
Когда по ветру вьется пламя,
Вокруг свечи сидеть с друзьями,
Но больше у свечи — одна.

Сидеть, прислушиваясь к звуку
Паденья листьев и плодов.
Бумага, только ручку в руку,
А замысел уже готов.

Но слушаю, как гибнет сад,
Душа, свеча, стихотворенье:
Полезнее сварить варенье,
Но тьма притягивает взгляд.

И я теперь из ночи в ночь
Прислушиваюсь, трачу свечи,
Я не пишу, и мне помочь
Не в силах ни свеча, ни ветер.

Все будет так, покуда снег
Не ляжет выпукло и крупно
На сад. Я выгляну в то утро
И напишу, что выпал снег,

Что я люблю прямое пламя,
Вокруг свечи сидеть с друзьями,
И чай с вареньем ввечеру,
И все опять перечеркну.

АКТРИСА

Вставал над чашками парок,
Шумел в конфорке газ.
Она клялась мне, что умрет
На сцене через час.

И намекала, что и мне
Придется умирать.
Мне начинал надоедать
Весь это вздор. В окне

Медлительно смеркался день,
Осенний лист кружил.
И уличать ее во лжи
Мне было просто лень.

И, позабыв свои дела,
Став женщиной другой,
Она свела меня с ума
Отчаянной игрой.

Я умирала вместе с ней
И продолжала жить.
И в мире нет искусней лжи,
И выше правды нет.

ПОЭЗИИ УДЕЛ ВЫСОКИЙ

Весь день склоняться над шитьем
И нитку продевать в иголку,
Хотя, наверное, не в том —
Поэзии удел высокий.

Еще — крошить картофель в щи,
Петрушку, лук, морковь и свеклу,
Хотя и в этом не ищи —
Поэзии удел высокий.

Затем стирать в тазу белье,
А после вешать на веревки.
Но это все не для нее —
Поэзии удел высокий.

Но луч вдевается в ушко,
В тазу белей приборя пена,
И все же море не вошло
В картину кухонной Вселенной.

И даже таинства любви
Привычкой станут и морокой,
Но между всем писать стихи —
Поэзии удел высокий.

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

Родилась в 1967 году в Казани. Окончила Казанский медицинский институт (1990) и Московский Литературный институт им. А.М.Горького (1996). Член Союза писателей Республики Татарстан, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Публиковалась в журналах «Юность», «Дружба», «Простор» (Алматы), «Даугава», «Татарстан», «Идель», «Казань», «Сююмбике», альманахе «Истоки», «Газете ПОэзия». Обладательница приза «Надежда» обкома ВЛКСМ первого республиканского турнира молодых поэтов (1988). Автор поэтических книг «Черный жемчуг» (Казань, 1995), «Поэма беременности» (Казань, 2000), «Лирическая поза» (Казань, 2001), «Зимние арабески» (Казань, 2002). Руководитель секции русской литературы Союза писателей Республики Татарстан. Лауреат Литературной премии им. Г.Р.Державина.

КНЯЖНА

Во мне жестокая тоска
Князей, сжигавших кров
Неверных поданных. Во мне —
Их болгарская кровь.

Моих браслетов тусклый свет
Зовет в глухую ночь,
Где буду гордою княжной —
Я, болгарская дочь.

Я знаю, правнучка князей,
Трагедию времен.
Старинный мой беспутный род
Бесславьем заклеимен.

Но верноподданная степь
Напомнит о былом
В полнеба стаей воронья
И диким жеребцом.

Бреду сквозь сон иных времен
Я по своей земле.
Раскосые глаза-костры
Мерещатся во мгле.

*Моей бабушке — Газизовой
Бибиэмэ Гафиатулла кызы*

Мимо дома своего
И мечети слишком белой,
Мимо горя одного,
Что свершиться не успело,

Забрести в чужую ночь,
С кем-то встретиться украдкой.
Ошибившись, снова прочь
Мимо чьей-то смятой грядки

Слишком розовых цветов.
И все дальше, дальше — мимо
Всех столетий и домов
Быть, где быть необходимо.

Мои бриллианты по небу рассыпал
Неловкий отец.
О жалость, невинные, осиротели
Мои сто колец.

Когда-то давно эти кольца носила
Счастливая мать.
Потом завещала их мне, нелюбимой,
Вовек не снимать.

О кольца мои, потускневшие с горя,
И слезы отца.
Проклятое слово в ту ночь не сдержала,
Швырнула в сердцах.

Нет больше покоя на этой Земле мне
Ни ночью, ни днем.
Мои бриллианты на небе сверкают
Холодным огнем.

* * *

Меня нельзя не полюбить.
Так хороша.
Полна преданий и легенд
Моя душа.

Но болгарский огонь измен
В моей крови.
И обреченность умереть
В своей любви.

Меня нельзя не разлюбить.
Так хороша.
Полна торжественной тоски
Моя душа.

* * *

Как мало мне сегодня надо:
Глоток прокисшего вина,
Пейзаж нелепый из окна.
И даже бедности я рада.

Но не хочу начать сначала,
И не хочу другою быть,
И поменять свой жалкий быт
На бытие. Я не устала

Угадывать вещей природу,
Их неподъемный смысл и муть,
И перекатывать, как ртуть,
Их шарики себе в угоду.

Издали следить за небом,
Потом резинкой день стирать.
Открыть вечернюю тетрадь
И позабыть сходить за хлебом.

Прокравшись в тайное жильё,
Где мой бессонный страх
Хранит младенчество твое,
Косматый бродит мрак.

Он прячется по всем углам
И смотрит, словно зверь.
Тебя пугает по ночам,
Раскачивая дверь.

Я ласково шепчу, что он
Не зверь, а лишь зверек.
Он для тебя волшебный сон
На утро приберег...

И ты сжимаешь тишину
В бессильных кулачках.
А я — двадцатую весну
Вдруг разгляжу в зрачках.

КИРОВА, 70

Я прожила в нем двадцать лет —
Старинном, трехэтажном, красном.
А век назад здесь сам Тукай
Сгорая, вспоминал о разном.

И часто в прошлое меня
Бессонница переносила.
Поэт глядел на небеса,
От их сияния счастливый.

Я видела, как врач входил.
В его глазах таилась жалость.
А солнце сотнями лучей
В окне напротив отражалось.

И я поверить не могу,
Что время и судьба бесстрастны...
Я прожила в нем двадцать лет —
Старинном, трехэтажном, красном.

Люблю деревья — не цветы
За высоту и безучастность,
Геометрическую ясность,
Что очерганья их просты.

Люблю деревья — не цветы,
Кору, шершавую на ощупь,
Ее рисунок много проще
И совершеннее, чем Ты.

Люблю деревья — не цветы.
За их корней немую силу,
Что землю в сад преобразила.
Люблю деревья — не цветы.

НА ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ДЕРЖАВИНУ

*Памятник Г.Р.Державину был
воздвигнут в Казани в 1847 году
по указу царя Николая I.
Почти через сто лет поэзия Державина
была признана идеологически вредной,
памятник был разрушен и переплавлен
на шарикоподшипники.*

В огненную бездну окунулся,
В ней помолодев на много лет,
Памятник Державину вернулся.
На Казань взирает вновь поэт.

Так давай условимся заранее:
Чтоб о месте встречи не гадать,
Будем у Державина свиданья
В сумерках друг другу назначать.

Любоваться обликом старинным,
Вспоминать цитатой иль стихом.
В нашу жизнь войдет несуетливо
Памятник Державину в Лядском.

3 декабря 2003 года

Я люблю возвращаться домой
Каждый миг, каждый сон, каждый вечер.
В доме ждут меня крепкие плечи
И родной беспокойный покой.

Я люблю возвращаться домой,
Отвергаемой суетным светом,
Экзотическим нежным букетом,
Ожидающим встречи с водой.

Я люблю возвращаться домой,
Где хранят меня тонкие стены,
Где душа моя, знаю, нетленна.
Я люблю возвращаться домой.

БУЛАТ ГАЛЕЕВ

Родился в 1940 году в Ташкенте. Окончил Казанский государственный педагогический институт (1962). Член Союза российских писателей. Член Союза кинематографистов Татарстана, член Союза дизайнеров России. Работает в Казанском авиационном институте. Доктор философских наук. Член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан. Автор 15 книг по теории современного искусства. Стихи публиковались в республиканской прессе.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

(по мотивам картины А.Аникеенка)

Сосны,
насквозь пропитанные канифолью
и скипидаром,
вытянули из земли тонны
прозрачной янтарной древесины,
и на верхушки их людям
приходилось смотреть как на небо —
лежа на спине
или только издали.
Железо топора в лесу чужое,
старик чувствовал эту обиду,
но давно уж свыкся с ней
— в первый раз разве —
и, найдя крепкую, не очень большую сосну,
потрогал ее корявой рукой,
хотел сразу бить,
но сел почему-то,
сам не понял почему. Закурил.
Пепел сыпался в бороду,
пахло паленым войлоком...
Но не до этого —
синие сумерки тревожили его сегодня чем-то,
и то, что за острыми горками елок угадывался
какой-то непонятный ему свет,
тоже тревожило.
Ни разу еще сумерки не были такими синими,
и, чтоб из-за елок свет,

как будто с песней кто,
только не поет, а светит...
Поднялся старик,
такую легкость в себе почувствовал
— отпусти топор, и вытянется он сосной
над лесом...
Невозмогу, сладко ему стало от горячего
подступившего к лицу желания,
но только ноги сильно тянули вниз.

Коротко блеснув острием,
повалился на бок топор,
сосны медленно туда поплыли,
вниз,
к земле,
и больно, очень больно хрустнуло
под ушами.
Дед, вытянув вперед бороду, улыбался
растерянными влажными глазами,
поднимался вдоль сосны,
как воздух по водоросли,
думал —
слово какое: подушка, вон ведь откуда —
под ушко...
И последнее, что он увидел, —
это за лесом в небе
огромная желтая луна,
как дыня разрезанная,
и поперек ее баба с телегой,
лошадь сивая
и дорога узкая,
по небу прямо,
к дому идет.
Дом серый, старый и сгнил.

РУСЛАН ГАЛИМОВ

Родился в 1946 году в Чистополе. Работал на КамАЗе. Участник Камазовского литобъединения «Орфей» и московской литстудии при Союзе писателей СССР. Публиковался в журналах «Новый мир», «Литературная учеба», «Сельская молодежь». Автор сборников рассказов «Сказочник» (Москва, 1982), «Ко мне и от меня» (Казань, 1982). Ушел из жизни в 1988 году.

* * *

Сегодня думал я
о смерти, бродил по лужам,
щурился на солнце.
Сегодня встретил я
двадцать девять
беременных женщин.
И решил, что
не страшно умереть.

* * *

Внезапно разлюблю,
разбившись о воспоминания,
и буду долго смотреть
в холодное небо,
пока ты не растаешь в синеве
дальним облаком...

ФЕДОР ГАРИН

Украинский поэт. В годы Великой Отечественной войны жил в Казани.

* * *

Мне шепчут листья молодой калины,
Курлычут в небе чистом журавли, —
Они зовут меня на Украину,
Где бурно детства годы протекли,
Где степь родная стала зеленее,
Когда пришел освобожденья час...
Но вспоминать о Горьковском музее
Я буду, ей-же-ей, еще не раз.

РАДИК ГИМРАНОВ

Родился в 1937 году в Казани. Окончил Казанский авиационный институт (1962). Работает ведущим конструктором в Казанском филиале КБ им. А.Н. Туполева. Публиковался в республиканской прессе. Автор сценария документального фильма о 50-летию завода им. Горбунова. Автор книги стихов «Автопортрет с роялем» (Казань, 1997).

У КОСТРА

Костер, гипнотизируя в ночи,
Собрал кружок любителей горенья.
Со всех сторон — былинки и поленья
Он брал из рук и превращал в лучи.

Взмывали к небу легкие миры.
А корчи оставались пепелищу.
На корточках мужик сидел, как нищий,
На лице — отблеск бешеной игры.

Шаманил дым. И сквозь дрожащий воздух
Таинственно подмигивали звезды.
Потрескивали швы у тишины.

Горел костер. И все молчали в транс.
В горниле раскаленного пространства —
Ехидная ухмылка сатаны.

* * *

Душа исходит легче гелия.
Под утро. Около пяти.
И к духу вечному, по Гегелю,
Обогащенная летит.

А в отработанных,
негреющих
Телах не держится душа...
Но нет печали в этом зрелище.
Струясь,
как пар из беляша,
Она берет с собой все формы,
Все запахи,
восторг — и стон,
Чтоб довести до нужной нормы
Тот,
объективный, суть, закон.
И, бесконечному пространству
Отдав, что в жизни обрела,
Она,
как голая абстракция,
Другие мучает тела.

* * *

Сексапильные женщины
лет сорока
И полста, и поболее —
с искоркой божьей —
Признаюсь вам в любви на манер Бальзака.
Всех восторгов моих не вмещает строка,
Но бальзаковской женщины вы помоложе.

Вы сбылись, состоялись,
подняли детей.
Слава богу, веселые бегают внуки, —
Вы живете в достатке, не хуже людей.
И не сможет смутить
никакой Берендей
Ваш покой и любовные сладкие муки...

Было в жизни немало счастливых минут —
Совершенных, волшебных —
поистине женских,
И неженски-тяжелый, нетворческий труд.
Жизнь — борьба, говорят, испытание.
Врут.
Настоящая жизнь — не борьба,
а блаженство.

УБИТЬ КОМАРА

Комар не скрывал намерений
И здорово мне надоел,
Когда комариной сиреной
Меня вызывал на дуэль.
Как будто за всю экологию
Мне угрожая иглой,
Хитрил камикадзе голодный,
В неравный кидаясь бой.
И как обстоятельно, важно,
Свой аппаратик настроив,
Во мне он высверлил скважину
Ради полкапельки крови...

Я дал ему крови глоточек,
А сам подготавливал смерть,
И точным ударом прикончил,
Когда он хотел улететь.
И жизнь превратилась в проекцию,
Где ощущается зуд.
Выходит, он сделал инъекцию?
А я совершил самосуд?
Осталось кровавое пятнышко.
Сломаны крылышки, носик —
Как будто бы микрораспятие...
И в сердце кольнуло: Христосик.

ХЛЕБ И БАНАНЫ

Люблю экзотику... Когда горой лежат бананы с желтой кожурой. Душистые!.. Не пожалею денег, куплю себе тропических сарделек с начинкой из холодной манной каши — по 2 рубля кг по ценам нашим. Их любит моя дочка Лилиана: «Нет в мире ничего вкусней банана! И я могла бы съесть их сколько хочешь!» — сказала дочка. А сама хохочет, смеется, что я ем их с черным хлебом... Где логика?

— Хлеб под российским небом возвращен, а небо видит эти страны, где зреют твои вкусные бананы. И люди здесь и там вложили труд, а результаты встретились вот тут! — примерно так, и в шутку и всерьез, я думал и ответил на вопрос.

— Но, папа, как же можно с кашей манной сравнить неповторимый вкус бананов? Мне каша эта во как надоела! А вот бананы я бы ела, ела...

И вспомнился мне год 47-й.
Голодное, счастливым было детство.
И с корочкой коричневой, ржаной,
Был черный хлеб
тогда деликатесом.
Я добывал его, как чародей,
Закутанный лоскутным одеялом,
Романтику познав очередей
Длиною в ночь
и долгих два квартала.
А маленькой сестренке на обед
Мы брали кашку манную по благу:
Одной врачихе мама за рецепт
Молочной кухни — прибирала хату.
Мне доставалась в бело-голубых
Мазках прозрачных
баночка пустая.
Я так ее вылизывать любил,
Особенно погуще где, у края...
И доигрался! Как, не знаю сам,
Свою сестренку будто обокравши,
Я подошел в момент кормления:
«Мам,
А, мам? Намажь на хлеб
немного каши...»
Вот почему бананы с хлебом ем,
Хотя и мог бы без деликатеса
Прожить и не испытывать проблем.
Но дорог запах хлеба —
запах детства.

БОРИС ГИНЗБУРГ

Родился в 1951 году в Казани. Рабочий одного из казанских предприятий. Публиковался в журнале «Турист» и республиканской прессе. Участник ряда коллективных сборников стихов. Автор-исполнитель самодельной песни. Автор книги стихов «Четвертый зимний месяц Март» (Казань, 2000).

ЛИСТ

Березовый пожухлый желтый лист,
потерянный в лесной осенней стыни,
случайно на незримой паутине
между деревьев в воздухе завис.
И ничего печальнее окрест,
чем этот лист, висящий в Мирозданье
до первого прямого попадания
случайной капли с пасмурных небес.

* * *

На звезды надвигались облака...
Казань спала,
но все же в доме каждом
светилось в среднем по два-три окна —
там продолжалось утоление жажды
общенья с другом, с книгой и с собой,
сближенье, столкновенье разных мнений,
спокойная беседа или бой
и, очевидно, результат сомнений.
Четвертый час утра, и я шагал,
с сомненьями как будто примиренный...
Мне город спящий думать помогал,
любимый город, в буднях утомленный.
Не сонным был, а очень бодрым я —
шел от друзей, там был на чашке чая,

со мной на равных были те друзья,
я понимал и понят был. Не чаял.
Пусть не со всем согласен, но — пока...
Тот все поймет, кто понял хоть однажды.
На звезды надвигались облака,
Казань спала, и все же в доме каждом —
два-три окна...

* * *

С утра, воткнувши в зубы «беломорину»,
рассеянно носки просохшие снимая
с веревки в совмещенном санузле,
я стал припоминать, сперва невнятно,
приснившийся мне этой ночью сон.
А снилось, боже правый, стыд-позор-то!..
Мне снился модный плащ и те ботинки,
в которых сам себе я отказал,
недавно обходя отделы ЦУМа.
Одно из моих Я (второе, первое ли)
мгновенно подхватило эту тему:
«Стишки писуешь? В воздухах витаешь?..
А снятся-то ботинки да плащи!..»
И так, врасплох застигнутый виденьем,
с погасшей «беломориной» во рту,
не смог найти я, что ему ответить.
Но лента сна в моем воспоминанье
тянуться продолжала, проявляться,
и, наконец, предстала вот такой:
в одних трусах, а может быть, и в брюках,
я по дому хожу. Вдруг сердце, бухнув,
подумать заставляет: «Где же дочь?»
Похолодев, кидаюсь я, там же
напяливаю этот чертов плащ,
и босиком в те чертовы ботинки,
дрожа, влезаю и бегу во двор...
А во дворе — зима, бело, сугробы,
и дочка преспокойно на качелях
в искусственной поношенной шубенке
качается себе... Все хорошо.

Но почему на зимнем фоне снилось
все это?

Вспомнил, вспомнил! — накануне
во вьюге тополиной, в массе пуха
мне показалось, что иду по снегу.
Еще казалось, что — по облакам.

...И видел то, чего никто не видел
из этой многотысячной толпы —
у глинистого волжского обрыва,
не увлеченный ею, я заметил,
что зноем одуренная толпа
мешает ласточкам-береговушкам
проникнуть в дырочки своих пещерок.
Страшась, бедняжки не могли к птенцам
пробиться сквозь забор из загорелых,
омытых мутной теплой влагой тел.
На реактивных крыльях над водой
за кругом круг, крича, носились птицы,
побезопасней щелочку ища.
Но редкая, стремглав, собравшись духом,
а может быть, и растеряв его,
отчаянно среди людей петляя,
ныряла в норку меткою стрелой.
И за одной из них следя, до слез
взгляд напрягая, я отвлекся все же
и увидал тебя, и ты — меня,
и этого никто-никто не видел...
Но ласточек не видела и ты.

Нынче от вишен распухли сады —
гроздьями ветви увешаны, гнутся.
Радостны люди, синицы, дрозды...
Птиц не гоняют, пускай себе вьются.

К солнцу спиной повернись — собирай!
Руки от ягоды сизы и липки,
щебет повсюду — ну, что тебе — рай!
Будут варенья, компоты, наливки...

Знаешь,
давай...
хоть немного
с тобой
крупную вишню без косточек сварим!

...И перестала звонить,
неинтересно стало.

Интерес-то весь заключался
в том, чтобы в трубке услышать
в ответ на свое лукавое: «Здравствуй...»
«...Здравствуй!..» —
и свое имя,
и снова спросить, как всегда:
«Ты узнал меня? Ты не успокоился?»
Что означало: «Ты все еще меня любишь?»
И услышать молчание, но,
словно в фонендоскопе, —
стук Его сердца.
Не слышало только:
«Зачем ты звонишь и спрашиваешь?»
Уж слишком приятно было
знать, что еще, кроме мужа,
есть любящий человек.
До того это было приятно,
что даже, когда уже не было
дрожания в Его голосе,
долго казалось, что есть оно.
А Он не хотел лишать ЕЕ
этого удовольствия.

Но однажды прочла в глазах
и перестала звонить.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Е.Р.

Календарем пришла весна,
а снег не тает, снег не тает,
все больше, больше выпадает,
и ночь все так же холодна.

И март, не счастлив этой долей,
во зле таком не виноват,
преобразился поневоле
в четвертый зимний месяц — Март.
Все закрутила ведьма Осень;
вдруг у Зимы декабрь украла
и Ноябрьем вторым назвала,
и скрылась, и с нее не спросишь.

Не спросишь...
И Зима взимает
должок с Весны, и, говорят,
декабрь прошедший замещает
четвертый зимний месяц Март.

Вот и к тебе пришла весна,
но равнодушья снег не тает,
пурга всю душу замечает
и кутает ее для сна.
Тобой безвинно осужденный,
в упряжке тяжелых зимних нарт
плетется, снегом занесенный,
четвертый зимний месяц Март.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЕ

Марине

Настала
 пора
 сна.
Не думай
 ты
 ни о чем.
Бела
 у нас
 простыня,
а день
 за окном
 черн.
Прожит он,
 этот
 день,
Если
 не так —
 что ж?..
Слушай
 капли
 звень,
сына
 в себе
 не тревожь.
Пусть
 он с тобой
 уснет.

Скоро
ему на свет,
полный мирских забот,
нынче ж забот
нет —
настала пора
сна.
Не думай же ни о чем.
Парусом — простыня...
Отчаливай, сна
член.

ДАМИР ГИНИЯТУЛЛИН

Родился в 1958 году в Казани. Окончил Казанское строительное училище (1986). Работает художником-оформителем. Публиковался в республиканской прессе. Призер конкурса литературных произведений, посвященных 80-летию казанской милиции. Призер Всероссийского конкурса стихотворений «хайку», организованного газетой «Аргументы и факты» (1999).

* * *

Когда бьют колокола,
дрожат капли
на красноватых ветках.

* * *

На льду бьется рыба.
Так и застыла —
Изогнутой.

* * *

Снежинка зависла
у оконного стекла...
И долго смотрела на меня.

* * *

Погасший телевизор,
словно омут.
Кто только в нем...

* * *

Кошка трется о книги
и задевает сухие цветы
в вазе.

СЕРГЕЙ ГОВОРУХИН

Родился в 1960 году в Харькове. Учился в Казанском государственном университете. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей России и Союза кинематографистов России. Автор книг прозы «Мутный материал» (Москва, 1993), «Никто, кроме нас» (Москва, 2004).

В качестве военного корреспондента работал в зонах боевых действий в Таджикистане, Чечне, Афганистане, Югославии. Участвовал в тридцати боевых и трех специальных операциях.

Награжден орденом Мужества, медалью «За отвагу» и другими наградами. Его фильм «Прокляты и забыты» был удостоен «Гран-при» девятого фестиваля неигрового кино (Россия), премии «Ника» Российской академии киноискусств. Живет в Москве.

* * *

Конечно, снег. Конечно, первый.
Конечно, крыши замело.
Расслаблены, конечно, нервы.
Конечно, чисто и светло.

Конечно, двое у окошка
счастливо встретят первый снег.
Конечно, двор. Конечно, кошка.
В снегу, конечно, человек.

И снежная, конечно, баба
вся подбоченилась слегка,
и кажется, не так уж слабо,
что жизнь прозрачна и легка.

Конечно, легкою поземкой
нас заметает не спеша,
мечта, конечно, нитью тонкой,
и за душою ни гроша.

Конечно, легкое пальтишко
накину и уйду бродить.
Туда, конечно, где мальчишкой
умел со снегом говорить.

* * *

Я рисую натюрморт:
Напишу сначала торт,
Рядом вазочку с вареньем,
Чай, налитый в пиалу,
Чьи-то лица, день рожденья,
В общем все, что так люблю.
Только лица и варенье
Не увяжутся никак,
И, прочтя стихотворенье,
Все поймут, что не мастак
Рисовать я натюрморт:
Только чай, варенье, торт.

* * *

Мы живем с тобой в одном городе,
На одной улице,
В одной квартире.
Мы так близко друг к другу.
Мы муж и жена.

Когда утром я собираюсь на работу,
И ты, заспанная,
В неряшливо повязанном халате,
Готовишь мне яичницу,
Которая непременно будет пережаренной,
Недосоленной или пересоленной,
А затем сидишь напротив,
Сонно подпирая лицо рукой,
В ожидании моего ухода,
И когда в дверях
Машинально и равнодушно целуешь меня,
Я думаю о том времени,
Когда мы были далеко
И просто любили друг друга.

* * *

Я не могу назвать сараем
Пятиэтажный в общем дом.
Стоит не то чтоб где-то с краю,
Но — безусловно — за углом.

Там нет чудес. Не бродит леший.
Русалка не сидит в ветвях.
Там кроток нрав. Никто не грешен.
Застыло время на часах...

И спор нелепых не бывает —
Все чисто, гладко. Тишина.
И муж с любовью примеряет,
Что подает ему жена.

Вот в этом доме, что за диво,
Двоих несчастный случай свел;
Солдатик проходил с огнивом
И управдома дочь увел.

Под зов неведомых метелей
Они из вечного дворца
Ушли, куда глаза глядели,
Не попрощавшись у крыльца.

* * *

Как глаза твои печальные
смотрят вслед.
Но слова мои прощальные
не накличат бед.

Я вернусь, должно быть, скоро
навсегда
в дом, где есть торшер, и шторы,
и луна.

Встретишь ты меня с любовью.
Заживем.
А пока давай с тобою
допоем!
Как глаза твои печальные
смотрят вслед.
Как глаза твои прощальные —
целый свет.

Вещмешок за плечи кину,
обниму.
Не сумев расправить спину,
в ночь уйду.

В борт полуторки разбитой
уцеплюсь —
я вернусь даже убитый.
Я вернусь.

* * *

Где же, где же бог над нами
В белом венчике из роз?
Где он, выстлавший телами
Нескончаемый погост?
Волокли вперед ногами
Тех, кто сам ползти не мог,
И конвойные штыками
Укорачивали срок.
Нас расстреливали с вышек,
Нас вбивали костылем,
Убедившись, что мы дышим —
Головой в дерьмо, живьем!
И не к храму, не к обедне,
Где кайлом, где кое-как
Вырубали мы последний
Многоярусный барак.
В том бараке будет тихо.
Рельс не взвоят на развод —
Запоздалый стылый вихрь
На снегу проставит год.
Датой снежною отмечен
Беспартийный «гражданин».
Лишь холодный черный вечер
Коротает вечность с ним.
Судьбы лицами вповалку,
Кто моложе, кто старей, —
Дополняющие свалку
Политических страстей.
Мейерхольда профиль резкий,
Мандельштама смутный лик
Безотказно, по-советски
Погребает материк.
Не подонки, не ублюдки —
Взором к небу: где ж ты, бог?!
Вдоль по небу поступь жутких,
Тихих, ласковых сапог.

* * *

Память бродит — переносит
В те военные года.
Переносит и не спросит:
Собираюсь ли туда?

Я туда не собираюсь,
Не хочу. Молчу. Кричу.
Не хочу, но возвращаюсь,
Как затворник к палачу.

Возвращаюсь в эти горы,
В их погибельный восход,
В наши споры, наши ссоры,
В тот отдельный разведзвод,
Что ушел по небосклону
В девяносто пятый год.

* * *

Войной рожденные поэты
Не возвращаются с войны —
Мы между тем и этим светом
Отныне быть обречены.

Когда же нашу оболочку
Смиренный обозначит крест,
Вы не спешите ставить точку —
Мы будем там и будем здесь.

Мы, круг смыкая, — не уходим,
Строкою прорастая в вас.
Нам в лист учетный пишут: «Годен,
Отправлен временно в запас».

АННА ГОЛЬДШТЕЙН

Окончила юрфак Казанского государственного университета. Преподавала в Казанском медицинском институте. Публиковалась в республиканской прессе. Участник коллективного сборника «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор книги стихов «Состояние» (Казань, 2000). Живет в Канаде.

СТАРЫЕ РИФМЫ

Вчерашняя наивность
В сегодняшней тоске
Ожогом злой крапивы
Пылает на щеке.
Вчерашние ошибки...
Похмельем майских грез —
Соль и тщета улыбки
Взамен счастливых слез.
Душа, мой волк! Загнали...
Ощерив пасти, в ряд
Охотничьими псами
Вчерашние стоят:
Вчерашние восторги,
Вчерашняя любовь...
На хищной песьей морде —
Сегодняшняя кровь.

И даль мучительна мне, и близость.
А между ними — заклятьем магов —
явленный эльсинорский призрак —
листок бумаги.

Да, легкий, призрачный, лепестковый...
Любовью, равновеликой со смертью,
в традиции удавалось оковы
заклятья свергнуть.

Бумага, хищный звереныш, жаба,
расчислившая стрекоз мельканье,
добычи ждет и трепещет слабо,
вся — ожиданье.

ИВАН ГРАЙ

Родился в 1945 году. Окончил Казанский государственный педагогический институт (1968). Кандидат биологических наук. Член Союза писателей Республики Татарстан. Печатался в журналах «Казань», «Идель». Участник коллективного сборника «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор семи поэтических книг.

ПЕСНЯ

Заструилась из тонкого горла,
Раздробилась о скальный навес,
Разлилась, затопила нагорье,
Накатила волнами с небес.

В ней тоска по утраченной роще,
Половодье непрожитых лет...
Пела птаха осеннею ночью.
Возвращался с чужбины поэт.

* * *

Фонари.
И светло и тревожно.
Ночь тиха,
словно вымерший день.
И бредет одинокий прохожий,
волоча многоглавую тень.

* * *

Когда у меня не хватает сил,
иду за помощью
к малолетней дочери.

* * *

И верно, был во всем привычный лад.
Чего же вновь так истово взыскуют
И ранний цвет, и поздний листопад,
Которые душа, прозрев, связует?

Былых волнений зряшно не зову,
Грядущее заволокла усталость.
Живу ли я, во сне иль наяву?
А жизни миг, увы, такая малость.

Я вовлечен в причудливую вязь,
Где Млечным смерчем подхватило Землю,
И ныне тем теряю с миром связь,
Что без любви и часа не приемлю.

* * *

О параллельность параллельных
Невинных линий и пространств,
Двух роковых — поди, проверь их! —
В груди встречающихся трасс.

Теперь иное наважденье:
Железных рельсов два луча,
И там, где быть пересеченью,
Вдруг возгорается свеча.

И так я строю дни и ночи,
И не один десяток лет,
И точка светит мне воочью,
Которой, может быть, и нет.

Звезды достиг бы очевидной...
Но кто мне жребий поменял?
Рожден небесным быть дельфином,
Влачу смиренно тяжесть шпал.

* * *

Я верил в жизнь и яростно, и ново,
Хоть день за днем сторало все дотла.
Я верил в то, что несказанным словом
Незаспанная явится луна.

И вот теперь в тисках привычной муки,
Вконец устав от бега и езды,
В лихую ночь, как пес, заведев суку,
Лечу навстречу высверку звезды.

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА

Родилась на хуторе Лысом деревни Новосветловка Луганской области. Работала и училась на Чукотке, в Кабардино-Балкарии, в Казани. Окончила отделение журналистики Казанского государственного университета. Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор семи поэтических книг. Биография помещена в нескольких изданиях Кембриджского Биографического Центра и Американского Биографического Института в сериях «Кто Есть Кто в современном мире». Живет в Лондоне.

* * *

«Как время катится в Казани золотое!»
Времен застоя...

А время катится, как шар по белу свету.
Другого нету...

Куда же время золотое закатилось,
скажи на милость?..

А позолоту наших дней изъела ржа вон.
Ау, Державин!..

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Все то, что сбылось наяву и во сне,
в Казани зима замедает извне —
снегами, снегами, снегами...

Серебряный век серебрится в окне
и светится враз и внутри, и вовне —
стихами, стихами, стихами...

Судьбу изживая вразнос и взახлеб,
на паперти мы не просили на хлеб
в горячих слезах укоризны.

Для тех, кто зажился — забыт и нелеп,
сияют снега на просторах судеб
отчизны, отчизны, отчизны...

Как облачный дым проплывают века,
в заснеженных даях сияет строка
бессмертного русского слова.

На нас упадают большие снега,
словесный сугроб наматая, пока —
и снова, и снова, и снова...

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЧУДАК

Черносливом, черноталом,
черно-белым, чисто-алым,
чередой, гуськом, четою,
за чертою, за чертою...

Через час, кочуя в поле,
через Черное ли море,
по черте, чертополоху,
через чертову эпоху...

Чудо-юдо или чадо,
чистое исчадье чата,
чары, черные чернила,
чащу чем-то зачернило...

Чем не честная игра ведь,
чаровать, царить и править,
чувства чудные чрезмерны,
черный, чистый, честный, чермный...

Чохом, чихом, шагом, махом,
черным вороном и магом,
зачарованный и честный,
чересчур чудак чудесный!

САЖАЮ ТЮЛЬПАНЫ

День сегодня опал крупнолистный,
неожиданно и наугад.
Я ласкала тюльпан
шелковистый,
как китайский халат...

Безымянная луковка — тертый бочок.
Солнца зимнего паникадило.
Этот скользкий на ощупь
струящийся шелк
я сегодня в саду посадила.

И теперь треволненья любовной страды:
что там зреет в пучине безгласной?
Кто из бездны земной возрастет до звезды —
помрачительный, жаркий, атласный?

Будет волглое тело продрогшей земли
их ласкать в материнской купели,
чтоб однажды возникнули и расцвели
те, кто в землю ушли и истлели...

* * *

Этим матерям дать какой мне знак?
Сына потеряв, выжить или как?..

Этим матерям что могу сказать?
Сына потеряв, раны зализать?..

Этим матерям чем могу помочь,
сына потеряв, не родивши дочь?

Ангелов призвав неземную рать,
сына потеряв, жить не перестать...

* * *

Вот бабочка. Она черна как ночь.
Черты лица — чернильницы короче.
Вот бестолочь! Зачем ее волочь?!
Сачком пыльцу сбивать? Туманить очи?

Ворованое платье надрывать,
чтоб обнажить и утащить в темницу,
где тайно и срамно короновать
и уложить в стеклянную гробницу.

От умницы, блистающей, как сталь,
оставить только семечко льняное
да туловище узкое. Так встарь
блюли воображение больное.

Потом валялись в комнатной пыли
в унынии. Или в пыли, лихача,
из всех углов Вселенной волокли
сокровища — и бормоча, и плача:

шелестокрылых прибыло полку
из далей луговых, из плюшевых волокон,
из космоса, где лежа на боку
вращается, как шар капустный, кокон...

ЛЮБОВНЫЙ ШОК

Любовь моя, во мгле полураспада
хрустящая, как плитка шоколада
в холодной металлической фольге:
симфония или картина Ге.

Склонившись над твоим атласным лоном,
в одном с тобой ряду коллекционном
хочу стоять на полке и в шкафу —
с Ли Бо в соседстве, либо же — с Ду Фу.

За три рубля каракулевой славы
хочу вписать в тебя столбцы и главы,
одеть тебя в алмазы и меха —
богатого и знатного стиха.

Любовь моя, скажу тебе короче:
зачем тебе снега твои и ночи?
Лежит коллекционное тавро
на пажитях, тем паче на Мире.

Чугунную чернильницу литую
в небесном консульате залитую,
чтобы в письме твоей просить руки.
У Тютчева об этом ни строки...

Любовный шок — шалфей и медуница:
цветочная пыльца, как пыль, курится,
как шлейф летит, как белая фата,
как легкий звук из Моцартова рта.

СОН О КАЗАНИ

Вдруг опознать себя на остановке —
во сне —

в полузабытой обстановке:
осенний дождь,

колючий, как щетина...
Я вспомнила себя —

не ощутила!
Я вспомнила:

здесь жизнь моя жила!

И временами так неспешно шла,
на вузовский учебник налегая,
как будто предстояла жизнь другая,
как будто я жила взаймы и впрок.

Все быстро миновало —
вышел срок.

Какая-то банальная история...

Мне скоро выходить —
Обсерватория.

Мне замуж выходить —
детей рожать!

Схватила сон в охапку —
и бежать...

* * *

Я полая внутри, как контрабас,
могу гудеть чуть нервно, но солидно,
и сверху не заметно и не видно,
что я молю о снисхожденье вас.

В моем громоздком, но красивом теле
гнездятся неуверенные звуки,
чужие неталантливые руки
их объяснить когда-то не сумели.

И вот стою в затишьи и в пыли,
вдали от музыкантов и концертов,
былые представленья и оценки
теряют в весе, как календари.

Сползает лак, приходит хворь и бедность,
не мучает желанье заиграть.
И только чья-то нотная тетрадь,
забытая, мне сохраняет верность.

С О Н

Пробежался трамвай на длинных ногах,
люди рисовали на его запотевших стеклах
смешные рожи.

Человек в одежде (под одеждой
не было кожи,
были нервы — синие, как от холода),
похожей на дурной перевод с английского,
силился понять, кто он такой.

Кроме того, мне навстречу из желтого дома
(там, кажется институт финансово-
экономический) выходили чужие тайны
с большими глазами
и взлохмаченной детской еще головой.

Кошки били в литавры
и мягко мяукали о любви непорочной.
Извращенные формы электрогитары
намекали на то, что она конченная сволочь
и не верит в чистые отношения

между полами.
(И метались и рвались — почти пополам —
как по темени, били крики гитар,
и какие-то тайны с кругами у глаз
засмотрелись в большой зазеркаленный таз).
И на углу, где я обычно

поднимаюсь к университету,
мне сказали, что я не туда иду,
что того, что ищу, не было и нету
(и так во всем).

Зеленый, похожий на таксу самосвал
читал стихи неизвестного поэта.

Я накормила самосвал-таксу овсом
(мой сон, что хочу, то и делаю),
оставшимся от завтрака.

И решила завтра
продать все известные мне
сексуальные тайны

старому скопцу
(я часто встречаю его на углу,
где мне подниматься к университету).

А тайны с большими глазами,
разбежавшимися по розовому лицу,
я оставлю себе.

Хотя они и менее интересны,
но с ними спокойнее.

Незнакомый покойник
подошел ко мне в толпе у магазина
и сказал, что до смерти любил меня.
Очевидно, обознался.

Трамвай на длинных ногах
приближался с другой стороны.
Я поняла, что пора просыпаться,
и испугалась.
Самосвал-такса читал и читал стихи.
Он убеждал меня, что был такой поэт,
и жил он там, где ничего нет,
и жил он там, куда я иду.
Иду долго,
сбиваясь с ритма,
начиная не с той ноги,
налетая на острые вещи и плечи,
и на горы тоски и неверия,
я еще не вижу — куда
(во сне вообще плохо видно).
Трамвай на длинных ногах
выбежал из-за угла
совсем близко.
Кошки завьли в унисон
с литаврами.
Гитара всюю изгалялась.

Кончался мой сон.
А что начиналось?

* * *

Разбить окно и выброситься прочь:
там жизнь, там ночь —
раскинулись деревья...
Разбиться в кровь,
пуститься в стон и плач.
Зато не в сон и не в безделье.

И чтобы лист оберточной бумаги
прилип к лицу, впитал холодный пот.
И полежать в спокойствии и мраке,
покуда боль пройдет.

А можно так: повиснуть на суку
вниз головой
и сочинять поэму...
Я все, что не войдет туда, могу
раздать вокруг, как по кусочку хлеба, —

да не возьмут.
И беспричинных слез
вдруг разгадать и устранить причину.
Все можно бы, когда б не этот свист,
не этот визг, что издают машины.

* * *

В кругу философских проблем
сидел опечаленный мальчик,
в руках — философский задачник,
над коим он долго потел.

О, как он хотел убежать
на луг, где гуляют коровы,
где солнечный климат здоровый,
где можно в траве полежать.

Но жизненно важных вопросов
воображаемый круг
плотнее смыкался вокруг
подобием снежных заносов.
И как это все совместить —
снег мысли и солнце желанья,
связать тиранию сознания
с инстинктом в единую нить?
Ведь так соблазнительно знать,
что все разрешение вопроса —
трактаты писать, как Спиноза,
но стекла уметь шлифовать.

ЮРИЙ ГРУНИН

Родился в 1921 году в Ульяновске. Окончил Казанское художественное училище (1941). Работал в газете «Красная Татария». Участник Великой Отечественной войны. Три года провел в фашистском плену. Работал лесорубом в Пермской области, рабочим рудника в Джезказгане. С 1955 года работает архитектором. Занимается деревянной скульптурой. Участник областных и всесоюзных выставок. Публиковался в журналах «Октябрь», «Огонек», «Сибирские огни», «Волга», «Радуга», «Простор», «Даугава», альманахе «Родина» (Казань, 1940). Живет в Джезказгане.

ДРУЖБА

Знаю — много таких хороших, как ты;
Знаю — много таких, как и я.
Расцветут цветы, и завянут цветы,
А мы — навсегда друзья.

Мы у Волги стоим. Ты мне руку дала,
Твою руку в своей берегу...
Посмотри, как сгущается синяя мгла
На далеком другом берегу.

Посмотри, как раскинулись наши края
На бескрайних просторах земли!
Ленты длинных дорог, дорогая моя,
По любимой земле пролегли.

Много разных дорог пред тобой, предо мной,
В жизни солнечной нам по пути:
Мы с тобою юны, нам дорогой одной,
Нам дорогой прямою идти.

Загораются звезды. Все стихло кругом,
Все кругом отдыхает, дремля.
Будет верен наш путь. Будут нам маяком
Путеводные звезды Кремля.

Знаю — много, как ты, хороших таких,
Знаю — много таких, как и я.
Отцветут цветы, опадут лепестки,
А мы — навсегда друзья.

СТИХИ ИЗ ПОЭМЫ «ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА»

Елене

Знаю, много таких хороших, как ты.
Знаю, много таких, как я.
Расцветут цветы и завянут цветы,
А мы — навсегда друзья.

Что цветы? Где цветы? Где та песня моя?
Нынче смерть на земле, не цветы.
Я смотрю на восток — там родные края.
Там и счастье мое, и мечты.

Я мечтал о цветах. Помнишь: Волга, поля,
нерассказанной сказкой — леса?..
А вдали голубела, искрилась земля
и сливались с землей небеса.

Бесконечность небес, облаков корабли —
словно создано все для двоих.
Все прекрасное мира, все блага земли
отражались в глазах мне твоих.

Я мечтал о цветах, о земле голубой,
что цвела, в неизвестность маня.
И для нашего счастья на праведный бой
ты сама проводила меня.

На войне я надежду и веру растил.
И друзей познавал на войне.
И всего себя этой войне посвятил.
И она стала стержнем во мне.

Ел и спал на снегу. В наступленье ходил.
Брал деревню, где были враги.
У меня на руках умер наш командир:
Александр Еремин погиб.

Я впервые познал притяженье могил.
Где найти на могилу цветы?
Только раз я без Саши в атаку ходил.
И дошел до презренной черты.

Я в плену. Я к тебе никогда не приду.
Я к тебе не приду никогда.
С моей воинской шапки сорвали звезду.
Только в сердце все та же звезда!

Путеводной звездой она мне дана,
и она меня будет вести.
Та звезда мне — как ты и как совесть, одна.
С ней цветам суждено расцвести.

УРОК НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Такое только у собак
я в вольной жизни видел:
ошейник да жестянка-знак,
что псу хозяин выдал.

Вот и для нас пришла пора
причуд собачьих станов:
нам нацепили номера —
круги консервных банок.

Тот круг — на шею, на шинель,
судьбой собачьей рабской.
Здесь жисть как жость,
жость — как мишень,
где цифры черной краской.

Приказ — и плеть, и возглас «лос»!
и некуда деваться.
И потому я просто пес.
Мой номер 320.

Ношу ту бляху как печать —
для конвоиров чванных.
На окрик их учусь кричать:
— Яволь, драй-хундэрт-цванцих!

Учусь, куда ж деваться тут.
Собачий лай нетруден.
«Собака» по-немецки — хунд.
«Сто» по-немецки — хундэрт.

Драй-хундэрт — триста, как три пса.
Как трижды псом обруган.
Голодный хунд. Наука вся.
А голод? Голод — «хунгер».

Я человеком звался встарь.
Теперь чем буду зваться?
Трофейный вражий инвентарь
с жетоном «320».

ЦЫГАН

Цыгана ожидал расстрел
за то, что он цыган.
Цыган в тоске своей запел,
и онемел наш стан.

Пришел на голос конвоир —
на это вот чепэ.
Потом привел еще двоих.
Цыган все громче пел.

Три немца слушали его.
Сказали: — Нитшево!
Потом послушали еще.
Вздохнули: — Карашо!

А песня над войной плыла,
она сердца рвала.
И первый немец повелел
перенести расстрел...

До завтра приберечь талант —
такой талант, мой бог! —
чтоб завтра утром комендант
концерт послушать мог.

Назавтра комендант пришел,
с ним — вся собачья знать.
Решили — надо им еще
концерт кому-то дать.

И вот в последний, в третий раз
цыган теперь поет.
А мы поднять не можем глаз.
Цыган расстрела ждет.

ИВАН ДАНИЛОВ

Родился в 1941 году в Чистополе. Окончил филфак Казанского государственного педагогического института. Победитель Всесоюзного конкурса молодых поэтов «Чтоб к штыку приравняли перо» (1967). Печатался в республиканской прессе, журналах «Сельская молодежь», «Волга». Работал на телевидении, в геологических партиях. Автор книг «Завязь» (Казань, 1966), «Птица долгой зимы» (Казань, 2000).

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Я худ от постных овощей.
Худому легче — в двери рая.
Есть вещмешок, но нет вещей.
Вещизм, — читал, — болезнь дурная...

ОКЛИК

Меня окликнуло пространство.
С которой стороны — не помню.
Я шел куда-то...
Было странно,
Что нет конца
полям
и полдню.
«Поблазнилось...» — подумал с ленью
и шел, как выведет кривая, —
не изменяя направленья,
верней, его не сознавая.
Теперь-то что...
Какие сны
бывали!.. Даль!..
И блажь какая!..
Но с неизвестной стороны
теперь ничто не окликает.

Коль повезет — я поживу еще,
не ради лишнего застолья или песни —
из-за тоски в осеннем поднебесье,
лежащейся на левое плечо.

Мне лишний день — никчем он и пуст,
когда не полоснет в одно мгновенье
мне по сердцу скворцов апрельский куст,
отяжелев от голосов весенних.

Наверное, по возрасту пора б уже...
Но в мире я не лидер, не боец.
...А потому — по травушке-муравушке
да не собрать рассыпанных колец...

НАДПИСЬ НА СКАМЕЙКЕ

Жизнь — это дикорастущее чадо.
Неосмотрительно бросилось в путь,
но до скамейки
меж раем и адом.
Здесь лишь и можно
передохнуть...
Жизнь даже шутит, как шутят с безделья —
тихо, без вздохов и словопрений.
«Все дорожают говяжки сардельки.
Все дешевеют друзей откровенья».
В этом реально единственном счастье,
в самой говяднейшей из удач
тайной струною —
на части... на части...
все, что ни есть рассекающий плач.
Как же его,
непомерного, много,
как его много, а меньше —
нельзя.
Сиюминутная эта дорога.
Жизнеминутная эта скамья...

Жар-птицу кормить из рук —
Опаснейшая причуда!
Век разума и наук
На грани чудес. Но не чудо.
Век техники.
Где тиха
Глубь, скручивающая воронки,
Бывает колонка стиха
Насущней
Бензоколонки.
Век логики.
Не пора ль
Ей сдаться давно на милость?
Но
 высший итог пера —
Итога необъяснимость.
Но высший итог и смысл
Тревожит виной непрощенной...
Душа человека —
 мыс,
Где промысел запрещенный,
Где помыслы так чисты,
Что этим неразложимы
На перфокарт листы,
Каноны,
 ряды,
 режимы.
...У века — характер мужчин,
Но надо ль,
 когда, могучий,
Он прочную ось машин
Сгибает в скрипичный ключик?!
Ведь, даже создавши людей,
Бессильна природа:
Глухо
В ушах у лишнего слуха,
А форма —
 скрипичных ключей...

ЗИМНИЙ САД

Сад — лежбище морозных звезд
в снегу сверкучем.
Как негативы летних гроз
чернеют сучья.
И вспомнятся не второпях
плоды литые,
желты, как молнии в ветвях —
сплошь шаровые!
Стволов таинственнейший гул —
хоть не касайся.
Значки морзянки на снегу —
шифровка зайца.
Все разнесут по сторонам
порывы ветра.
Снегирь краснеет, как стоп-кран
вагона в лето...

ПЕТР ДОЛГОЛЕНКО

Служил прапорщиком в Казани, Петропавловске–Камчатском. Один из авторов коллективных сборников «Слово молодым» (Казань, 1972), «Приметы века» (Казань, 1974). Живет в Ужгороде.

* * *

Дороги, которые мы выбираем,
В которые пыль сапогами вбиваем,
Которые дом наш и наша постель,
Которые ждут нас в жару и в метель,
Которых никто для тебя не торил,
Которым все лучшее ты подарил,
Которым стихи посвящал ты в тетрадке,
Дороги, которые ох как не гладки,
Порой тяжелы, как бурлацкие лямки,
И грудой развалин — воздушные замки:
Вы чаще бываете адом, чем раем,
Дороги, которые мы выбираем.

* * *

Наверно, все же я плохой солдат.
И ни при чем тут сила или смелость —
Мне просто почему-то никогда
Стать генералом в жизни не хотелось.
Ну, велика ли, — думал я, — беда,
Никто меня за это не осудит.
Ведь генералов меньше, чем солдат,
Так пусть уж лучше так оно и будет.
И не в обиде я на жребий свой,
И, право, не жалею ни о чем я.
Есть, говорят, призванье — рядовой,
И даже, говорят, оно почетно...

Твержу я утешения слова.
А все-таки пословица права.

* * *

Есть у меня одно стихотворенье.
Я видел, как совсем мне незнакомый
Парнишка в гимнастерке полинявшей
Его любовно так и осторожно
Из полосы газетной вырезал.
Я видел, как смешливая девчонка
На нем случайно взгляд остановила,
И стал тот взгляд задумчивым и нежным...
И я подумал, что когда-нибудь,
В бою ли, на больничной ли постели,
Настанет миг, когда вся жизнь видна.
И, подводя мучительно итоги
Всему, что сделать на земле успел я,
Я, словно заклинанье, прошепчу:
«Есть у меня одно стихотворенье...»

* * *

А зависть — всегда зависть.
Ты мне доказывать брось,
Что зависть — добра завязь,
Зависть рождает злость.
Труссы завидуют храбрым,
Зависти грош цена.
Зависть дана слабым —
Сильным мечта дана.

СВЕТЛАНА ДЬЯЧЕНКО

Родилась в 1971 году в Казани. Окончила филфак Казанского государственного университета (1993). В настоящее время учится в Гиссенском университете (Германия). Публиковалась в республиканской прессе.

* * *

...А улыбка срывается
В дрожь —
Больше нет заклинаний
Охраны.
Если ты меня сразу
Убьешь,
Я из слез, как из пепла,
Восстану.
Я не трону тебя,
Я уйду,
Растворюсь среди тьмы
И тумана.
А душа превратится
В звезду,
Ей пойдет это имя —
Светлана.
И, незримо скользя
Пред тобой,
Приведет через пламя
И бездну...
Милый, глупый!
Такую любовь
Не пытайся убить —
Бесполезно.

* * *

Из-за меня не дрались на дуэли,
Не запивали ядом мой отказ.
И не бросали жизненные цели
Из-за моих весьма красивых глаз.
Из-за меня не скатывались на пол,
Не пели песен, не писали од.
Никто по мне, наверно, и не плакал...
Я так безвинна, просто зло берет!

МАКЕДОН ЕДИГАРОВ

Родился в 1954 году в селе Авранло Цалского района в Грузии, где осели его предки, греки, после русско-турецкой войны. Учился в Казанском инженерно-строительном институте. Автор книги стихов «Зерно огня» (Казань, 1993).

АВРАНЛО

Как спина огромного кита,
хрящ Триалетского хребта
защищает хрупкое село
с именем турецким Авранло.

Но село так прямо в мир глядит,
будто здесь работал сам Эвклид:
извлекал из осторожной мглы
остренькие, как мечи, углы.

Поперек села течет река,
как судьба селенья, коротка —
никогда не повернет назад,
вырывая из хребта базальт.

Хороша, по-детски хороша,
та река шумит в моих ушах.
Где б я ни был,
будоражит дух,
так неудержимо манит вдруг,
будто боги из глубин земли
вековые тайны извлекли.

Как ни странно, в этом мире
человеку боль нужна.
Без нее рассудок вымрет,
обесценится душа.
И, пройдя разгульной воли
генно-атомный разврат,
блудный
к бунту светлой боли —
той единственной опоре —
возвратится ум назад.
Как в покинутую хату
одинокая душа.
Если надо,
в виде ада
человеку боль нужна.
Нужно, чтоб
до смертной бездны
душу потрясла она.
Не лечите все болезни, —
Человеку боль нужна!
Да не тронет
мертвый морфий
(Господи, вовек молю!)
исходящую от мертвых
фосфорную боль мою.

Распускается подснежник,
пробуждается любовь.
Непогода —
землю лечит,
человека —
лечит боль.

КОГДА РОДИНА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

Родина-мать зовет.

Плакат

Когда Родина выходит замуж,
рви учебники, паспорт сожги,
твой учитель,
твой
неуч-завуч —
сапоги.

Под помпезно-высокую заумь,
слышишь, Родина? —
видит Бог,
что ты вышла
удачно замуж —
за сапог.

Толстый отчим в лампасах, Янус,
узурпатор чужих мостов,
как бы скоро
не вышло
замуж
содержанье твоих мозгов.

Лучше сразу —
в помойную яму,
чем —
в свободную западню,
когда Родина,
выйдя замуж,
поклоняется Сапогу!
За какие грехи и шашни
в наказание суждено
повторять
Вавилонскую башню
из медалей и орденов.
Можно в джинсах витать и в замше,
в Сочи жить и работать в Инте,
только если
Родина —
замуж,
не обрящешь себя нигде.

Друг мой,
Родина вышла замуж!
Брат мой,
Родина вышла замуж!
Гамлет,
Родина
вышла
замуж!

ФОРЕЛЬ

Когда высокий горный голод,
железом жег живот и горло,
ты выручала нас, форель, —
спасибо участи твоей.

Спасибо участи твоей, —
мой голод оглашался ливнем,
а я все шел, пугливый, хилый,
перехитрить тебя, форель.

Два пальца ловко входят в жабры —
осанна вспененной реке!
Живой и жалкий, точно Чаплин,
стою я
с молнией в руке!
И вот довольный и усталый,
я в дрему ухожу,
а ты,
мертвея,
белыми глазами
глазеешь из сковороды.
Смотри же —
дома и в фойе
у баловницы неученой
мечусь я —
молнией в ручонке —
твоим подобием, форель!

Пусть современный Рафаэль
нас на холсте своем покажет
и тихо в год голодный скажет:
«Спасибо участи твоей!».
Спасибо участи твоей.

* * *

И.Д.

И завтра день горячим будет,
и подпалит вчерашний гнев,

и будешь злиться ты, как будто
бывает зло в огне.

Возьмем вина —
отраву — Еву —

и у Казанки, где обрыв,
«Как будто жизнь, качнувшись...»
влево
споем на свой мотив.

И будет небо общей кепкой
тебе и мне, в какой-то миг
увидю: до чего ты крепок,
пока я твой должник.

Заплачешь ты, что пропил имя,
тогда, ревнуя, точно зверь,
верней, чем я, тебя обнимет
сам белый свет.

* * *

Товарищи, сводные братья
забот моих, бед и досад,
мне хочется в горы обратно,
мне хочется в горы назад.
К высокому холоду — стону,
в ночное кипение звезд —
повыше поминок,
застоллий,
подальше от смеха и слез.

За то, что живу я, —
налоги,
за то, что родился, —
долги
отдам и обратной дорогой
навсегда уйду из долин.

С Днепра ли,
с Риони,
с Оки ли —
довольно! —
я видеть устал,
что все вы
совсем не такие,
какими я вас рисовал.

РУСТЕМ ЕНАЛЕЕВ

Родился в 1962 году в городе Балхаш (Казахстан). Окончил Казанский медицинский институт (1986). Работал врачом. Публиковался в журнале «Идель». Участник коллективного сборника поэзии «Казанская кают-компания» (Казань, 1991). Ушел из жизни в 2004 году.

* * *

Когда показалось, что рухнет
Созвездие мерзлых синиц, —
Связалась конструкция кухни,
Сложилась мозаика лиц.

В завьюженных сумерках детства,
В одну из бесхозных суббот
В стаканы смотрелось кокетство
Прилично одетых сирот.

И, кажется, все позабыли,
Теряя тепло и дома,
Какими жестокими были,
Какая по счету зима.

Бурлила нетрезвая смелость,
Искрилась веселая злость,
И будто домой не хотелось,
И как-то фатально пилось.

* * *

Хорошо бы мне стать продавцом,
Продавать прохожим мороженое:
Шел мужчина с холодным лицом,
От меня ушел — с размороженным.

Я бесплатно начну веселить
Грустных бабушек в темных окошках,
Будут дети ко мне приходить
С пятаками в потных ладошках.

СТАНЦИЯ

Ветер ночной на рассвете принес
В залы пустынные музыку леса,
Сладко зевая, растрепанный пес
Машет хвостом под зеленым навесом.

Наверняка все останется мне:
Капли дождя, тишина и овраги,
В маленьком сквере на мокрой скамье
Скомканный лист синеватой бумаги.

Прелые листья свернулись в клубок,
Пальцы рассеянно мнут сигарету,
Поздний сентябрь, словно третий звонок,
Дал отправление нашему лету.

И никогда не повеет на нас
Горьким дыханием угольной гари;
Трудно понять: для меня и сейчас
Светит твой маленький красный фонарик.

* * *

Изучать анатомию нервного срыва
Поручаю тебе, мой единственный друг.
Снова лодку качает на волнах прилива —
Мне приятен тобою очерченный круг.

Наши строчки — сплетения странных загадок,
Недосказан и хрупок их внутренний мир,
Но взыскательный критик пророчит упадок
И бесславный конец поэтических лир.

И опять на воздушных шарах наших мыслей
Поднимаемся в небо и падаем вниз,
Тщетно ищем в созвездии Здравого Смысла
Нелогичный Финал и Безумный Каприз...

РЕАНИМАЦИЯ

Реанимация — возвращение к жизни

вот поэтому
старая санитарка
знающая всему цену
жалеет умирающего

и это не та жалость
которая унижает
твердые руки
молодого хирурга
проницательный взгляд
философия романтики

и это не та мудрость
которая старит
тусклые глаза
ядовитое дыхание
запах крови
грязные простыни

но это не та грязь
которая пачкает

чувство врача и медсестры
ровное как пламя
газовой горелки
можно прибавить

но это не то
что нужно мне

хотя я плохо себя знаю

* * *

Оценив рассудком запоздалым
Жертвенность влюбленных мокрых глаз,
Обнаружив вдруг, что ты устала,
Я вернусь к тебе. Но не сейчас.

Только дни изрядно поистратив
На избитых жизнью перекрестках,
Брошусь в аромат знакомых платьев,
В откровенья девочки-подростка.

И, в холодных пальцах боль лаская,
Поклонюсь растоптанному праху,
Голову повинно опуская
На твои колени, как на плаху.

* * *

Фаянсовое блюдо на столе
Два яблока с помятыми боками
Холодный свет в сиреновом бокале
С причудливым узором на стекле

В окне этюд в асфальтовых тонах
Где сизый битум плавится на крышах
Твое лицо становится все тише
И замирает в пыльных зеркалах

Гроза над головами проходя
Рвет разговор на вымученной ноте
Кропя страницы в синем переплете
Прозрачной прозой теплого дождя

* * *

У расставаний свои преимущества —
Вдаль разбегаются сотни дорог,
Но сомневаешься: хватит ли мужества
Завтра шагнуть за привычный порог.

В поздних раскаяньях — вечная истина
Монастырей и замшелых крестов,
Ветер в развалинах башен воинственных
Нам объясняет беспомощность слов.

Всяким исканьям пределы положены,
Но не порвется незримая нить;
Ах, как нам хочется быть непохожими,
Веру в себя до конца сохранить...

В маленькой комнате сумрачным вечером
Снова душевный покой ощущать,
Тратить себя, становясь человечнее,
Глупо смеяться и мудро молчать.

Что же нам делать с ушедшими датами
(Полно страницы тех лет ворошить),
Или всю жизнь горевать над утратами,
Или сегодняшним днем дорожить?

СБОРЫ

Я пристроился в хвост уходящей колонны,
Заорал вместе с нею, гремя котелком,
Про солдатскую доблесть в часы обороны
И бескрайнюю степь за родным очагом.

Я за несколько дней стал сильнее и спокойней,
Научился без едкой улыбки смотреть
На игру поколенья, лишённого бойни,
На старанья юнцов, полирующих медь.

И теперь говорливого друга одерну,
Чтобы помнил, болтая о двух мировых:
Лебеда и полынь — для окопного дерна,
Полевые ромашки — для вечно живых.

БОРИС ЖЕЛЕЗНОВ

Родился в 1927 году в Житомире. Окончил Казанский юридический институт (1948). Профессор Казанского государственного университета, академик Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан. Член Союза писателей Республики Татарстан. Один из авторов Конституции Татарстана. Публиковался в российской и республиканской прессе. Автор поэтических книг «Первый снег» (Казань, 1958), «Свет в глазах» (Казань, 1960). Издательский редактор Антологии татарской поэзии (1957). Известен и как переводчик татарской поэзии. В 1959–1960 годы руководил литобъединением при Казанском музее А.М.Горького. Автор песен, которые исполнялись коллективами Олега Лундстрема и Эдди Рознера.

РАЗЛУКА

Мне с детства знакомо
дыханье вокзалов,
Плывущие толпы,
гудящие залы.
Там коротки встречи,
Там долги разлуки —
Дрожащие губы,
зовущие руки...
Разлука горька,
как дымок паровоза,
Разлука страшна,
как немая угроза.
Как черную нить,
по бескрайнему плесу
Разлуку разматывают
Колеса...
Когда-нибудь
Мы укротим расстоянья.
Когда-нибудь
Мы воспретим расставанья.
Мы сделаем так,
чтобы здесь,
на вокзалах

Я думал, проживем и без черемухи.
К чему цветы,
Ведь ты и так жена,
И так поймешь,
И так простишь мне промахи,
И без цветов останешься верна.
Но годы шли.
Не годы — непогоды
В краю, где солнце даже не вставало.
Ах, как же нам
В смурные эти годы
Самих себя недоставало!
Но вот, робея,
Будто на экзамене,
Однажды я принес тебе букет,
И полыхнули
Станным синим пламенем
Твои глаза, горячие, как бред!

Какое счастье —
Все начать сначала,
Чтоб снова ночь,
И снова соловьи!..
Чтоб нас любовь и в старости качала
На том пути к последнему причалу,
Где нет ни слез,
Ни жизни,
Ни любви.

НИКОЛАЙ ЗАВГОРОДНИЙ

Родился в 1946 году в Казани. Окончил Казанский химико-технологический техникум. Работал на кожзаводе. Автор-исполнитель самодетельной песни. Автор книги стихов «Коловорот» (Казань, 1995). Ушел из жизни в 1997 году.

* * *

На улице хмарь несусветная, Боже!
И дождь — целый день
Моет лица прохожим.
А квелия серость, излячкав листву,
Скоблит по душе,
Как ножом по стеклу.

МАРИНА ЗАРЕЦКАЯ

Родилась в Казани. Окончила Казанский финансово-экономический институт. Публиковалась в журнале «Идель», альманахе поэзии «Средиземье» (Кельн, 2003). Автор сборников поэзии «В стране грез» (Казань, 2000), «Кругом шестнадцать» (Казань, 2001). Живет в Кельне (Германия).

ПО МОТИВАМ ХАЙКУ

Есть радость тихая —
Срываешь плод
Граната.
Зрелость.

* * *

Тонкий запах увядших
Цветов.
На буфете сирень.
Будет дождь.

* * *

Окно вагона.
Мы простимся.
Уносит вдаль меня
Моя мечта.

* * *

Белый туман
Над вечерней рекой.
В сумерках лета
Печаль наплывает.

* * *

Сквозь желтый листопад
Гляжу на серый город.
О чем грустит цветок,
Поникший под дождем?

* * *

Я к подножию камня
Щекою прильну.
Где-то голос кукушкин
Стихает.

НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю, когда идет дождь,
а у меня нет зонта. Те, у кого он есть,
смотрят на тебя злорадно,
а ты ощущаешь себя мокрой курицей.
Я не люблю поздно возвращаться домой
и шарахаться от каждого звука
и любого мужчины. Ведь нас приучили видеть в каждом
потенциального бандита.
Я не люблю, когда мне в транспорте
наступают на ногу и нагло улыбаются,
глядя в глаза.
Я не люблю, когда под окнами
моей квартиры (вот уже три года подряд)
ставят машину. Ее сигнализация всегда
срабатывает в два часа ночи.
С недавних пор я разлюбила ходить
на концерты органной музыки.
Рядом всегда кто-то начинает разворачивать
шоколадку, фольга при этом звучит
оглушительно.
Я не люблю людей, у которых нет
чувства юмора.
Я не люблю, когда на первое свидание
мужчина «не успевает» купить цветы.
А еще я не люблю дохлых кошек,
обгоревших кнопок в лифте,
надписей «величия» (Здесь был...), старых анекдотов,
мыльных опер, бесконечной трепотни
по телефону, теплой минералки, медуз
и... запах зеленого лука.
НЕ ЛЮБЛЮ!
Да и не обязана. Все.

МАРК ЗАРЕЦКИЙ

Родился в 1937 году в Киеве в семье военного. Жил в Перемышле, в Азнакаево, в Москве, Черновцах, Новосибирске. Учился в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта. Работал плотником, токарем, подручным кузнеца, компрессорщиком, термистом. Окончив историко-филологический факультет Казанского педагогического института, преподавал. Член Союза писателей Республики Татарстан. С 1963 по 1992 — редактор художественной литературы Татарского книжного издательства. Публиковался в журналах «Новый мир», «Идель», «Татарстан», «Панорама». В 1987 году вышла книга стихотворений «Речь», в 1991 — «Азарт». С 1967 года вел Литературное объединение при музее А.М.Горького. Ушел из жизни в 2003 году.

ЛИНИИ

Выходишь к морю — и прощай, тщета,
И как бы море рядом ни рычало,
А горизонта ровная черта
Всегда в глаза бросается сначала.

Безмолвно дали дразнят и манят,
Но все ясней и ближе грохот боя,
И наконец приковывает взгляд
Изломанная линия прибора.

* * *

Видно, сильно девочка любила,
Если, в зенки глядячи измене,
Юная, беспомощная сила
В бабушкины плакала колени.

Вздрагивали внученькины плечи.
Молодость свою переживая,
Бабушка твердила: «Время лечит»,
Зная твердо: время убивает.

ТЕМНЫЙ ЛЕС

Азов не зная, как в ликбез,
Светясь лучинно,
Девчонка входит в темный лес,
Вдвоем с мужчиной.

Идет от солнечных лучей —
И до предела.
Она ничья, а быть ничьей —
Осточертело.

Мужчина — настоящий ас,
В любви прекрасен,
Влюблялся он последний раз
В девятом классе.

Стихийной нежности полна,
Трепещет птицей.
В его объятиях она
Себя боится.

Звучит противоречье рук,
Тоску дуэта
Подчеркивает дятла стук
Над ними где-то.

Спокойно кровушки попьет
Комар жестокий,
Который час, который год
Идут уроки.

Руками голыми гасил
Крыло юбчонки,
И не хватало дамских сил
Моей девчонке.

Кругами все пошло вокруг,
Но отчего же
Воскрес девятиклассник вдруг,
Мальчишка ожил?

И обнялись душа с душой,
А рядом страшно
Покоился костер чужой
Позавчерашний.

Не верят в ярком свете дня
На той полянке
В бессмертье жадного огня
Костра останки.

Но, канув в темный лес, живут,
Я не ошибся,
Тихонько приютились тут
Сиротки-клипсы.

И верю только чудесам,
Они без фальши,
А дальше что, не знаю сам,
А что же дальше?

А дальше — жизни темный лес,
Где все впервые,
И смерть — всему противовес,
А мы — живые.

* * *

Такая обычная сцена,
Наверное, просто назрела,
И двое рванулись из плена
Какого-то важного дела.

Чудесные руки Родена,
Прекрасная роза на льдине.

Стонало, божественно пело
Назло каждодневной рутине
Скрипичное женское тело
В чертовских руках Паганини.

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Удивился, словно
Только что постиг:
Дерево безмолвно,
Ветер безъязык.

Это изначально,
Только на черта
Дереву молчанье,
Ветру немота?

Надо посудачить, —
Хочется, увы,
До чего прозрачен
Шепоток листвы!

А поврозь издревле
Маются без слов
Статика деревьев,
Динамизм ветров.

Счастья в жизни этой
Нет, хоть волком вой,
Шляется по свету
Ветер гулевой.

Замерло и прочно,
Тоже не в раю,
Дерево за почву
Держится свою.

Кто кого сильнее?
Даже искалечь,
Ветер не сумеет
Дерево увлечь.

Кто кому дороже?
Трепеща, дрожа,
Дерево не сможет
Ветер удержать.

Их свиданья — войны,
Разных две судьбы
Связаны спокойной
Музыкой борьбы.

С некоторой спесью
Все-таки спешу
Вслушиваться в песню —
Листьевнятный шум.

Слабонервный смертный,
Слушаю в упор
Дерева и ветра
Вековечный спор.

От фатальной встречи
Их не уберечь...
Из противоречий
Возникает речь.

* * *

Не раскроет этой тайны
Всякий смертный, где уж там,
Дар напрасный, дар случайный
Бесконечно дорог нам.

Ах, какой счастливый случай,
Через полтора лет
Мчатся тучи, выются тучи,
Ямщика в помине нет.

Лунный лик глядит шаманно,
Безразлично, без огня
Сквозь волнистые туманы
На Армстронга и меня.

Жизнь — забавная игрушка
В лапах у добра и зла.
Выпьем с горя: где же кружка?
Неудобно из горла.

Жизнь достойна удивленья
Беспредельного, пока
Помню чудное мгновенье,
Пережившее века.

Да разве же дело в словах?
Но слово со словом сцепи:
Сердца матерей — в сыновьях,
А сердце сыновье — в степи.
Ковыльной волною века
Тихонько уходят, пока
Тоской и надеждой разлук
Пустой наполняется звук.
Спасибо, гудящий вокзал,
За то, что негромко сказал:
Ана кюнеле — балада,
Бала кюнеле — далада.
Выстукивают поезда,
Подмигивает звезда:
Ана кюнеле — балада,
Бала кюнеле — далада.
И в космос глухой впопыхах,
Как в песню чужую, вступи:
Сердца матерей — в сыновьях,
А сердце сыновье — в степи.

ЯСНО ВИЖУ

Ясно вижу, будто внове,
Где-то в детстве, под бельем,
Как под солнце проливное
Вышла женщина с бельем.

Вышла, богом не забыта,
Гениальность не тая,
Оснастить устои быта
Парусами бытия.

НЕЛЛИ ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Родилась в 1940 году в Бугульме. Окончила истфилфак Казанского государственного университета (1966). Участник коллективных сборников «Приметы века» (Казань, 1974), «Хлеб и розы» (Казань, 1978), «Горизонт» (Казань, 1988), «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Публиковалась в республиканской прессе.

Я ЖДУ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Я жду сегодняшнего дня,
Пусть что-нибудь со мной случится,
Уже свершенное —

свершится,

Захватит полностью меня.

И если это будет снег,
Пусть станет он светлей и чище,
Приду к тебе, скажу: «Дружище!
Пойдем, он падает для всех!»

И если это будет смех,
Пусть он откровенным будет...
Обычный день приходит к людям,
Чтоб на земле оставить след.

* * *

Как странно, что зимою — о зиме,
О бесконечной снежности мечтаю.
Снежинки прикасаются ко мне,
Я бережнее нежности — не знаю.
Как весело сплетаются следы
У легкого крыльца молодоженов,
Свет фонаря — как яркий свет звезды,
От их любви над крышею зажженный.

Спасибо, снег, что мимо не прошел
И мне январским утром повстречался.
Как грустно!
Как легко и хорошо
От снега. Света.
И чужого счастья.

* * *

Мне приласкать тебя нельзя,
Ты — сильный.
Как голубы твои глаза,
Как сини!
Мне приласкать нельзя тебя,
Ты — верный,
Другую женщину любя, наверное.
Но разговаривать с тобой
Украдкой
Так беспокойно, дорогой,
Так сладко!

* * *

Мы праздников не ждем.
Они у нас
При встрече возникают, как тропинки,
Когда кругом — безвылазная грязь,
А за тропинкой — первая травинка.
И первая березка тем светла,
Что почки приготовила к рождению...
И ты навстречу: «Здравствуй, как дела?»
Ну, как дела от щедрости весенней?
Когда и небеса как чудеса,
И вся земля тепла неуловимо.
И самые далекие леса
В глаза глядят и не проходят мимо.
И самые далекие ручьи
Приблизились, и детство возвращают.
И мы, любимые, — уже ничьи —
Берем в весне живительной начало.

С ТОБОЮ ВСТРЕТИТЬСЯ

С тобою встретиться. И вдруг
В который раз в тебя — влюбиться,
Как ключевой воды напиться,
Твоих родных коснувшись рук.
Тебя с дороги накормить,
Не отрывая глаз печальных.
По-матерински отмечая,
Как похудел ты. Позабыть
Необязательные ссоры
И обязательный разрыв...
О буднях напрочь позабыв,
Поверить праздникам веселым.
От одиночества устав,
От женской нежности — сдержаться.
Не подчиниться, не прижаться,
А уложить, как сына, спать.
И, плача легкими слезами,
Смотреть, как спишь ты, мой родной,
Рука по-детски — под щекой,
И как-то весь покорно замер...
И вдруг понять, пока ты спишь,
Что ты — единственный и лучший.
Любви своей святую сущность
Молчаньем только объяснишь.

БРУНО ЗЕРНИТ

Родился в 1914 году в селе Скриверово Рижского района Латвии. Учился в Московском литературном институте (1937–1939). Член Союза писателей СССР с 1935 года. Работал на Казанском льнокомбинате, в газете «Красная Татария». Участвовал в боях против белофиннов на Карельском перешейке. Автор поэтических книг «140 — встречный» (Казань, 1932), «Героика стройки» (Казань, 1939), «В бой за дело правое» (Казань, 1941), «Есть на Волге улес...», Поэма (Казань, 1949), «Песня на плахе», Поэма (Казань, 1957), «Зори вешние», Стихи (Казань, 1961) и др. Автор песен «Дальневосточная-артиллерийская», «Песня о Лазо» и других, положенных на музыку народным артистом СССР А.Александровым и надолго вошедших в репертуар Краснознаменного им. А.В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии. В двадцать лет был избран делегатом Первого Всесоюзного съезда писателей СССР. Известен и как переводчик татарской поэзии, автор очерков о героях Великой Отечественной войны, литературно-критических статей о произведениях татарских писателей. Ушел из жизни в 1960 году.

ВОЛГА И ЯНЦЫ

Слышал я, как над волною звонкой,
Чуть приникши к стройному дубку,
Славно пела русская девчонка
Про Янцзы — китайскую реку.

Той реки вовеки не видала —
Юный возраст надобно учесть.
Что же, не видала, да слыхала,
Что река такая в мире есть.

Солнце ранним светом расплескалось —
От зари не отводила глаз,
То ль, что пела, эхом отозвалось
Иль другая песня донеслась?

Может быть, вот так же спозаранку,
В час, когда еще царит покой,
Все поет о Волге китаянка
Над Янцзы — далекою рекой.

И душой согреты чудесной,
Как на крыльях, из конца в конец,
Кажется, летят над миром песни
Двух поющих рек и двух сердец.

ЭСТАФЕТА

Повеял ветер свежей ранью,
В зарю окрасился восток.
Взметнулось утро над Казанью,
Врываясь в каждый уголок

То щебетаньем звонкой птицы,
То шумным всплеском волн морских...
И ночь спешила расступиться,
Парней увидев заводских.

Их поутру ждала работа,
Под вечер — университет.
Тут кто-то окликал кого-то,
И бодрый слышался ответ.

И в звоне бронзы, с пьедестала,
Тот, кто «живее всех живых», —
Ульянов — юноша, казалось,
Глядел с улыбкою на них.

И я подумал: для полета
Им крылья партия дала,
И брать им новые высоты,
Вершить им новые дела.

О юность, полная стремлений,
Ты все возьмешь наверняка.
Сверкаешь ты, как день весенний,
Бурлишь, как горная река.

И у меня, что много старше,
Ты в срок назначенный была,
Да пронеслась в походном марше —
Метель дорогу замела.

Вопрос о возрасте опустим...
Я не годами юн, душой!
Я проводил тебя без грусти,
Но и без радости большой.

Да, появилась возмужалость,
И норма строгости дана.
Но, к сожалению, досталась
К сему в придаток седина.

Что ж горевать? Резон ли это?
О, юность деда и отца!
Тебя вперед, как эстафету,
Несут надежные сердца.

* * *

Морозной ночью, днем бодрящим
На много верст белым-бело:
Поля, луга, лесные чащи
Надолго снегом замело.

Родная ширь! Такой порою
Своеобразен твой наряд —
Ты вся в тиши, ты вся в покое,
Пока ветра не зашумят.

Неутомимая в работе,
Вступив на вахту до весны,
Зима идет в круговороте
То выюг, то ясной тишины.

ЕЕ ПРИМЕТЫ

Уж поле дышит снегом талым,
И точит лед в реке волна.
Но из примет весны, пожалуй,
Всех убедительней одна.

На стройках, фабриках и в школах
Ее встречаем каждый год.
Она в путевках комсомола,
Зовущих молодость вперед.

Она и в песне на перронах,
На части рвущей тишину,
И в переполненных вагонах,
Что держат путь на целину.

СЕРГЕЙ ЗОЛОТУССКИЙ

Родился в 1955 году в Аксубаево. Окончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Член Союза писателей Москвы. Работал рабочим археологической и геологической экспедиции, проводником, грузчиком, педагогом-организатором, оператором котельной, охранником, инкассатором, журналистом.

Публиковался в журналах «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Огонек». Автор сборников поэзии «Обожженное дерево» (Москва, 1992), «Соучастники и двойники» (Москва, 2002, посмертно). Ушел из жизни в 2002 году. Похоронен в Казани.

* * *

Я выходил из проходной,
Окончив труд, не то, что рад
— Я был свободен, шел домой.
Спокойно шел — я был женат.

А дома ждал накрытый стол
(Звенели вилки о стекло),
По телевизору — футбол,
А ночью — женское тепло.

Казалось, я несом рекой,
Рекою дней, ночей и лет,
Казалось, вот он, тот покой
Желанный... если счастья нет.

Но как-то рано поутру
С пути я обернулся вспять,
Мне захотелось на ветру
Подумать или постоять.

...Рвануло воздухом, взнесло,
Застыли на губах слова...
Я думал — шапку сорвало,
А покатилась — голова...

* * *

Поэт в России — больше не поэт.
Он не погибнет храбро на дуэли,
Не в лагере умрет — в своей постели,
И сам не встанет он под пистолет.

Где имена, деянья и грехи?
Пропали запрокинутые лица...
Не зарыдает юная девица,
Читая осиянные стихи.

Поэта нет — и нет у власти слов,
Так и у слова нет бывалой власти...
И нет любви, и доблести, и счастья
В стране поэтов и бунтовщиков.

Где ангелы, что были тут как тут?
Где бесы, что глядели из-за стенки?
Леса, дороги, нивы, деревеньки
И наяву, и в слове пропадут.

И над страной меркнет Божий свет,
И ликом опечалился Мессия:
Поэт в России — больше не поэт,
А без него Россия — не Россия.

* * *

Пропадаю, как трава в траве,
Растворяюсь, как в дожде дождинка,
Исчезаю, как в песке песчинка,
Как волна в нахлынувшей волне.

И не грустно, и не страшно мне:
Остается радуга — улыбка,
Остается песня — птичья скрипка
В предвечерней теплой тишине.

И от облака к реке наискосок
Луч и взгляд скользнули рикошетом
И ушли, рассеявшись при этом,
На уже темнеющий восток.

Чисто дышит летом оком,
Не сидите дома, не скучайте,
Вы гуляйте, пойте и играйте
В этом поле зрения моем.

НИКОЛАЙ ИВАНКОВ

*Рабочий одного из казанских предприятий.
Публиковался в газетах «Ленинец» и «Вечерняя Казань».*

* * *

Деревянная лопата
с жестяной оковою,
что-то ты тяжеловата —
оттого ль, что новая?

Оттого ль, что рукавицы
мне пока что велики,
снег пластами не ложится,
а летят одни комки.

А у деда — ровный кубик,
раз! — и, целенький, в сугроб.
То ли он дедуньку любит,
то ль в лопате что хитро.

Как столешница, огромна
рядом с маленькой моей...
С клена каркнула ворона:
«Подрастай скорей!»

* * *

Грязным боком к тишине прижавшись,
у подъезда дремлет грузовик.
До гусиной кожи наштававшись,
как соскучась, дождь к нему приник.

Запах будоражащий, могутный
оседает на асфальт, клубясь...
Верно, так же остро, неудобно
пах отец, с работы возвратясь.

* * *

Сухой, колючий, как репей по осени,
морозный ветер с реденьким снежком.
И свет фонарный, будто с легкой проседью.
Трамвая нет. А ехать далеко.

Притоп. Прихлоп. И кашель раздается.
Брюзга всю трамвайщиков костит.
А рельс — как бюрократ — не отзовется,
самодовольно, холодно блестит.

Приду домой. С тоскою, с неохотой...
Озябший, буду долго отпирать.
Поставлю чайник и поем чего-то.
Ведь нет тебя — колючки выдирать.

* * *

Игрушка, грузовик широколобый,
кабина красная, а кузов голубой.
Как покорежены мы оба! —
ты — малышом, а я — судьбой.

Я — сединой,
ты — ржавчиною взялся.
Но все же было счастье нам дано:
весна цвела, ребенок улыбался,
и женщина тревожилась в окно.

* * *

Хриповато ходики стучат,
бок горячей печки греет пятки.
Тетушки усталые храпят.
Деда исхудалые лопатки...

В детстве раннем рядом с дедом спал.
Он во сне твердил одно лишь слово.
Я его порою в бок толкал
боязливо, только слышал снова:
«Марька, Марька...» —
больше ничего.

Изредка детей помянет с болью...
Вспоминаю явственно его,
повстречавшись с трудною любовью.

* * *

Сегодня с самого утра
уже не холод, а прохлада.
Воды весенней веера
шумливо мечет автострада.

И на обочинах дорог
снега темнеют, увядают...
Я эту зиму превозмог,
как сон дурной превозмогают.

ВЛАДИМИР ИГНАТЮК

Родился в 1943 году в Казани. Окончил режиссерский факультет ВГИКа. Член Союза кинематографистов Республики Татарстан. Снял более пятидесяти документальных и научно-популярных фильмов. Публиковался в республиканской прессе, «Газете ПΟэзия». Ушел из жизни в 2004 году.

* * *

Когда на арфе расплетают косу,
И музыка в душе разбудит мужика,

И тени побегут собаками по осыпи —
Газета на волне,
Туман до потолка...

Попробуй откажись — твоя судьба
Решается,
Не слишком ли тепло нам в собственной
Золе?
— Одни счастливики гуляют по земле,
А остальные вовсе не рождаются!

* * *

Я выйду на фонарный круг,
он вырос, словно желтый груздь,
и я тихонько покружусь,
обняв руками этот круг.

Я выйду на фанерный круг,
за ним мой спуск тяжел и крут,
так пусть несет меня и вас
мой желтый вальс, собачий вальс...

* * *

Я приду к вам
и доверчивый и розовый,
Вы не смейтесь, к вам
придет один юродивый,
ну так пусть он посидит
у вас до вечера,
и запомните,
он притворяется доверчивым,
притворяется
и в брови смотрит искренне,
он вам врет,
как врет любая полуистина.

Как кленовый листик, на землю уроненный,
постучится в вашу дверь один юродивый.

* * *

Живу без наитий,
И мне все равно,
Что чаю напиться,
Что кануть на дно.

Увижу — мнуттся
Над плавной травой
Лохмотья медузы —
Не все ли равно...

И чайник ли клохчет,
Качает ли море
Распаренный в клочья
Ломтик лимона?

* * *

Обернулась разлука привычкой
И пошла, родимая, в рост.
Я к привычному месту привинчен
Расстоянием в тысячу верст.

Видно, боль куда-то девается
И со скрипом, не без труда,
Друг от друга отодвигаются
Наши души и города...

* * *

Ах эти пролетевшие года...
Приблизившись к растительному краю,
Я все, что было прожито тогда,
Лишь повторяю...

* * *

О Господи, ты дал мне эту боль,
Она прилипла мошкаррой на сетке,
И осязаемой становится любовь,
Как мел на пальце
Или след на стенке...

ИЛЬГИЗ КАЛИМУЛЛИН

Родился в 1929 году в деревне Больши-Балакчы Анастовского района Татарстана. Член Союза писателей СССР. Автор сборников поэзии «Вместе с вами, друзья» (Казань, 1956), «Простые радости» (Казань, 1963), «Солнце, влейся в песню» (Казань, 1966), «Дорога к людям» (Москва, 1978), «Верю в день восходящий» (Казань, 1983) и др. Ушел из жизни в 1989 году.

ДВА ВОЛГАРЯ

Над городом седые тучи плыли,
бросая тень на улочки его.
Два юных волгаря в нем жили-были,
не зная друг о друге ничего.
Шагнув из детства в совершеннолетье,
как по камням острым босиком,
науку жизни, как удары плетью,
он постигал всей кожей, всем горбом.
В пекарню шел, темноволосый, бледный,
в томящей духоте ее потел...
А белокурый в мастерской каретной
столярничал, в церковном хоре пел.
Примкнув к толпе на площади старинной,
он замирал всем чутким существом
у балагана, крытого холстиной,
плененный лицедейским колдовством.
Рукоплескал. Кричал актерам: «Браво!»
ломающимся басом молодым.
Чтоб сцены мира покорить, за славой
уйдет он из Суконной слободы.
В большой груди гнездящиеся песни
он людям понесет из края в край.
И парень, в ком рождался буреветник,
возьмет свой посох: «Ну, Казань, прощай!»
Хибары, колокольни, минареты
за их спинойрастают в синеве.
Навстречу взлетам звали в путь рассветы
твоих, о Волга, дивных сыновей!

Берет начало жизнь из борозды,
из колоса, отменно налитого.
Родится хлеб от солнца и воды,
от доброй соли пота трудового.

В минуты поэтической страды
из веры и любви рождается слово,
способное сиять лучом звезды,
гореть костром средь ветра ледяного.

Но для того, чтобы светить и греть,
чтоб зажигать кого-то животворно,
оно должно — как созревают зерна —
в душе поэта солнечно созреть.

И лишь тогда взойдет наверняка,
как хлеб насущный, — нужная строка.

ГЕННАДИЙ КАПРАНОВ

Родился в 1938 году в Казани. Окончил факультет иностранных языков Казанского государственного педагогического института. Работал учителем, рабочим. Публиковался в республиканской прессе, коллективных сборниках. Автор книги «Простые вещи» (Казань, 1991). Трагически погиб от удара молнии 25 июня 1985 года.

БЕЛАЯ МАГИЯ

Знаю: глупо, а не умно —
не семнадцать шалуну —
как лунатик — если лунно,
выхожу я под луну.

Полоненный полуночью,
как сомнамбула, без сна
все стою я под луною
и шепчу: луна... луна...

А вокруг все голо, лунно,
да и сам как голый весь,
словно где-то в Гонолулу,
в океане, а не здесь.

В белой магии обряда,
в лунном свете и в тиши,
весь залитый, весь объятый
половодием души...

ВАН ГОГ

Я завтра утром встану до семи
и нарисую круг моей семьи,
потом соседей — сколько захотят,
потом — их кошку и ее котят,
а после на чердак я поднимусь
и городом проснувшимся займусь,
и улицу затолпленную — с крыш
я напишу, как Писарро — Париж.

Потом пойду я к девушке одной
и попрошу тихонько: будь родной.
И, легкая, как птица, на подъем,
она мне скажет: «Ладно» — и пойдем.
И я ей из ромашек из-под ног
плету замысловатейший венок.

А дома — для уюта уголка —
я разожгу огонь из уголька.
И, чтобы никого не привлекать,
я стану в кровь перо мое макать
и запросто, как будто это тушь,
я сделаю прекраснейшую чушь!
Но это будет — чушь из дорогих...
И сяду ждать заказов от других.

* * *

В сущности даже коровье мычанье
людям во множество раз золотей,
чем, так сказать, золотое молчанье
так называемых умных людей.

Да процветает — кто малым поделится!
Скупость имущего — да разорит!
Дело умеющий делать — да делает!
Слово имеющий — да говорит!

ДОСТОЕВСКИЙ ИЛИ НА КРАЮ СВЕТА

Долго ключ искал я к этой теме.
Находил.

Бросал.

Искал другой.

Почему на нем такие тени?

Потому что свет на нем такой!

Поразила простота ответа:

просто —

верный долгу своему,

свет внося,

он уходил из света,

тьму осветит —

и вперед! —

во тьму!

МАМИНЫ СТИХИ

Нас четверо, и трое мы тихи,
и мамыны мы слушаем стихи.

А мама еще очень молода,
еще в пятидесятые года.

И мы еще малышки по годам,
и вот она стихи читает нам.

Не Лермонтова с Пушкиным, не чьи,
не чьи-нибудь, а именно свои.

Вся — слух, моя сестра восхищена,
и в маму она просто влюблена!

И непонятно — рад или не рад,
чуть криво усмехается мой брат...

«Ночь, мороз, и иней на ресницах...» —
ах, как эти строчки хороши
и —

«все осталось на страницах
дневника,
на дне души...»

МАМА

Мама смотрит на вещи строго:
счастье — дело, мол, наших рук;
и зачем мне друзей так много,
и зачем мне так много подруг,
и зачем я разутый-раздетый
и карман у меня пустой,
и зачем я живу вот с этой
и зачем не женюсь на той,
и зачем я хожу обросший
и слова мои часто грубы?..
«Ты бы мог бы, ведь ты хороший...»
Отвечаю я часто: «...бы!»
Что сказать? И не знаю прямо!
Что? Ну что? Хоть слезою брызнь!
Мама, мама, ах, мама, мама,
знаешь, это не я — а жизнь...

СИРЕНЬ

Сырые улицы! Сирень!
У всех полно сирени!
И сыро все. И чем сырей,
тем улицы синее!

Сирень! Сирень! Я пьян с нее!
Сирень — мое веселье!
Дай бог всю жизнь бы так сине,
сиренево, весенне!

И в час кончины — дай мне бог,
не музыки посмертной,
а чтобы был как первый вдох —
и выдох мой последний.

И чтобы гроб мой сквозь сирень
тащили веселее —
по той, которая сырей,
которая синее!

Ты очень маленькой была,
ты приближалась, приближалась,
а я шептал: какая жалость,
скорее, что ли, бы ты шла!

Ты шла и шла из темноты.
Я ждал. Как долго это было!
И вот — такая стала ты,
Что все и всех собой закрыла.

Ты подошла! Твое лицо
я различал уже легко.
Но все равно — какая жалость,
твое движенье продолжалось.
Вслед за тобою тьма сгущалась.
Она брала тебя, брала,
брала — вернуть не обещалась.
Ты шла и шла, и шла, и шла...

Ты уменьшалась, уменьшалась,
ты чуть видна уже была.
А я шептал: какая жалость,
потихе, что ли, бы ты шла.

СОН

Чем объяснить сновидение это? —
Будто без туфелек ты, а в чулках,
будто бы в гору, к университету,
я поднимался с тобой на руках.

С Астрономической нам открывалась
улица Ленина, окна, огни,
сквер Лобачевского. Ты целовалась.
Все было так, как в лучшие дни.

Вот уже полдень, и сон этот чуточку
начал растаивать в ярких лучах
зимнего дня. Но я все еще чувствую
легкую тяжесть твою на руках.

Я не бахвал, но нешто же
не вижу чепухи?
Конечно!
И конечно же,
люблю свои стихи,

Я из клубка их выпутал...
О, ночь одной строки!..
Иначе бы не выпустил
я их из-под руки.

Я не считаю дурнями
читателей моих.
И иногда я думаю
про мой удачный стих
с какой-то детской негой
в сердечном уголке:
пока такого не было
на русском языке.

И, если бы сквозь боль свою
я их не сочинял,
я сам бы с удовольствием
такое почитал.

СЕРГЕЙ КАРАСЕВ

Родился в 1953 году в поселке Урене Горьковской области. Окончил факультет журналистики Казанского государственного университета (1976). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор сборников поэзии «Переправа» (Горький, 1983) «Проселки» (Горький, 1987). «Ночные поезда» (Нижний Новгород, 1995). Лауреат областного литературного конкурса им. Бориса Корнилова (1973). Ушел из жизни в 1995 году.

* * *

Мир живет ожиданием бунта
С ликованием, кровью, гульбой.
Я живу ожиданием утра,
Ожиданием встречи с тобой.

Никакие герои эфира,
Что смакуют невинную кровь,
Не отнимут у брэнного мира
Неподвластную рифму — Любовь.

Может, стану я пушечным мясом,
Может, пуля достанет меня,
Но клянусь и Венерой, и Марсом
На излете тревожного дня,

И волною под цвет перламутра,
И звездой, и травинкой любой:
Я живу ожиданием утра,
Ожиданием встречи с тобой.

* * *

Морщины и седины все заметнее,
Но жизнь сильнее самых строгих дат.
Вот мы идем — почти сорокалетние,
Влюбленные, как двадцать лет назад.

Девчонка с прической цвета золота,
Нам так понятен юный скепсис твой!
Но тяжесть лет и все оковы опыта
Бессильны перед дерзостью земной.

Пусть рядом сплетни строятся шпалерами —
Попробуй нас теперь останови!
Я ль не смотрел глазами ошалелыми
На стариков, шалевших от любви?

Под лживое гадание кукушкино
Целую соль полузакрытых глаз,
Шепчу вздохнув, перевирая Пушкина,
И, черт возьми, уж он простил бы нас!

* * *

Курит женщина в тамбуре,
Не стесняясь, при всех.
А в вагоне, как в таборе,
Разговоры и смех.

Иронически морщится
Мой попутчик-сосед.
Мимо поезда рожица
Просвистела — и нет.

Окна тьмью завешены
И ни звука вдогон,
И не хочется женщине
Возвращаться в вагон.

Сигарета кончается
И она за другой
К белой сумочке тянется
Худощавой рукой.

В руку вколоты намертво,
Словно дьявольский шифр,
Шесть отчетливых лагерных
Фиолетовых цифр.

И, молчаньем навеянным
Озадачен всерьез,
Кто-то глянул растерянно,
Кто-то спичку поднес.

БАЛЛАДА О ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ФОТОГРАФЕ

Он снимал за пекарнею угол,
Он гулял среди вишен кривых,
А о чем в одиночестве думал —
Не касалось людей деловых.

Он возился на кухне ночами,
Изводил электричество зря,
И хозяйку пугал поначалу
Красный свет от его фонаря.

Дорожа не скупую копейкой,
Не стаканом вина для души,
Со своею трофеею «Лейкой»
Он на свадьбы и тризны спешил.

Там, где траурно трубы базили,
Там, где царствовал праздничный туш,
Он отыскивал душу России
Средь простых человеческих душ.

Не пустого тщеславия ради
Пленку он изводил до конца,
Если что-то заметит во взгляде,
Иль в улыбке, иль в складке лица.

Но листы фотографий готовых,
Полчаса по рукам походив,
Оседали в семейных альбомах
И в коробках с табличкой «Архив».

Так и умер, не признан, не понят,
Неудачник, подвижник, чудак,
Может, думал: когда-нибудь вспомнят
И оценят...

Да вышло не так.

Разметало житейское море
Атрибуты его ремесла.
И хозяйка квартирная вскоре
Весь «архив» на чердак отнесла.

Снимки там среди хлама и пыли
Пожелтели, смешались с трухой...
Вот и все.

Человека забыли.
А фотограф-то был неплохой!

КАЗАНЬ, УЛИЦА КУЙБЫШЕВА, 14

*Во флигеле этого дома
родился Ф.И.Шаляпин*

Был двор обсыпан цветом липовым.
Мы, в стороне от суеты,
Снимали угол у Филипповны,
Как три казанских сироты.

И нам казалось: это здорово!
Жилья родней найти нельзя,
Чем дом, во флигеле которого
Певец российский родился.

И наше славное пристанище —
Тот обжитой полуподвал —
Для песни, душу возвышающей,
Ни разу тесен не бывал.

А что не петь, когда мы молоды,
И воздух кипятково крут,
Когда красивые по городу
Девчонки весело идут.

Когда вся жизнь шумит и вертится,
Как в детстве флюгер жестяной,
Когда сегодня тайно верится
В любовь соседки за стеной.

Пусть не хватало песням удали,
Чтоб кверху взмыть из-под земли,
Да мы про это и не думали.
Мы просто пели.

Как могли!

В ДАЛЕКУЮ ЮНУЮ ПОРУ...

По-детски капризно набычен
Подернутый тучами вечер.
Мы рады, что он необычен.
Жалеем, что не бесконечен.

Мы слушаем, вздрогнуть не смея,
Под дождь и разгул листопада
Булата, Новеллу, Андрея,
Андрея, Новеллу, Булата.

...В далекую, юную пору
На сцене, окрашенной грубо,
Читали стихи гастролеры
В потемках районного клуба.

Как бывшая церковь молчала,
Шурша под скамьями кирзою,
В поселке, берущем начало
Примерно в конце мезозоя!..

Со временем сердце уймется,
Нас тронуть почти что и нечем...
Но пусть нам хотя бы зачтется,
Что в тот достопамятный вечер

Усвоить старались несмело
Как азбуку в детстве когда-то,
Булата, Андрея, Новеллу,
Новеллу, Андрея, Булата.

* * *

Я мало сделал добрых дел,
Беспечный ротозей,
Но денег сроду не жалел
Для женщин и друзей.
Я не жалел хороших книг
Для жадных дураков.
Мне били в сердце
детский крик
И слезы стариков.
За то, что в сумрачные дни
Я не был глух и слеп,
Со мной товарищи мои
Делили честно хлеб.

Нет, на меня не донесут,
Что слишком сладко ем.
И все ж достигнет
правый суд
За то, что был я нем.

* * *

Так надежнее —
вместе со всеми:
Ни вперед забежать, ни отстать.
Слишком поздно строптивное время
Нам позволило смелыми стать.

Наша юность бузила,
но все же
Вся истлела, не вспыхнув, она.
Уложить на прокрустово ложе
Нас умела родная страна.

Впрочем, подло порочить державу.
Здесь не место нелепой вражде.
Добываем бесславье и славу
Мы, достойные наших вождей.

Нет, иллюзиям давним не сбывься,
В легионе
не сбывься с ноги.
Одинокие гордые птицы
От земли далеки-далеки.

А она, как и прежде, сырая.
А могилы доселе — немые...
Правду всю — до предела, до края, —
Как ни горько,
расскажем не мы.

АЛЕНА КАРИМОВА

Родилась в 1976 году в г. Кызыл-Кия Ошской области. Окончила физфак Казанского государственного университета (1999). Училась в аспирантуре. Публиковалась в журналах «Идель», «Казань», «День и ночь». Автор поэтических книг «Над крышами» (Казань, 1999), «Водица в решете» (Казань, 2002). Редактор альманах-газеты «Литературный бульвар». Участник форумов молодых писателей России в Липках (2003, 2004).

ИЗ ЦИКЛА «КАТУНСКИЕ МОТИВЫ»

1

Что тебе рассказать про веселую речку Катунь?
Там водичка мутна, и шумят, потешаясь,
шиверы.
Там нужна не одна на команду, а восемь фортун,
Спасжилеты и каски — наивные символы веры.
Пить катунскую воду из бочек, роняя весло.
Может, ради таких вот восторгов
и стоит родиться.
А потом выгребай, чтоб в воронку
тебя не снесло,
И сто грамм за порог позади —
нерушимость традиций.
Возвращаются все на Катунь, потому что нельзя
Не вернуться, раз сердце, как в улове,
жить остается
Средь алтайских вершин,
где под утро дожди моросят,
А потом разгуляется, и появляется солнце.

2

Брызги водопада,
зайчик фотовспышки,
Узкая тропинка,
кустик обленихи.

Вон сбегает с горки
Анечка вприпрыжку —

У нее выходит
весело и лихо.
Новая на карте
появилась метка,
Стал синей на речку
мой уютный глобус.
Камешки на память,
лоскуток на ветку,
И в пейзаж алтайский —
голубой автобус.

3

Стыки рельсовые громкие,
За окном — поля, поля...
Кажется, что едешь кромкою,
Где кончается земля.

В проводах столбы, как елочки, —
Электрическая сеть.
Положи себя на полочку —
Так удобнее смотреть.

* * *

О Пятнице мечтает Робинзон,
не поддаваясь скуке четверга,
и в этом есть, наверное, резон,
покуда жизнь, как старая карга,
своим ворчаньем занимает слух.
Как ни крути, один поменьше двух.

Но мне другой вопрос мешает спать —
мне нужно знать, что обещает нуль,
куда летят подушка и кровать,
когда сознание падает ко сну.
Мне нужно знать, что значит ход конем
и сколько ласки в синей бороде.
Мне нужен стих, поскольку пользы в нем
не больше, чем водицы в решете,
Презрев извечный поиск середин,
мне нужно знать, что главное вовне.
Мне нужен космос, глобус и блондин.
А также занавески на окне.

ВОКЗАЛ

1

Статика вокзальных циферблатов
упрощает жизнь до жестких кресел
в неуютном зале ожидания.
Где-то рядом бродит мысль соседа,
зорко охраняя чемоданы
от небритой рожи, что нахально
раздевает взглядом киоскершу.
Как-то неестественно растянута
тот кусочек жизни между улиц
разных городов, который должен
кратким быть, как открыванье двери
(если в нем доискиваться сути).
В этом кресле ты случаен, словно
капелька воды из Ниагары
в кране на твоей родимой кухне.
Впрочем, все на вид гораздо проще:
нужно было поезда дожидаться.
И теперь, в компании подобных,
под брнчанье пьяных менестрелей
от какой-то неуемной грусти,
скрючившись, тревожно засыпаешь.

2

Как невтерпеж убраться из столетья,
Где тишины и в полночь не найти,
Чумазные, заплаканные дети
И нищие, и смерть на полпути.

По улицам чужая боль кружит —
Ты говоришь, сегодня сильный ветер?
Как хочется начать другую жизнь —
Тьма городов еще на белом свете.

Но не сдвигаюсь с места и смотрю,
Как голосит безвыходно и пьяно
Старуха, подвывая декабрю,
И память льется в грязные стаканы.

Все устают. Стоят автомобили.
И каждый не уверен даже в том,
Что до сих пор его не разлюбили.
И Бог молчит. И остывает дом.

* * *

Живи, свои голубые дали
оберегая.
Тебе одна сторона медали,
а мне — другая.

* * *

Брошенный город пылью — у ног...
Где гордецы, храмы и башни?
Горше не тот, кто одинок, плачет —
Тот, кто вчерашний.

* * *

Опасен путь. Безумно светит солнце.
Наполнен воздух запахом травы.
Мы смотрим прямо, два канатоходца,
И ноги знают больше головы.

ЕЛЕНА КАЦЮБА

Родилась в Каменске. Окончила отделение журналистики Казанского государственного университета (1968). Член Содружества Союзов писателей. Стихи публиковались в коллективных сборниках «Новые амазонки» (Москва, 1991), «ДООС» (Москва, 1993), журнале «Воум» (1993), хрестоматии «Зевгма», «Русская поэзия» (1994), альманахах «Петрополь» (1990), «Лабиринт-эксцентр» (1992). Живет в Москве.

* * *

Полнолуние
полнолуние
все уснули
все уснули

Только улицы-лучи
протянули пальцы

Тише-тише
не кричи
не пугайся

У луны глаза круглы
огибает свет углы
бейте свет косыми тенями
не смотрите так растерянно
надевайте
дурачки
антилунные очки.

МОЕ ИМЯ

Я слушаю имя свое, как чужое...
Мне кажется, будто мы с именем двое.
Я где-то внизу, а под облаком реет
Имя прохладное, снега белее.
Время стучало: Елена, Елена...
Рушились люди, падали стены,
Город метался, пьяный от крови, —
Гордая Троя в гневе и горе.
В царстве Аида ахиллы, аяксы.
Плачешь ты, плачешь, Елена Троянская.
Женщина — чудо, женщина — имя,
Сладко ли быть этой бойни причиной?
Я над обломками рухнувшей Трои
Рядом с тобой
Где-то внизу...
А под облаком реет
Имя прохладное, снега белее.

В ДОРОГЕ

Тянется, тянется, как струна,
Наш бесконечный поезд.
Смотрит и смотрит в окно луна,
Скачущая, как пони.
Смотрит и смотрит она в окно,
Дразнится ликом древним.
И бегут и складываются в одно
Дерево.
Все деревья.

* * *

Две розы вянут на столе в стакане,
Две чайных розы, желтых, как японки,
Стареющие в домике бумажном.
А солнце поднимается все выше.
И стекла тают от его тепла,
Как леденцы на языке ребенка.

В твоём окне висит луна
 Совсем другая.
 И в поздний вечер тишина
 Совсем другая.
 Из крана капает вода
 Не так, как дома.
 Пью лимонад с кусочком льда.
 Зубы ломит.

КЛУБ

Тайные участницы клуба
 носят в сумках клубки,
 искушая спицами спутников
 по поездкам подземным.
 В середине ладони перетекает сфера,
 вязальщицы сверяют «ц-ц-ц» спиц
 и пальцев,
 социума и цинизма.
 А в середине мотка зародыш жизни
 кормится червячками «ч-ч» чулок
 и перчаток,
 распяленных в подземельях,
 где взвизгивают колеса,
 высекая с-к-р искр из скрежета
 и скрипучее ре дверей
 выпускает ру рук,
 скрученных уже рукавом супружества.
 Стянуты бантом Н жених и невеста,
 сопряжены пряжкой Ж муж и жена.
 От Н к Ж — мостик нежности,
 лесенка-желание к домику жизнь.
 — Что это ты, бабушка, прядешь?
 — Нить жизни нижу.
 — Что это ты, мама, измеряешь?
 — Ее протяженность.
 — А что это девочка с ножницами бежит?
 — Пир открывать пора!

МЯЧ

Руки вибрируют, образуя арку и свод.
Первая Мария видит вторую в зеркале рук.
Рот и брови в раме — кармин и мрак.
Мария и три и четыре — прозрачные
створки ворот.

Пятая Мария — купол и крест.

Шестая, смеясь,
роняет с небес
мяч.

Мяч скачет назад-вперед,
ванна Марата «Авророй» прошла Неву,
первый красный Корде-балет
ада-да-адажио черных дул,
трио в переходе — рикошет от стен —
Токарев — Макаров — Кармен.
Мяч скачет вперед — назад,
па-де-де Калашников и Арманд,
синие мигалки кромсают мрак —
то уа-уа- кушерки Перовской пятый теракт.
Мяч скачет, теряя вес...

Мария седьмая
его поймает,
склоняясь с небес,
рукавом оботрет грязь — кровь — крик

и вернется внутрь рая,
двери прикрыв.

* * *

Пир — это R ,
умноженное на R —
половина длины окружности.
Чтобы круг замкнулся,
нужно $2R$:
пир внутри и снаружи,
пир крови и кожи.
Пиру — пир!

Здесь выпустят вас из
кожи, уже сожженной.
Здесь освободят вас
от двояковогнутой линзы,
окрашенных железом,

заменяя Ж жизни на Ц свинца
цвета непроницания.
Здесь развяжут вязь вен,
распутают паутину нервов,
смогают волокна мышц,
спрядут кудель мозга,
скрутят в клубок, пронзят серебряной
спицей,
три пряжи – вязальщицы, три сестрицы,
тайные участницы клуба,
хранительницы клубка,
направляющие спицами
спутники вокруг планет...

А что будет потом там,
каждый узнает один –
сам.

АЛЕКСАНДРА КАШИНА

Родилась в 1986 году в Казани. Студентка ГИСБИ. Публиковалась в республиканской прессе. Участник десяти коллективных поэтических сборников. Лауреат более десяти республиканских и всероссийских конкурсов и фестивалей, в том числе Всероссийского фестиваля искусств. Лауреат Международной премии «Филантроп» (2004).

* * *

Чушь собачья — не стихи,
Потому что я — собака!
Отпущу себе грехи,
Стих слизав у Пастернака.
Лермонтовски погрузу,
Пушкиным позабавляюсь.
Говоря — себя ищу,
Даже если ошибаюсь.
Блок поймет мою печаль,
А Есенин невлюбленность.
И меня они простят
За такую беззаконность —
Чушь собачью, не стихи,
Потому что я — собака.
Отпущу себе грехи
И забуду Пастернака.

* * *

Ты жил зачем-то где-то и когда-то,
А может, и не жил совсем на свете.
Ты — правда зыбкая и зыбкая неправда,
А может, солнце ты, а может, ветер.
В тебя не стану верить и не верить,
И принимать, как есть, тебя не стану.
Зайду в загадочный и бесполезный скверик,
Но не пойму секретов мироздания.
И не хочу я понимать твоих секретов,
А может, не твоих секретов вовсе...
Ах, мне бы сладко затянуться сигаретой.
И напроситься к незнакомцу в гости!

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

Родился в 1942 году в Щербакове (ныне Рыбинск) Ярославской области. Окончил истфилфак Казанского государственного университета (1965). Кандидат филологических наук. Работал на кафедре русской литературы Московского Литературного института им. А.М.Горького. В 1986 году отстранен от преподавания по требованию КГБ. С 1990 года — литературный обозреватель газеты «Известия». Член Ассоциации русских поэтов Франции, Содружества Союзов писателей. Автор ряда поэтических книг. Главный редактор «Газеты ПООэзия».

КОЛОКОЛ

Колокол не должен быть тяжелым.
Должен он, как выдох или вдох,
Прикасасться к небу звуком голым
Невесомей ангельских весов.
Колокол не должен легким быть.
Должен он, как сердце, быть тяжелым.
Должен он упруго в ребра бить,
Наполняясь отдаленным гулом.
В нем живут умерших голоса.
Потому так чисто, отрешенно
Должен он то рваться в небеса,
То на землю падать многотонно.
Отдается в нем громов раскат,
И звенит он отдаленным ветром.
Должен он то плавиться в закат,
То алеть предутренним рассветом.
Тише сердце... Так легко в груди,
Словно сам поднялся над собою.
Тоньше, тоньше, колокол, гуди,
Наполняясь вечной синевою.

Есть на свете страна мировой печали,
там тоскливые мамонты качают гибкие ветви,
там на гибких ветках печальные обезьяны
из стеблей лиан вяжут мамонтам

гибкие петли.

Я пришел из эпохи великой людской печали,
я ходил со слонами по диким лесам разлуки.
И меня обезьяны как маленького качали
на ветвях тоски, на ветвях мировой печали.
Видишь, милая, у меня совсем голубая кожа,
по губам моим стекает небесный сок,
ты взяла мою голову, эти слезы,
слезы мамонта падают на песок.

Обезьяньи морды усыпали гибкие ветки.
Я сказал тебе — это просто глупые рожи.
Ничего подобного, милая.
Это просто печальный ветер.

Он пришел и ушел, он придет опять,

ну и что же.

Просто есть страна мировой печали.
Я молчу, я, любимая, больше не буду.
Это просто мамонты прокричали,
Но ведь их все равно не услышат люди.

ЯБЛОКО

Червонный червь заката
путь проточил в воздушном яблоке
и яблоко упало.
Тьма путей
прочерченных червем
все поглотила
как яблоко — Адам.
То яблоко
вкусившее Адама
теперь внутри себя содержит дерево
а дерево
вкусившее Адама
горчит плодами —
их вкусил Адам.
Но
для червя одно —
Адам и яблоко и дерево.

На их скрещенье червь восьмерки пишет
червь
вывернувшись наизнанку чревом
в себя вмещает
яблоко и древо.

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

В мире полуденного солнца идей
падают спелые вишни,
там доброта очерствела от воровства,
и ворота светлого празднества
разверзлись.
Луна — больная дочка, отхожее место
света.

Нет меня ни в ком и ни в чем.
Это временно, временно, безвременно.

Зеленый прах смиренно улетает
на сизых крыльях сумрачного дня.
Сегодня нет меня: нигде и ни в чем
нет меня на дереве конном,
нет меня в плоскостях, в печатях.
Только пролетающий мимо бог
уронил ночное крыло.

Как больно ударил гром.
Как беспозвоночно уползла ночь.

Небеса еще согревают ночь
продрогшую до изморози звезд,
только рисунок пустой ладони
говорит о последней смерти.
Легионер судьбы

Легионер судьбы я знаю слово
которым разверзается судьба
в основе слова некая основа
похожая на слово «голытьба»
легионер срывается в атаку
пока в нем пуля новая живет
так Одиссей спешит в свою Итаку
так клетки поглощают кислород
судьба над ним висит как гроб пророка
или над мясником окорока
он чист

в нем как в невесте нет порока
как нет в отечестве пророка–мясника
легионер судьбы хватает пламя
потом свободу за душу берет
он реет как милиция над нами
он как Орфей вступает в лабиринт
в том лабиринте нет громоотвода
зато в нем есть свобода от судьбы
когда «с улыбкой ясною природа
сквозь сон встречает утро»
голытьбы.

КВАДРАТ МАЛЕВИЧА

Оброненная фольга
в мертвом воздухе звенит
свой затейливый повтор
повторяет сладкий звук
свет ночной намолочен
резко сдвинута ночь как комод
и от пыльного лунного света
остался квадрат под комодом
манит теплою лунною пылью
квадрат несмываемый никем и ничем
не вмещающая обтекает тебя комод
как рог изобилия сыплет квадрат вещами
в отсутствующей вещи
намного больше вещей
из него выпадает ночь
и прозрачная пыльная луна
извлечена
как корень
сладко ноет корень молочных зубов
луны
вот и вылетел пыльный мотылек
осыпая пол пылью
квадрат приподнялся вспорхнул
и улетел
оставляя тень квадрата.

ТРАПЕЦИЯ

Я к трапеции прикоснулся и она улетела
а потом
я соприкоснулся
с небесным трепетом
так душа летела
а тело пело
и вот трапециевидный Цефей
пронес нас
сквозь низ
и веер вер — верх
миг зависания неопишум.
Так игла парит над хребтами звука
так плывет корабль по звуковым волнам
утопает в буре Бетховена
так Шенберг преобразен в зыбь и дрожь.
О Господи, пошли мне иглу
ныне уплывающую за горизонт звука земли
плывущего над горами
трапециевидный звук распростерт над нами
им несомые
и мы невесомые
будем продолжены
иже еси Дебюсси — Равель на ухабах Баха.

* * *

Так плывут кувшинки по воде,
Так плывут по небу стаи птиц,
Как творятся строки о тебе:
Звуки, взгляды, шепоты ресниц.
Заклинанье тихо сотворю,
Чтоб навек тебя заморозить,
И тихонько окна затворю,
Чтоб с тобой в одном пространстве жить.

ВЛАДИМИР КИНОСЬЯН

Родился в 1936 году в Анате. Окончил Казанский авиационный институт (1961). Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии Гуманитарных Наук, заведующий кафедрой философии Казанской государственной архитектурно-строительной академии. Автор книги стихов «Строфы четыре измерения» (Казань, 1996).

* * *

Хочется осмыслить нечто
 больше своей души,
Больше доступного воображению,
Больше самого сокровенного,
Без чего уже нет жизни.
Хочется почувствовать больше,
 чем дает мозг,
Больше, чем дает тело,
Больше, чем дают мириады миров,
Больше бесконечности и прерывности,
И это в стихе передать,
Намекнуть,
Не заклатьем,
А естественной мерой
Любви и признаний другим.

* * *

Из формул, из схем,
 из металла,
Из камня, из пепла
 — начала.
Из каменных сот,
 из орбит,
Из жизни, из смерти
 — зенит,

Дарованного в ночь

вдохновенья

Расплатой, распятем,

прозреньем,

Дарованного не мистикой чаш,

Не тайной языческого подсознанья,

Отпущенного ласковой кривизной луча,

И гордостью выработанного знанья.

Не потревожу музыку — сон листвы,

В небо как в сердце, в мозг свой вслушаюсь...

Ликуй, вдохновенье, опять взорви

Преграды обыденного и сущего.

* * *

Мой милый друг,

Не лгут ветра,

Не лгут ни птицы,

ни деревья,

Их умудренная игра

Так достоверна.

Мой милый друг,

На листьях слов,

На шелестящих

крыльях мыслей

Так рассыпает небосвод

Доверчивый до боли бисер!

И облаком клубится грусть,

И взгляд себя повсюду видит,

И плещется молчанья куст

На глинистом куске обиды...

Мой милый друг,

Закат, рассвет,

Жизнь, смерть —

о как все это можно

Найти в себе как свой же след,

Как пыльный листик

подорожника.

* * *

Ах, как это мило —
Легкая усмешка,
И улыбок крылья
С кровью вперемешку.
Ах, как это сладко —
Эхо всех признаний,
И гудит тетрадка
Болью расстояний.
Ах, как это чудно —
Синяя тревога,
Вызволяют губы
Откровенья Бога.
О, как неизбывно,
Как безмерно это —
Тех речей шуточных
Горькие приметы.

* * *

Я зарекался — не мучить себя,
Тебя не тревожить
ни взглядом, ни словом,
Но кажется снова бессильной борьба,
Ты снишься мне снова,
ты снишься мне снова.
Я доводы сердцу опять привожу,
До боли ищу осознанья простого,
Тебя не ищу и тебе не пишу,
Но только ты снишься,
ты снишься мне снова.
Так кровно встречаются судьбы порою —
В глубинах глубин
и души, и сознанья,
Стихией, загадкой и смыслом со мною
Тебя вопрошенье, тебя ожиданье.
И годы уже в этих
чутких приметах,
Наверное не узаконят иного —
В туманном звучании ветра и света
Ты снишься мне снова,
Ты снишься мне снова.

НАДЕЖДА

Ночь обнажает грудь
Белой луной,
И каждое утро — младенец
В чистом белье надежд.
Как долго я был скован,
Поля мои были пустыни,
Небо склонялось все ниже
Над ропотом ожиданий.
Мертвыми птицами ветер
Время сметал мне в память,
Вспышки улыбок дрожали
Странными миражами.
Плыли линии инея
Холодным наброском комьев,
У шедшего не было имени,
У жившего не было дома.

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ

Родился в 1968 году в Казани. Окончил юрфак Казанского государственного университета (1992). Работает юристом в арбитражном суде Республики Татарстан. Публиковался в журнале «Квадратное колесо».

* * *

Вот день прошел, — какая жалость.
Как лбом прошиб его насквозь,
Прожил, и к вечеру остались:
Одна любовь, одна усталость
И я один, как тихий гость,
Что за столом не засидится.
Уснет на жестком топчане,
Вспорхнет под утро, как синица,
Пока безмолвствует столица,
И растворится, как во сне.

* * *

Бризантные скверы нежатся йогой.
Вы говорите на эсперанто?
Наступит мгновение, этой дорогой
Люди придут неземного таланта.
Хотите ли выпить немного пива?
Ранней весной темное лучше.
Руки деревьев нетерпеливо
Трогают неба мягкие уши.
Может быть?... Нет? Ну, как угодно.
Ах, вы совсем ничего не хотите.
Март, этот выкормыш всенародный,
Синим зародышем плавает в спирте.
Нет, не снимайте тонких перчаток,
Чтоб отогреть его хилое тельце —
Профестивалил лета задаток,
Вот и прикидывается погорельцем.

* * *

Синий, абсолютно синий
Август месяц в середине,
В апогее, в сердце, в пике.
Губы синие в чернике,
Синь в просветах облаков,
Синева стальных оков
Железнодорожных линий
И в букете васильков.

* * *

Все кончается весной,
Слезы катятся стеклярусом.
В небесах над головой
Облаков пылает парусник.

Между небом и тобой
Появилось расстояние.
Ты становишься другой,
Холоднее и обманнее.

Сердце залито водой,
Но еще тихонько светится.
Над полярною звездой
Святовит плывет на месяце.

С легкой удочкой в руках
Над земными берегинями
Ходят карпы в облаках
И зовут его по имени.

* * *

У Бога есть своя забота:
Сплетенье судеб в кружева,
И чтобы без заминки шла
Машина времени — Природа.
И в Азнакаевской мечети,
И в церкви Спаса на Крови,
Чем тяжелее жить на свете,
Тем невозможней без любви.

* * *

Воскресенье дождливое, вербное.
Серый ослик. Иерусалим.
Кто-то едет. На праздник, наверное.
И толпа поспешает за ним.

Все галдят и кричат и волнуются,
А в глаза лезет кухонный дым,
И плывет над запруженной улицей
Ощущение близкой беды.

Может быть, ничего и не сбудется.
На плечо мне склонила легко
Свою голову милая спутница,
И до пятницы так далеко.

* * *

Сегодня умер холодильник.
Он проработал много лет.
Кормилец был и собутыльник.
И вот его на свете нет.

Он знал все памятные даты
Моей семьи, моей страны.
Как кто-то уходил в солдаты,
Как приходил домой с войны.

А он стоял все эти годы.
Работал, не жалея сил.
И тем любезен был народу,
Что под героя не косил.

РОЗА КОЖЕВНИКОВА-БАУБЕКОВА

Родилась на станции Дельта Астраханской области. После школы по комсомольской путевке строила Нижнекамск. Училась на отделении журналистики Казанского государственного университета, а затем окончила Литературный институт им. А.М.Горького в Москве. И опять Казань: редакции газет, лит- драма телевидения. Сейчас — заместитель главного редактора двуязычного журнала «Идель». Автор книг лирики и детских стихов: «Гроздь рябины» (Казань, 1985), «Зимний дождик» (Казань, 1988), «Два голоса» (Казань, 1990), «Меж светом и тьмой» (Казань, 2000). Известна и как переводчик татарской поэзии, прозы и драматургии на русский с языка оригинала, а также автор песен. Член Союза писателей России и Татарстана, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, «Женщина года-2000», лауреат Литературной премии им. А.М.Горького (2003).

МАМЕ

Тают годы — ничем не помочь.
Прибывает печалей паводок.
Свету вешнему вроде и рада бы,
Но, увы, надвигается ночь.
Не последний ли это снег? —
Постучится в виски отчаянье.
И обидеть легко нечаянно
Душу, в коей сгустился век.
Целый век и нужды, и утрат.
Утешаясь за ближних молитвами,
Средь мирской суеты по наитию
Устремляешь к Всевышнему взгляд.
Тают годы — ничем не помочь.
Тают силы — растут уже правнуки...
Так прекрасны земные радуги! —
Отступи же, помедли, ночь.

Мы одного с тобою поля ягода:
 Предвидя горько обреченность загодя,
 Летим неудержимо на огонь —
 Столь прозрачен он — не согреть ладонь.

В воображенье вызвать пламя снова
 То ль жестом, то ли взглядом, то ли словом.
 Какое сумасбродство — жечь сердца,
 Когда рябины холод у лица.

Жалки, увы, исклеванные кисти.
 Сентябрь дождями серыми неистов.
 Твердят уныло: до весны б дожить.
 Аллаха ради, ну зачем, скажи?

* * *

Твое услышать имя
 И взгляд запомнить твой,
 В волненье полдень зимний
 Вообразить весной.
 Терзаться и метаться,
 Когда рукой подать.
 Одуматься, остаться.
 Не жить —
 существовать.

* * *

Я «российский индеец»...

М. Львов

Тупая от века вражда
 К чужому по крови и масти.
 Ребенком затравленным ждать
 За нацпринадлежность напастей...
 Теперь, через множество лет,
 В душе ворохнется досада, —
 Пускай и не застит весь свет,
 Но болью нелепою саднит.
 И сердцем, убей, не понять,
 И разум не внемлет усталый:
 Бросавшая камни в меня
 Подругою лучшею стала.

* * *

Опять весна — совсем как прежде,
А мы разлукой, как межой,
Разделены на две надежды,
И город этот — как чужой.

И тщетно клеить, что разбито
Неосторожною рукой.
Но вечно сердцу с болью биться,
Едва услышу голос твой.

Все безысходней, горше вера
В твою дарованность судьбой.
Все безнадежнее потеря.
Все невозвратнее любовь...

* * *

Памяти Г.Капранова

Не зная живого, узнать после смерти
И душу чужую меж строк воскресить...
С небес неприкаянным горестным ветром
Слетает она среди живых погрузить,
Потрогать листву и взглянуть на закаты,
И летним отрадным оплакать дождем
Невечных сестер и невечных собратьев,
Свой век коротающих в мире земном...

* * *

У каждого — свой миг удачи,
У каждого — свой звездный час...
Моли, чтоб он был не утрачен,
Живи, пока он не угас!

* * *

Кому это надо?
Зачем это надо? —
Когда на задворках культуры награда
Тебя «осчастливит» в той нищенской нише,
В которой останешься тем же ты нищим!..

* * *

Друзей с годами меньше все и меньше.
Они остались в дальнем далеке.
Сияют во Вселенной звездной бреши.
И я уйду из мира налегке.

Ну а потом что станется,
поверьте, —
Пожалуй, правда в этом есть своя,
Что интересней буду... после смерти,
И то коли окажутся друзья...

* * *

Душа каждый день в ожидании чуда,
Хоть в жизни не все столь и гладко.
Травинка любая, природы причуда, —
Зеленая в мире загадка.

В ладонях я желтые листья сжимаю,
Они так теплы среди сосен...
Чтоб вспомнить однажды дыхание мая,
Нужна человеку и осень!..

МОЛИТВА

«Бисмилла иррахман иррахим...»
С этой магией фразы туманной
Засыпают в блаженном обмане, —
Только б верить, что кем-то храним.
По ночам и слепым, и глухим,
Когда хвори меня обступали,
Мама зыбку качала в печали:
«Бисмилла иррахман иррахим...»
Заклинанье из глуби веков
Сколько губ под луною шептало,
И над горем и счастьем витало
Столь напевное таинство слов.
И, не веруя силам иным,
Все же молвишь порой по наитью
Этот древний зачин у молитвы:
«Бисмилла иррахман иррахим!..»

И потихоньку мы стареем.
И мы становимся мудрее.
Или за мудрость принимаем
Лень сердца, мягко говоря, —
Удобнее безумства мая
Предать покою октября!
И мы становимся мудрее...
Все жестче судим, меньше верим.
Нам городской кирпичный терем
Дороже рая в шалаше.
И ближних как-то меньше ценим,
И забываем о душе... —

Да потрясет ее смятенье!

ДВА СЕРДЦА

Два одиноких сердца в сентябре,
Две птицы расставанья на заре.
Луны осенней серебрится свет,
Холодный предрекая снег да снег.

Два одиноких сердца — это ты
И я в преддверье затяжной зимы.
Завяли лета яркие цветы,
Молчим, молчим, растерянные, мы.

Два сердца одиноких навсегда.
Над нами не горит уже звезда.
Над нами тень свершившейся судьбы,
Звезды до срока отпылавшей пыль.

ЖИЗНЬ

Вечность позади.
Вечность впереди.
И язычок свечи —
В центре.

К СЕИТОВКЕ

Из «Астраханского цикла»

Святылище безвестных добрых воинов —
Сеитовка, для местных — Сеитляр.
Под небесами блеклыми и знойными
Когда-то здесь звучала речь хазар.
Паслись стада за Ахтубой, Бузаном,
И процветал могучий каганат.
И погребальные росли курганы
Тысячелетья гулкие подряд.
Сарматы, половцы, аланы...
В объятых вечности останки их.
И носятся песчаные бураны
Далеким эхом среди нас, живых.
Средь нас, кто рабски суете подвержен,
Средь нас, почти не помнящих родства,
Живущих, как на шутовском манеже,
Не ведая бесславного конца.
Спустя века какой-то археолог,
Надгробья наши отыскав в песке,
Наткнется на хаос головоломок
На странном, ложном полуязыке.

АНАТОЛИЙ КОЛЕСНИКОВ

Окончил биофак Казанского государственного университета (1940). Кандидат биологических наук. Участник Великой Отечественной войны. Работал на кафедре зоологии Казанского государственного университета, в Институте моря (Одесса). Участник альманаха «Родина» (Казань, 1940). Автор книги стихотворений. Погиб в морской экспедиции в 70-е годы.

* * *

Весенним солнцем обогреты,
В турнирах бьются воробьи.
По мостовой бегут ручьи,
И из растрепанной газеты
Мальчишки ладят корабли.

Я слышу звонкий смех капели,
В снегу подтаявшем тону,
Смотрю на солнце, на весну,
На подогретую апрелем
Мою веселую страну.

И я хочу бродить поэтом,
Хочу, подобно воробью,
Страдать за милую свою,
Хочу кораблик из газеты
Пускать по звонкому ручью.

* * *

Соленый ветер океана
Тебя на подвиги не звал.
Напев скрипучего баяна
Тебя зовет в гремящий зал.

И плеск волны, что льдины гложет,
Тебе не скажет ничего, —
Фокстрота плеск тебе дороже,
Тебе милее плач танго.

Разлет бровей от краски черен,
на краску губ твоих смотрю,
И даже в легком разговоре
Я запах краски узнаю.

И ногти тонкие кровавы,
Но кровь бесцветна, как вода.
Каким химическим составом
Отравлены твои года?

Какая пошленькая песня
Тебя баюкала во сне?
Тебя считают «интересной»,
Но ты неинтересна мне.

Я знаю девушку другую.
Туда пойдет со мной она,
Где мчатся ветры, торжествуя,
Где о борта стучит волна,

Где звездный свет дрожит на льдине,
Где стыннут робкие сердца,
Где миром властвует единый
Полярный сумрак без конца.

Не страшен ей в ночном тумане
Внезапный треск и грохот льда.
От вспышек северных сияний
Она не дрогнет никогда.

Я вижу: темная громада
Валов над нами взнесена,
Но не дрожит со мною рядом
Моя подруга и жена.

На шлюпке маленькой и старой
Ее улыбка расцвела,
И волны рвутся под ударом
Ее тяжелого весла.

А ты танцуй в гремящем зале,
Губами алыми мани —
Ведь в дальний путь тебя не звали
Большой Медведицы огни.

В ПОЛЕ

Смотри — какое море хлеба!
И поле желтое слегка
Волной захлестывает небо
И заливают облака.

Давай посмотрим —
Как в прибое
Идет могучая волна,
Как вольно в небо голубое
Плеснется, желтая, она.

Конца не видно в этом море,
Нигде не видно островка,
И за одной другая вскоре
Волна закроет облака.

АЛЕКСЕЙ КОМЛЕВ

Родился в Йошкар-Оле. Окончил Казанский государственный медицинский университет (2002). Работает врачом-кардиологом. Публиковался в журнале «Идель», альманахах поэзии литобъединения Казанского медицинского университета «Белая ворона». Автор поэтического сборника «Двадцать четыре часа без любви» (Йошкар-Ола, 2004).

* * *

Я люблю этот Город за то, чего нет у него,
Чего не было в нем и чего, я надеюсь, не будет:
Бесконечного бега, стремления мимо всего,
Безрассудного дерби вдоль улиц, вдоль взглядов,
вдоль судеб.

А возможно, за то, что бываю восторженно рад
Не спеша и без цели пройти по вечерним бульварам,
По зеленому драпу аллей, как лет десять назад,
И тогда этот Город мне кажется добрым и старым.

Иногда забываю, люблю я его или нет,
Среди новых влюбленностей и восхищений,
и сует,
Но ко мне возвращается нежность из прожитых лет,
Когда детство мое этот Город, как память, рисует.

Когда женщины Города могут читать между строк,
Когда взгляд твой и каждый твой вздох
удивительно дорог,
И когда я иду по асфальтовой коже дорог
И хочу закричать, я, наверно, люблю этот Город.

Я люблю этот привкус горчащий ушедшего дня,
Когда в два часа ночи мы только садимся за ужин.
Я люблю этот Город, который живет без меня,
Но во мне, и которому я, слава Богу, не нужен.

СЕРГЕЙ КОРЫЧЕВ

Родился в 1967 году в Измаиле Одесской области, жил в Иркутске. Окончил Кировоградское высшее летное училище (1988), штурман самолета ТУ-154. Работал в авиакомпании «Байкал», в настоящее время — в казанской авиакомпании «Татнефтьэеро». Автор более 200 песен. Лауреат многих фестивалей бардовской песни. Автор сборника стихов «Меж музыкой и бездной слов» (Москва, 2000).

* * *

Покуда не поздно, светлы наши слезы,
Поплачем за общим столом,
И — ради забавы — покурим отравы
И песен отравы хлебнем.

Тяжелые ставни откроем и станем
Протяжно кричать в пустоту, —
Как днем из колодца, — и сердце споткнется,
И солоно станет во рту.

Покуда, голубы, не выбиты зубы,
Безбедны, бессмертны пока, —
Прощаться не надо. Сладка моя правда,
Да песня моя коротка.

* * *

Мальчик мой кудрявый, знающий так много,
Подойди к окошку, раствори окошко.
От сирени пьяный, посмотри на звезды,
Пей вино и слушай музыку молчанья.
Как испуг, как счастье, вдруг пронижет землю
Стекловатый голос скрипки похотливой,
И ему ответят с высоты небесной —
Мерный скрип кровати и горячий шепот.

Мальчик мой несчастный, знающий так много,
Плакавший так часто, думавший так трудно,
Растворяясь в звездах, помни о великом,
И не бойся смерти — любящий бессмертен.
Засыпай, взлетая, и во сне тревожься,
Тонкими руками обнимая скрипку.
Пусть тебе откроют и глаза, и душу
Матовые блики, шорохи Вселенной.

КОНСТАНТИН КОШКАРЕВ

Преподавал на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета в 70-е годы. Ушел из жизни в 2003 году.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

На колокольчики в наряде синем
Гляжу, дивясь их синеве.
Как будто небо синее России,
Упав, разбилось здесь в траве.

Трава лесов, ее здесь не косили,
И колокольчики стоят, как на часах,
И тихий звон по всей России
Царит в задумчивых лесах.

Быть может, это Китеж славный,
В лесах укрытый от врагов,
По всей Руси разносит плавно
Весть о бессмертье городов.

Все может быть. И нам не даром
Все звоны тихие слышны.
Мы помним, как в огне пожаров,
В тревожных зревах войны,

Когда с Европы и с Востока
На нас сходились тучи зла,
Тревожно, тяжело и жестоко
Будили Русь колокола.

Как над полями и лесами
Колоколов торжественная медь
Звала живых с мечом и топорами
За Русь пойти и умереть.

ЕЛЕНА КРАЙНОВА

Родилась в 1958 году в Казани. Окончила филфак Казанского государственного университета (1980). Работала в городских газетах, на радио «Казань», «Ностальжи», в телекомпании «Канал шесть». Публиковалась в республиканской прессе.

ТЕБЕ

Ты называл меня королевой,
Но почему-то снежной...
А у меня дымилась артерия
От нерастраченной нежности.

* * *

И запрокинуто лицо,
И в сладостном полете тело.
Судьба и рок здесь ни при чем —
Сама я этого хотела.

И рук желанное кольцо
Сжимает все сильнее и строже.
Когда осилен рубикон,
Никто нам помешать не может.

Но стрелки сделали свой круг,
И в буднях растворилась нежность.
Как аксиома, неизбежность —
Разъятие любимых рук.

* * *

Листья легли на землю.
«К дождю» не ложится рифма.
И мы в своем одиночестве
Идем по дороге к осени.

СЕРГЕЙ КУДРЯШОВ

Родился в 1964 году в Казани. Публиковался в журналах «Идель», «Квадратное колесо». Автор сборника стихов «Теория непостоянства» (Казань, 2001). Живет в Верхнем Услоне.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

1

Я весь немного не в себе.
Бесспорно, часть меня снаружи:
с полуулыбкой на губе
она, разбрызгивая лужи,

бредет куда-то, не скажу
куда, зачем и кем ведома.
А если дома я сижу,
то у меня не все и дома.

2

А мы у жизни пополам
со смертью занимаем, долго
о том не ведая, и нам
не говорят о сумме долга.

Когда в глазах померкнет свет,
мы расположимся в ограде,
оставив лишь короткий след
в какой-то долговой тетради.

3

Я короб лет своих несу
медведем в сказке без печали.
Вот половина за плечами,
и я, как водится, в лесу.

Слегка прореженном. Рассудка
расстройство или живота —
Но голова уже не та,
И... и... и где-то кричет утка.

4

А я летаю в облачках,
незримой властью облеченный,
а я брожу, как кот ученый
гм... в позолоченных очках.

Хотя я в смысле самом узком
не стану сказочным котом,
вот сказочка о новом русском:
«Златая цепь на дубе том...»

5

Чем дальше в лес, тем больше бит.
Как хворост, копятся обиды.
Все, что касается обид,
не упускается из виду.

Как хорошо быть молодым:
кричали, спорили, курили,
глотали ссоры едкий дым,
а разошлись — и всё забыли.

6

Как славный гость гробовщика —
им упокоенные кости —
гремя цезурою, строка
ко мне вчера явилась в гости.

Кричала: все тебя учить!
Уж думаю о топоре я!
Но, хоть убей, я отличить
не в силах ямба от хоря.

7

А музам Запада сухим,
но не лишенным, в общем, шарма,
подобно всадникам лихим,
не обойти границы жанра.

В ладонях прятанной свечи
и закаленной на морозе,
лишь русской музе по плечу
роман в стихах, поэма в прозе...

8

Итак, куда еще грустней:
в деревне я, семья — в Казани.
И вот знакомый — мне: семьей
на прочность держите экзамен?

Держу. Готовлю и хожу
по магазинам, и при этом
на верность укажу... Дрожу,
что провалюсь по всем предметам.

РУСТЕМ КУТУЙ

Родился в 1936 году в Казани. Окончил истфак Казанского государственного университета (1960). Член Союза писателей Республики Татарстан. Первая книга рассказов — «Мальчишки» (Казань, 1961). Первая книга стихов — «Я иду по земле» (Казань, 1962). Автор более 40 книг. В антологии приводятся стихи конца пятидесятих годов.

* * *

Детство,
останься березой,
ягодой,
вскриком птицы.

Не войной грозной,
не ромбиком на петлице.

Останься
сказками Андерсена,
чистописанием.

Не домом без адреса,
не слезами.

Останься
прозрачной далью.
Не пробитой медалью.

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Вносила в горячий дом
морозом засахаренные
простыни,
и пахло льдом
от платья простенького.
В ребрах корыта
вздувалась пена,
вскидывала лапы.

Ты почему-то пела,
а мне хотелось плакать.
От страху ли,
может, от голоду,
может, от желтой свечи.

А ты поднимала голову, —
слушала, — ветер свистит,
падает будто сослепу,
в окна руками бьет.
Словно косматые сосны,
по стенам развешанное белье.

Тенями косилась комната,
точно и в ней война.
Мне показалась омутом
черная тишина.

А ты все пела и мяла
в корыте крутом белье,
будто боялась, мама,
пена застынет в лед.
Воском свеча оплывала,
как пот с лица.

...Не знал я,
что мать скрывала
песнею смерть отца.

ДЕРЗОСТЬ

Навыдумают про меня,
подсластят,
поджелчат —
будто я променял
сердце на жемчуг,
будто я,

как король
из сказки, голый
иду на потеху
восторженной голи.
Глядите,
вот он какой «ряженный»,
в голове короной заряженный...
Захихикают, слюнками истекая,
оботрутся моими стихами,
наденут шляпы-горшки
и побегут шажки
к женам,
к креслам,
к радостям воскресным.
Стойте!
Вы — дробы
с числителями
и знаменателями.
Вы — короли на троне
с коронами обязательными.
А я не считаю потери,
плевки,
дрязги.
Мне б в души ворваться Тереком
и стать Везувия праздником.
Хотите,
радугу с неба
сниму пояском,
хотите,
пройду по снегу
босиком,
рельсы свяжу узлами
тугих разлук,
выпью глазами
ромашковый луг,
приду в изголовье
болью
из синего окна,
как с засухой поле,
и лесом — тишина.
А вы так удобно ходите,
шажки стелете,
как старенькие ходики...

Я к вам врываюсь Тереком!

СЛОВА

Слова тяжелы,
слова весомы...
Одни — как чины,
другие — как совесть;
одни только грим,
чтоб красивей профиль,
другие —
сердце,
бьющее кровью,
в иных глубина
синих далей
воскресла,
в других — глубина
опрятного кресла,
одни гремят
с губ
водопадами,
другие —
грудью
на дзоты падают,
одни,
как товар,
под шумиху проданный,
другие —
честно и просто —
Родина.

РАДОСТЬ

Я полон стихами.
Я радуюсь свету,
упругому камню
и крепкому ветру;
что бьется платок
и девчонка смеется;
что много дорог
под ногами прольется,
совется в клубок
у березовой рощи.
Я нынче как бог.
Босоног,
и на ощупь
по солнцу иду,
запеваю, как птица,
ловлю на лету

целый мир
и в ресницы
по капле вбираю —
и весь он во мне.
Я — чаша до края,
я весь в глубине.
Я травы сплетаю
в поля и луга.
Я в небо взлетаю,
плыву в облаках
к березовой роще
по солнцу на ощупь,
где бьется платок
и девчонка смеется,
где нету дорог —
только небо и солнце.

* * *

Листья,
листья...
Повсюду листья,
точно разбросаны
шкурки лисьи,
точно и улиц-то
нету вовсе —
только
шуршащие
шорохи осени,
точно вошел
Левитан мазками
в каждую пору
и каждый камень,
точно вот-вот,
на ветру ссутулясь,
Чехов с тростью
появится в улице...
Грач исступленно
кричит с рассвета,
словно жалеет,
что ссушено лето —
ищет на листьях
сгоревшие весны,
крылья раскинув,
как хлопкие весла.

ПОЭТЫ

Мы выходили,
ранние,
светлые,
как сирень,
сорванная с ветками —
вся из завязи
без лепестков.
Мы были завистью
без стихов.
Мы пили небо,
как воду пьют,
летели в непогодь,
как на юг.
Но землю пройди,
обойди,
промеряй-ка!
А нам хотелось
открыть Америку,
открыть, как калитку
с тоненьким скрипом,
качались,
вцепившись
в вагонные поручни;
хотели разбиться,
как с гор ручьи.
Романтики
с узкими тетрадками
хотели взбежать
на моря по трапу,
хотели славы
глоток упругий,
счастья,
как мозолей на руки.
Стихи закладывали,
как порох.
Желаний загадывали
ворох.
В почтовые ящики
бросали конверты.
Ныряли ящерицей
за ветром —
нам снились стихи
в журналах,
как горы Урала.
А мир был прост,
как стакан воды.

А мир был сложен,
как катакомбы.
Стелился по травам
росный дым.
В Алжире падали бомбы.

* * *

Если осень — паутина,
если осень — писк утиный,
перелеты,
грустно-грустно,
под ногою ветка с хрустом,
воздух искренен и чист,
на ладони желтый лист...
Ну, а мне, скажи,
на счастье ль
или на беду, —
мне жар-птицей
билась в чаше
осень на ветру.
Я ловил ее за крылья —
ускользала,
только лист,
как перо
в руке открытой,
искренен и чист.

ОЛЬГА ЛЕВАДНАЯ

Родилась в 1958 году в г. Сумы (Украина). Окончила Казанский индустриальный педагогический техникум (1978). Член Союза писателей Республики Татарстан. Публиковалась в республиканской прессе. Участник коллективных сборников «Казанская кают-компания» (Казань, 1991), «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор книг «В ожидании снега живу» (Казань, 1992), «Пройти заколдованный круг» (Казань, 1998), «В свободном падении вверх» (Казань, 2003), «Вблизи от нашего прошлого» (Казань, 2003).

РАССВЕТ

Утро. Тепло и спокойно.
Полуоткрыто окно.
Вольно или невольно
что-то мне свыше дано.

Я узнаю себя в детях,
оберегаю приют.
Слышу: в зеленых мечетях
райские птицы поют.

РОМАНС

Я к тебе, дорогой, привыкаю,
словно дерево, в камень врастаю.
И мне страшно прожить без тебя,
не любимой тобой, не любя.

Я еще, дорогой мой, живая!
Умираю, тебя обнимая.
Вот и мертвое дерево — я...
Как же ты? Как же ты — без меня?

СТАРАЯ КВАРТИРА

Все та же старая квартира
с заснувшей дверью в коридоре,
с несмелыми шагами света,
промокшего в дождливый полдень.

Все та же старая квартира
и отсыревшие обои,
и ветер тонкими руками
сквозь щели тянется за шторой.

Все та же старая квартира,
в которой я жила когда-то,
в которой жить еще я буду,
в которой не умру ни разу.

ДВА АИСТА

С вареньем пьем остывший чай,
в уставшее глядим окно.
Счастливый кружится февраль,
а нам с тобою все равно.

И в одинокой пустоте
мы будем засыпать вдвоем.
...Разбитый термос на столе,
два белых аиста на нем.

РАДОСТЬ

Ты косточка —
я вишенка.

Ты веточка —
я дерево.

Ты капелька —
я облако.

Ты радость,
а я — мама.

* * *

Душа не терпит многословья дней.
По ту и эту сторону мы — люди.
То ненавидим, то безумно любим,
а уходя, становимся сильней.

Не вейте гнезда в тоненьких ветвях,
не жгите чувства на кострах печали.
И если я о чем-то умолчала,
то видит Бог, что только не в стихах.

* * *

Пусть говорят, что мир меняет краски
и будущее где-то за горой;
пусть говорят, что все дано от Бога,
а я просить не стану ни о чем.

Уже не так мечтаю я, как прежде,
уже не снятся птицы по ночам;
уже ищу свой дом на пепелище,
уже стихи читаю о былом.

ПРОСТИ

Как сложно говорить: прости!
И превращать печали в радость.
На уготованном пути
любить и молодость, и старость.

Читая «Книгу Перемен»,
пытаюсь оправдать страданья.
Не легче жизни мой удел.
Не легче смерти расставанья.

ЖЕНЩИНА

Что в этой женщине такого,
что невозможно разгадать?
Такая сила — быть слабее,
такая мудрость — слыть глупей.

Сложить перед полетом руки,
как два надломленных крыла,
и ощутить полет, быть может,
в момент паденья своего.

ФОНАРИК

Никого не замечая,
дождь идет почти осенний,
простудившийся на небе,
ослабевший на земле.

А я — маленький фонарик,
зацепившийся за ветку,
посмотреть боюсь на город
через черное стекло.

ДОРОГА ДОМОЙ

Зажмурились почки
от яркого света,
и тянутся строчки
до самого лета.

И время крадется
за нами по шпалам.
Не все удастся:
Я просто устала.

БЕСЕДКА

Не суди меня так строго,
одинокая беседка.
Я тянусь к тебе сквозь щели,
словно сорная трава.

Неужели все забыли,
что беседка — для беседы...
Только лунная дорожка
пробирается к тебе.

АНДРЕЙ ЛИЗУНОВ

Родился в 1967 году. Учился в Казанском государственном медицинском институте. Публиковался в журнале «Казань».

* * *

Я вырос на дальнем, чужом берегу,
И в жилах нездешняя кровь,
Но я напишу на холодном снегу
Горячее слово Любовь.

И, может быть, слезы растопят лед,
А прочего не успеть,
И ночью ко мне незаметно придет
Спокойное слово Смерть.

Не будет иначе, чем быть должно,
Я умер, не жди меня,
И людям немного, увы, дано
Невидимого огня.

Я умер, да только понять не могу,
Зачем среди стольких нужд
Стоял человек на пустом берегу,
Ведь берег тот людям чужд.

И бросить бы горсть золотых монет,
И птицам немного крох,
Но тянется нищее слово Поэт
К бессмертному слову Бог.

* * *

Есть улицы, дома, ступеньки,
Звонки, таблички, тусклый свет,
Ключи, квартиры, книги, деньги,
Лишь музыки на свете нет.

На свете есть тоска, тревога,
Бессилие — под старость лет.
Еще бы музыки немного,
Но... музыки на свете нет.

Есть все, чего душе угодно,
Что льстит и сердцу, и уму.
И только музыка — свободна
И не привыкла ко всему...

АЛЕКСЕЙ ЛЯЛИН

*Один из авторов коллективного сборника «Слово молодым»
(Казань, 1969).*

ДЫМАРЬ

На память дед оставил нам дымарь
И уважение к цветам и пчелам.
Сосновых пней торжественную гарь
Мы любим все. Но только не учел он,
Что наша жизнь привьется в городах,
Где ульев нет среди домов высоких,
Где лишь во сне мы видим иногда
И клевера, и пчельники, и соты.
Но мы гордимся старым дымарем:
Ведь нашим предком был не просто кто-то,
А человек, что был для пчел царем,
И дань ему они копили в сотах.
И пусть дымарь совсем уже остыл,
И не курится больше дым сосновый,
Но я хотел бы, чтоб и ты цветы
И пчел любил, мой сын белоголовый.

ИРИНА МАВРИНА

Родилась в 1966 году в Казани. Окончила факультет журналистики Казанского государственного университета (1995). Работала в Государственном музее, газетах Казани. Публиковалась в журналах «Казань», «Идель», республиканской прессе.

ДВА НАСТРОЕНИЯ

После радости недолгой
сразу наступает грусть
с укороченною челкой,
губы-бантики.
И пусть!
После радости мгновенной
наступает сразу
грусть.
И вот так
попеременно.
Разреветься я боюсь.

* * *

И были мне мои года
как наказание.
Я старше тебя, мальчик,
да!
Об этом знаю я.

И были мне мои года
такой обузой.
Взрослей тебя я мальчик,
да!
Сошлись мы вкусами?!

МАРАТ МАЛИКОВ

Родился в 1955 году в Свердловской области. Работает монтажником на стройке. Публиковался в газете «Вечерняя Казань».

* * *

В каком-то страстном исступленье,
Заполнив пустоты объем,
Танцуют призрачные тени
В обнимку с ночью над костром.

Свободные сгорают звезды.
Свободны звук и тишина...
А жизнь моя — цепная проза —
К тебе прикована она.

ВОСТОЧНЫЙ ЭПИЗОД

С бархана на бархан пересыпает
Пустыня время скучное свое.
Сквозь миражи мгновений проступает
Событий раскаленных острие.

Здесь снова по соломинке инстинкта
Над пропастью идут, держась за нить,
Натянутую, словно паутинка...
Чтоб крайности в одно соединить.

Здесь вечное развеяно мгновенье,
Отсчет ведут песочные часы.
Здесь благородство — спутник преступленья,
Ума и мудрости здесь шаткие веса.

«ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»

Возносят скалы величаво
Дворец над праздностью причала —
На сером белой башни круг,
Былых времен витает звук.

Незримых струн хитросплетенье —
Творца и мастера творенье.
Заложен в камне сердца стук,
Сплав радости и горьких мук.

Прямая линия. Овальность.
Здесь путь от замысла в реальность.
Гнездо души, ее венец,
Палящий в воздухе дворец.

Здесь ограждения кружевные,
Бойницы броско-расписные.
Дозорной башни острие,
Как в прошлом рыцаря копьё.

В стихии вольного простора
Шумит взволнованное море.
Вскипая, пенится волна...
Глядит восторженно луна.

СЕРГЕЙ МАЛЬШЕВ

Родился в 1950 году в Казани. Окончил мехмат Казанского государственного университета (1972). Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор книг «Листья памяти» (Казань, 1984), «Все на свете интересно» (Казань, 1986), «Утренние трамваи» (Казань, 1987), «Ночной разговор» (Казань, 1991), «Точка отсчета» (Казань, 2000), «Что-то полосатое» (Казань, 2003). Известен и как переводчик татарской поэзии. Редактор отдела поэзии журнала «Идель». Лауреат Литературной премии им. Г. Державина (2001). Заслуженный работник культуры Республики Татарстан.

ПОД ЛУНОЙ

На громады домов и чугуна мостовых
полагаться опасно:
над Казанью луна, как державинский стих,
тяжела и прекрасна.

И Казань под луной ненадежно легка,
хороша и невечна.
И мгновенья легко переходят в века,
а века быстротечны.

Августейшая ночь в миллионы веков,
где под грохот трамвая
только тень тишины колыхнется легко,
вдалеке замирая.

Где в квартире друзей раздается звонок:
— Вы меня извините.
Над Казанью луна. Я совсем одинок.
Что-нибудь измените.

МАДРИГАЛ

Девочка-ниточка,
вдетая в тряпочки,
что вы вся светитесь,
или вы лампочка?

Вы затмеваете
свечи и светочей,
девочка-ниточка,
девочка-веточка.

Даже печальные
тени вечерние
нынче охвачены
вашим свечением.

Город прoderнула
молнией-ленточкой
девочка-ниточка,
девочка-веточка.

Тени качаются,
свет не кончается,
молния светится,
не выключается.

ПАХНЕТ ТОПОЛЕМ

Ночь кончается прогулкой
в утро гулкое вдвоем —
по крутому переулку,
освеженному дождем.

Все, что нам сказать бы надо,
слышим без обиняков
в тишине такой богатой
от звучания шагов.

Пахнет тополем, и жалко,
что рассвет разводит нас.
Но душа — как на рыбалке —
отдыхает в этот час.

Ночь кончается под сводом
редких крон и проводов —
чтобы стать за поворотом
частью прожитых годов.

Под простыми небесами
о судьбе тужить не след.
Все, что было, — было с нами,
и другого счастья нет.

Стук шагов наполнил русло,
освеженное дождем.
Пахнет тополем, и грустно
знать, что набело живем.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛИТОБЪЕДИНЕНИИ

Когда в стихах я стал невеждой,
искал секреты ремесла,
к музею Горького с надеждой
влачил беспрокие крыла.

В миру — насмешка без утайки:
«А где на блажь твою диплом?».
Но расцветала наша стайка
среди реликвий под стеклом.

С тех пор цитаты из Тушновой,
Шаляпин с удалью в лице
горчат и возвращают снова
дым разговоров на крыльце.

Где все — таланты, но пока что
толпой не поняты, зато
над почвою приподнят каждый
ревнивой похвалой лито.

Но слезы капали по-детски,
клоками в урну падал ямб,
когда кипучий Мрак Зверецкий
из пушек бил по воробьям.

Луца закрученные строки,
разя беспомощность в упор,
он представлял собой жестокий,
вполне естественный отбор.

Нигде не учат на поэтов,
им каждый — ментор и судья.
Трезвеют многие, отведав
разнообразного битья.

Ужасно материться втуне,
глотать обиды скипидар,
но душу, хрупкую летунью,
обязан ставить под удар.

И не сломаться, и в окошко —
«прощайте, други!» — не сигать,
а дальше выбранной дорожкой
годами трудными шагать.

Ее дурман, он, слава богу,
ни с чем на свете не сравним.
Все кажется: еще немного —
и станет ремеслом твоим.

СТАРИК

Себя и других не жалевший,
судьбою откованный так,
чтоб рухнуть звездой ошалевшей
в любой из смертельных атак.

Гуляка, рубака, калека,
занудливый язва-старик, —
он прожил три четверти века,
но жить по-людски не привык.

Стуча допотопным протезом,
он лез и в загул, и в скандал.
Душе было тошно и тесно,
а что с ней поделать — не знал.

Да сгинул бы, плевое дело,
раз каждое дело — табак!
Не то чтобы жить надоело,
пожить бы, да как-то не так.

За что мы так дорого платим,
какую же лютую ложь
латаем — заплате к заплате?
Да разве ж такое поймешь...

За что мы все время внакладе?
Как вечная память о ком
чернеет река на закате
под страшным нездешним огнем?

Да это ж пустые вопросы...
Но легче ли мне оттого.
Я чувствую теплые слезы
на жесткой щетине его.

Охладеваю. Редко мне теперь
заняты люди или же события.
Не замкнута замызанная дверь,
но за стекло ее не выйти.
Мертвеет речь. Любая роль уже
играется не то чтоб хладнокровно,
но чувствуешь рельсы тусклые в душе:
здесь — поворот, там — потемней, но ровно.

Диковинный мерещится покой:
охладевая на земных дорогах,
я превращаюсь в камень, но такой,
что помнит о былых тревогах.
Лежать в траве, в грязи ли — все равно
молчать и помнить, что мгновенье было,
когда я с миром не жил заодно, —
но оттомило, было да уплыло.

Жизнь обучает уменью прощать.
Сложно ли вовремя нрав укрощать,
не горячась, уходить от скандала, —
так, чтобы гордость твоя не страдала?

Это же проще простого — смолчать
за бесполезностью криком кричать.
Дверью не хлопнув, вернее решаешь:
или прощаешься, или прощаешь.

Трудно забыть, а прощать — ерунда...
Жестко терпимости учат года,
каждым разрывом науку простую
в душу вбирают — и все-то впустую.

Снова и снова мы с ближним своим
словно на скользком карнизе стоим.
Мерзость творимого чувствуя сами,
яростно бьем по живому словами.

Со мной этот город умрет, это небо и липы,
ни звука, ни блика
не сыщется в пригоршне праха.
Рассыплется нечто, где точкою —
миг невеликий,
но прежде — униженно плакать
от боли и страха.

И логики нет в череде,
в кутерьме воспаленной,
и разве так можно бездарно,
как будто впервые...
Но все-таки листья березы ли, тополя, клена.
А все-таки листья, опавшие или живые.

И в действе, еще повторяю,
не чувствуя смысла,
поверить пытаюсь,
да только напрасно усердые...
А все-таки липы.
Вгляжусь в этот глянец обвислый —
и все, что мне нужно,
я знаю о жизни и смерти.

ЛИПЫ

В день откровенной нежности
обыкновенного года
в городе и окрестностях
липы сочились медом.
К памяти чуть притронуться,
нежностью снова тронет
эта — почти бессонница —
сладкая полудрема.
День, позабытый полностью,
был до конца заполнен
этой почти влюбленностью,
только в кого — не помню.
Он ни одним событием
из череды не выпал.
Все было так обыденно.
Только вот разве липы...

ИЗ КАЗАНИ С ЛЮБОВЬЮ

У потерь (это, конечно, не зонтик, не карандаш)
начинается время возврата, обратный отсчет.
Возвращаются — словно из памяти,
то есть не баш на баш, —
пообтесанней, мельче, глядишь, и не так печет.

Это я про любовь, друзей, вчерашний день говорю.
И на клюкве уже не сплет соловей весной, —
букварю доверяю, поскольку на мир давно смотрю.
Оказалась по-школьному осень моя золотой.

Одряхлевшие будничны липы у дома, и так невысок
потолок небосвода, означенный срезами крыш.
Сквозь года пролетев, — здравствуй! —
под ноги ляжет листок.
От него тосковал, а теперь же привычно грустишь.

И не то чтобы на сердце хрусткая сушь,
но уже не поймешь,
настоящая тронула грусть или память о ней.
Возвращается все — то же самое,
что ничего не вернешь,
оттого уползающий день промелькнувших годов милей.

Все проходит, ну что же,
бояться ли тени своей?
Одиночества нет. Это я оттого говорю,
что со дна тишины,
сквозь прозрачную толщу дней
из давнишней Казани на вас, дорогих, смотрю.

ЮРИЙ МАКАРОВ

Родился в 1932 году в Казани. Работал электриком, кочегаром, матросом, грузчиком. Автор книг «Круг» (Казань, 1986), «Печальный ангел» (Казань, 1997), «Березовый рай» (Казань, 2002), «Огненный ангел» (Казань, 2004), «Лирика» (Казань, 2004). Ушел из жизни в 2003 году.

СНОВА ЖИВУ

Стою, пронизан горизонтом
И высотой ослеплен.
Выходит далями и солнцем
Земля в меня со всех сторон.
Давай же, родина, давай,
Входи в меня, входи, Россия!
Души пахучий каравай
Тяну навстречу что есть силы.
Пусть ветры горло захлестнут,
И хлынут реки, закипая.
Пусть пашни медленно втекут,
Хлеба высокие качая.
Входи же, родина, входи,
Щедрее дух, тучнее вены,
Ведь ты одна во всей Вселенной,
И вся, как паводок, — в пути.

* * *

Приходит солнце в комнату
как друг.
Приходит просто,
Весело,
Без стука.
И, словно зимних не было
разлук,

К плечу дотронется
Тепло и скупое.
Пытливо всмотрится
 в усталые глаза,
Черты лица высвечивая четко...
Все тот ли я,
Что много дней назад,
Где мы расстались
Ветренно и жестко.
Оглядывается,
Но не свысока,
Открыто,
Молча,
Будто где-то рядом,
Учтиво пропуская облака,
Приспущенным,
Едва притухшим взглядом.
И, проясняя темные углы,
Оно, как шторы,
Раздвигает стены.
И ширь вокруг,
И дали залегли,
И я
Уже не я,
А часть вселенной.

* * *

Я помню тонкие снега
Серебром по синему.
Четыре медленных следа,
Глаза, ресницы в инее.

А улица белым-бела,
Как платье подвенечное,
И ты снежинкою плыла
В ладони ветра встречного.

Вот почему в моих руках
Ты так легко растаяла
И, словно месяц, на губах
Холодный свет оставила.

* * *

Кося горячими глазами,
Пасутся кони при луне.
Их нерастраченное пламя,
Их необъезженность
Во мне.
По травам шорохи и вскрики.
Так первобытно бытие.
Прожить
Неукрощено-диким
Всю жизнь —
Призвание мое.
Играют,
Всхрапывая, кони,
Зубами с треском
Рвут траву.
Я от любви, как от погони,
А не от радости
Умру.

* * *

Из пота, из крови, из грязи
На тоненьком робком стебле,
В надзвездные пропасти глядя,
Встает красота на земле.

И к ней поклоняться приходят,
Излишне ее вопрошать...
Обычное чудо природы
Способно людей воскрешать.

И это ли, братья, не подвиг?
Из хаоса драк и смертей
Прекрасные розы восходят
Над грешной землею моей.

* * *

Бродяга, поэт и безумец,
Любимец седых декаблей,
Я вновь затерялся средь улиц
Старинной Казани моей.

Огни — золотистые пчелы —
Прошили насквозь снегопад,
Иду я, беспечно-веселый,
Как многие годы назад.

Мой город, ты все молодеешь,
И я не старею с тобой.
Я знаю, что ты не жалеешь,
Моей оставаясь судьбой.

* * *

В моем жилище, словно в храме,
Где поселился строгий бог.
И я молюсь ему стихами,
Всею верой прожитых дорог.
Я жгу не свечи, папиросы,
Не у иконы, за столом,
И звезды падают, как слезы,
В густые травы под окном.
И обновляет очищенье
Крылатой легкостью пера,
И вновь в заре и вдохновенье
Стою, как в пламени костра...

КОМУ ЧТО...

Кому чины, кому почет и слава,
Кому деньгу невпроворот.
А мне, как прежде, как бывало,
Стоять бездомным у ворот.
И бормотать за строчкой строчку,
Ломая ритмы и слова,
Пока душа еще жива...
И только смерть поставит точку.

О ПОЭЗИИ

Стихи не связка слов, —
Граната,
В которой вынута чека.
В них, как в тротиле,
Детонатор.
На взрыв
Работает строка!
На выброс
Пламени и грунта
Из недр
Безликой тишины.
Стихи всегда —
Начало бунта,
Движенья льдов и гул весны.

АЛЕКСАНДР МАСЛЕННИКОВ

Родился в 1957 году в Чебоксарах. Работал плотником, слесарем. Сейчас машинист сцены в театре им. Г.Камала. Потомственный литобъединенец.

ГРУСТНОЕ

Я Вам несу завернутую речь.
Огромную, как шар земной, обузу,
Но я не дам коснуться хрупких плеч
Шальному и безжалостному грузу.

Я Вам несу — как будто налегке,
Запрятав глубже нежных чувств консервы,
Зажатый в непослушном кулаке
Тугой клубок — замотанные нервы.

Не шутку, не легенду, не вранье,
Не страсти рев дурными голосами, —
Я Вам несу души своей рвань:
Заштопайте колючими глазами.

Я Вам несу — через десятки лет.
Я знаю, что конца дороге нет.

НАЕЗДНИК

Каждый из нас по-своему лошадь.

В.Маяковский

Через асфальтовую ночь,
Песками дня
Крылатая кобыла прочь
Несет меня,

Так высоко, что дрожь крыла
Не окропит,
Стучат по небу купола
Ее копыт.
Навстречу — звездные поля —
И прочь текут,
Ее торопят шенкеля,
Желанья жгут.

Все силы растеряла где-то,
Едва дыша,
Несет меня кобыла эта —
Моя душа.

ЛЮБОВЬ МЕЩЕРЯКОВА

Родилась в 1955 году в Казани. Окончила факультет психологии Иркутского педагогического института. Работает психологом в школе. Публиковалась в газете «Заполярная правда», коллективных сборниках «Гнездовье вьюг» (Норильск, 1993), «Аддынар» (Казань, 1996).

* * *

Вы велели — с природы.
Графин на столе. Полумрак.
Полседки на блюде.
Раскрошенный кем-то табак.
Вы больны, вы пьяны, пара слов
и впадете в экстаз.
А на вас со стены смотрит пара
внимательных глаз.
Вы кричали: «С природы!»
Так пейте, пока вам дают,
так хватайте же впрок
первобытный покой и уют.
Так глотайте селедочный запах,
и дым, и слова.
Все с природы. Все правда.
А правда — она не нова.
А теперь подведите — рискните —
под этим черту...
Подведите, что все суета,
бога нет, бабы — дуры...
Вы хотели, чтоб все обязательно
было с природы.
Все с природы, почтенный.
А как же! Конечно.
Хотите, рискну?

Ну какая весна,
если листьями скверы заносит,
ну какая сирень,
если астры бесплатно цветут,
ну какая любовь,
если осень, капризная осень
по шкафам рассовала
заношенный летний уют?..

Ну чего мне, скажите,
в покое моем не хватало?
Старомодной надежды
и грусти, слетевшей с холста.
Я о выставке грез
из газетной тоски прочитала:
и всего-то за рваный
на время сдавалась мечта.

И всего-то за рваный —
влюбленное лоно сирени.
И всего-то за рваный —
безумнейший, солнечный шквал.
Продавец ликовал,
наслаждаясь внезапным везеньем,
и в нагрузку ко лжи
дефицитом любви торговал...

В декабре темнеет рано.
За окошком вымерз сад.
В тишине, как звон стаканов,
звезды синие висят.
И сидим мы с Николаем,
нынче другу сорок зим,
мы не то, чтобы гуляем,
так: за бражкой сидим.
На тарелке вкусно, вкусно
растопырил ухо груздь.
И поем мы тихой грустью
песню, старую, как Русь.
Есть для выпивки причина.
Нам не плачется навзрыд,
а в душе моей лучина
все сгорает — не сгорит.

И уже над Николаем
заструился сизый дым.
Мы не то, чтобы пылаем:
так, за песнею сидим.

* * *

У ветра есть порыв,
никем не предугадан,
как будто где-то рядом
вздымает землю взрыв.
И выбит из-под ног
краеугольный камень,
и серебристой сканью
окован мой висок.
Бельмом на окнах лед.
И мир предельно сужен,
и мне, как ветру, нужен
внезапный поворот.
И ширина быстрин,
и вечная погоня,
чтоб на моей ладони
сошелся света клин.
И очень прост секрет —
нет ветра без порыва,
и все смешно и лживо,
когда порыва нет.

ГЛЕБ МИХАЛЕВ

Родился в 1967 году в г. Юрга Кемеровской области. Учился в Казанском авиационном институте. Окончил физфак Казанского государственного университета. Публиковался в республиканской прессе, журнале «Идель». Участник коллективных сборников «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991), «Казанская каят-компания» (Казань, 1992), «Время летать» (Казань, 2002). Финалист конкурса им. Н.Гумилева «Заблудившийся трамвай» (Санкт-Петербург, 2005).

ИЮНЬ

Скука календарного квартала
Номер два. Рассеянность. Ленца.
В то, что холода вернутся, мало
Веришь. Не предвидится конца
Духоте, вспотевшим спинам, лицам,
Комарам, салатам на обед...
Но зима... Хоть тополиным пухом
Все равно напомнит о себе,
Пригрозит...
Как хрупок и непрочен
Наш роман. Попробуй сохрани
Страсть, когда становятся короче
Ноги. И томительнее — дни...

* * *

Ах, эти пожелания благие!
Как деревья январские — нагие.
Ведь каждый знает: это все — вранье.
Но пишут все. И я пишу свое.
Я им не верю — Боже сохрани! —
Но иногда сбываются они...

* * *

Вместо рифмы на слово «любовь»
Мне приходит на память «корона»,
«Коронарный», Карузо, Коровьев
В разбитом пенсне. Как ворона,
Кропотливо словарь тереблю,
И никак не найду почему-то.
Нет, «женильба» — не то, и «салют» —
Тоже как-то... Проходят минуты,
Но опять все не то: «сыновья»,
«Алименты»...
Сдаюсь постепенно
И рифмую с «любовью» — «семья»,
А потом вдруг: «Елена», «Елена!»...

* * *

Рельсы
По гравии хрустящему,
Они идут блестящие
Вдаль. Исчезают в мареве
Невидимые мне.
И где-то там, как водится,
Они однажды сходятся...

Железные. Холодные.
А нас с тобой умней...

* * *

Стихи приходят из уставших губ,
Висков гудящих, покрасневших глаз.
Стихи приходят, как в дырявый зуб
Мороженое — с болью, каждый раз.
Стихи приходят из черновикиков,
Которым навсегда потерян счет.
Из первых, ранних, слабеньких стихов...
И, черт возьми, откуда-то еще...

* * *

Читая Булгакова, хочется... плюнуть в камин,
Метнуть пару молний, а после — вздохнуть облегченно.
Найти пару хряков, вчера еще слывших людьюми.
Обедать — с мадерой, с тарелочкой яблок моченых.
Шутить, вспоминая живых и распятых богов.
Грешить, но молиться и кланяться благоговеино.
Уснуть и услышать обиженный голос Марго,
Услышать: «Мессир, вы опять перепили портвейна?»

* * *

Лето кончается. Скоро уйдет.
Поезд почти пустой.
Строчкой в блокноте останется год
Восемьдесят шестой.
Тают в холодном дожде города,
Тает и гаснет свет.
Может быть, я и приеду сюда,
Но через много лет,
Чтобы найти, на каких площадях,
В свете какой звезды,
Снова и снова бегут от дождя
Наши с тобой следы.

ЮРИС МИХЕЕВ

Ушел из жизни молодым в конце 60-х годов.

* * *

Словно сказки, словно были —
И огонь из глаз...
Ах, какие кони были
В деревнях у нас!

Отшлифованные ноги,
Только пыль терпеть.
Ах, какие были кони,
Где они теперь?

НАТАЛИЯ МИХЕЕВА

Родилась в 1955 году в Казани. Окончила Казанский государственный педагогический институт (1977). Работала в сельской школе. Публиковалась в республиканской прессе. Автор книг стихов «Верю в тебя» (Казань, 1998), «Очарование встречи» (Казань, 2002).

* * *

Я купила рыжий апельсин
В честь победы над самой собою.
Я его не съем, лежит один,
На столе маячит предо мною.

За окном метель, а он в красе
Светится и запахом играет.
Пусть мне не везет, и я в тоске,
Рыжий апельсин мне помогает.

* * *

Осень капризная тучи развесила.
С нами играет в плохое, хорошее.
Я о тебе вспоминаю невесело...
Все отболело и кануло в прошлое.

Только остались в туманы закутаны
Годы ушедшие... в памяти брошены.
И по ночам не дают спать мгновения
Воспоминаний... Плохие, хорошие...

ВАЛЕРИЙ МОДЕСТОВ

Родился в 1937 году в г. Сапожке Рязанской области. Окончил Московский институт инженеров транспорта (1959). Член Союза писателей Республики Татарстан. Работал во многих городах страны, в Алжире. Публиковался в журналах «Простор», «Волга». Участник четырех коллективных сборников стихов. Автор поэтических книг: «Имена на снегу» (Самара, 1964), «Признательность» (Казань, 1970).

РАЗГОВОР СО СКОРПИОНОМ

Пустыня, ночь, костерик небогатый
И звезды зреют, тоненько звеня.
В безмолвии, сомнением чреватом,
Нас только двое — скорпион и я.

И правом гостя пользуясь, конечно,
Оно здесь незабвенно до сих пор,
Я завожу — куда спешить — неспешный
О жизни брэнной честный разговор...

Скажи мне, самый древний, что на суше
Остался всем напастям вопреки,
Тебе сомненья тоже гложут душу,
Да так, что помереть готов с тоски?

А песни в самом горле возникают,
Когда навстречу радости спешишь,
Иль в этом мире чаще выживают
Лишь те — совсем лишенные души?

Скажи — любовь всегда была и будет?
А если нет — то дальше стоит жить?
А если тебя женщина разлюбит,
То как тогда — и это мне скажи.

В тщеславии, забыв про яд и жало,
Он мне ответил, древностью дыша:
«Хоть ты велик — тебя мне, право, жалко,
Ведь жизнь и без вопросов хороша.

Но коль спросил — чего гневить Аллаха,
Я постараюсь дать на все ответ:
Душа? — Она уходит лишь от страха,
Сомнения есть — ужалить или нет.

Еще вопросом, самым трудным вроде,
Что о любви, берешь на абордаж, —
Любовь — в инстинкте продолженья рода,
Все остальное — суета и блажь.

А песни — хоть от радости и зреют,
Я не пою — зачем так сразу петь,
Пусть их поет, кто лучше всех умеет,
Большая радость — слушать их уметь.

Ты посмотри — и я хорош собою,
И я умею насладиться властью...
А женщины — они берутся с бою,
Не дай Аллах терять над ними власть.

Еще одно скажу тебе, пожалуй,
Когда себя в себе уж не найти,
Ты приходи — и я тебя ужалю,
Разумней нет, чем вовремя уйти...»

* * *

Павелецкий вокзал,
Почему ты такой Павелецкий?
Повелел мне остаться,
И я уже остаюсь,
Повелел мне расстаться —
И не на что больше надеяться:
Повели мне вернуться, —
И я непременно вернусь...
В мире много вокзалов, я в глазах их читаю
Такую же радость и боль:
Павелецкий вокзал,
Что случилось со мною,
Что случилось?
Не могу ни расстаться
И ни остаться с тобой.
Я сажусь в поезда,
Я ищу утешение в странствиях.
Я люблю параллели,
Как струны в гитаре, смещать...
Чтоб однажды, вернувшись,
Сказать Павелецкому: «Здравствуй».
А слова прозвучали
Спокойно и трезво: «Прощай».

Дует поземка.
 В тайге неуютно и гулко...
 Нет, не представить, что где-то тепла не хотят.
 Сковано все.
 Только звезды миллионом сосулек,
 К небу пристынув, тихонько и грустно звенят...
 Сколько излишних щедрот на планете.
 Не даром
 Все пропадает. И тут уж жалей, не жалей!
 Вот бы разбавить горячий напиток Сахары
 Северным льдом.
 Преотличный бы вышел коктейль!

Нагадала мне цыганка
 В полдень солнечный во ржи,
 Что в объятиях любимой
 Я свою окончу жизнь.
 Нагадала — угадала.
 Слишком много не взяла.
 Только легче в жизни стало...
 Ни кола и ни двора.
 Я не трус и трусом не был.
 Но с пророчеством таким
 Много я смертей изведаль, —
 Все равно живу живым!
 Хоть грущу, но не тоскую,
 У любимой не любим,
 Все отчаянней рискую
 Я в объятиях других?..
 Жизнь и смерть
 Играют в прятки.
 Очень странная игра!
 Близких мучаю в догадках...
 Ни кола и ни двора...
 А зачем мне двор и крыша,
 Правдой созданная ложь?
 Тут и смерти не отыщешь,
 И бессмертья не найдешь.
 Я цыганок стороною
 Обойду, как облечу...
 Нагадают мне другое,
 А другого не хочу.

А ты отвыкла — говоришь...
 Ну что ж, я не сужу, — бывает...
 Порой от солнца отвыкают,
 А ты отвыкла — говоришь.
 Привычка свойственна годам, —
 Ее легко приобретают...
 Так привыкают и к годам,
 И к нелюбимым привыкают.
 Мы по привычке дышим, спим,
 Другьям проверенным не рады...
 И, если я тобой любим,
 Не привыкай ко мне,
 Не надо...

Умирала акула
 У старого рыжего мола.
 Солнце било в ладоши
 И в волнах шипящих тонуло.
 А у мола,
 На краешке синего моря
 Умирала акула.
 И глядела впервые
 На краски привычной стихии:
 Как так? — Синее море,
 А по верху желтые блики...
 Родилась она в море
 И, лишь умирая, впервые,
 Загляделась на море,
 А по морю плавали рыбки,
 Но не только.
 Круги постепенно сужая,
 Плоть от плоти,
 Ни разу не будучи сыт,
 Все боясь еще,
 Взглядом одним пожирая,
 Как занесенный нож,
 Подбирался единственный сын.
 Нет спасенья...
 Сама так жестоко учила.
 Ах, зачем пощадила
 Когда-то
 Его одного...
 Не корила,
 Пощады, увы, не просила...

Замерла,
Приготовясь
Как равного
Встретить его...
А когда
Его тень
На мгновение
Свет заслонила,
Вся в последнем
Броске,
(Сердце лопнуло от броска)
Неживые клыки
В его белое горло вонзила
И повисла,
Как плеть,
И, затеплясь, угасла
Тоска.
Умирайте, акулы...
От старости, злости
И мора.
Умирайте
В потемках
И яростным солнечным
Днем...
Умирайте, акулы...
Оставьте прекрасное море.
Умирайте, акулы,
Грызитесь.
А мы вас добьем!

ЗВЕЗДЫ

Когда, обессилив, бежала пурга,
Теряя свои рубежи,
С неба
Звезды бросались в снега,
Острые, как ножи!
Они кромсали снега на куски,
Кроили их вкривь и вкось.
И были снега глубоки —
Глубоки
И голубые насквозь...
Звезды горели
Над каждой сосной,
Ветер качал их
И тряс...

Звездную музыку над головой
Я слушал по многу раз.
Но вот,
Где восток рябил горизонт
Кромкою сосенных пик,
Все чаще
Солнца огненный зонт
Раскачивался,
Слепил.
Солнце!
Громче тысячи звезд!
И стал слушать его.
Май пропитался,
Пропах насквозь
Звонкою синевой!..
Я торопил,
Отсчитывал дни,
Рвал календарь наперед.
Об отпусках
Начальству бубнил —
И вскоре растаял лед.
Поезд стучал:

«Воркута — Москва...»

А эхо: «Москва — Воркута!»

Зеленый шквал,
Бушующий шквал
За окнами пролетал!..
Под Княжпогостом
Грянула ночь.
Нахлынула к поездам.
С юга,
Откуда-то из-под Соч,
Тянула звезд невода.
И, как потерпевший кричит:

«Земля!»,

Вконец
Ожиданьем исхлестан,
Я задохнулся,
Радостью смят:

— Звезды!

Боже мой, звезды!

ЕЛЕНА МОЛИНА

Родилась в 1964 году в Казани. Окончила Казанский медицинский институт (1988). Работает переводчиком. Публиковалась в журналах «Идель», «Казань». По итогам публикаций в журнале «Казань» в 2003 году была признана лауреатом года в номинации «Поэзия».

* * *

Ты — мой хлеб, моя вода,
И суббота, и среда,
И церковное вино,
Дверь моя, мое окно.
Ты — мое богатство в слитках,
Праздник мой, моя молитва.
Верный друг и гость случайный,
Речь моя, мое молчанье,
Океан без дна и края,
Ты — земля моя родная,
И разбег мой, и полет,
И мгновение, и год.
Ты — открытие немое,
Путь слияния с покоем.
Вифлеемская звезда,
Я — твой хлеб, твоя вода...

* * *

Под шелест листьев, всплеск дождя,
Молиться стану за тебя,
Под ранний пламенный восход
Я вспомню месяц, день и год,
Наш маленький счастливый сад,
Прозрачный поздний виноград,
Наш тихий дворик в глубине,
Твое стремление ко мне,
Твои бездонные глаза
И все, что ты не смог сказать,
Твое желание чудес,

Отметину седых небес,
Одно признание без слов,
Твою мятежную любовь,
Твою отсроченную страсть
В слепом желании пропасть,
Когда под первый всхлип дождя
Начну молиться за тебя.

* * *

Возьми себе мои молитвы,
Как новый домик для улитки,
Прости меня, забудь ошибки
И раствори печаль в улыбке.
Возьми себе мои молитвы,
Когда карета стала тыквой,
Все стерпит лишь моя каретка,
К бумаге прислонясь корректно.
Прочти почтовые молитвы,
Они не в письмах, не в открытках,
Они в пространствах вневременных
И откровеннее, чем горе.
Коснусь тебя моей молитвой,
Живое слово — не реликвия,
Я создаю свою религию,
Права писанием молитвенным.
Идут к тебе мои молитвы,
Открой для них свою калитку,
Сумей ворота отпереть,
В молитве — жизнь, в молитве — смерть.
И ризница, и усыпальня,
В моем молитвенном молчанье,
Обет, обряд и благовест,
И Господа зовущий перст.
Дарю тебе мои молитвы,
Что рождены согласьем слитным,
В них буквами от аз до ижицы,
Моя любовь живет и движется.
Лови рукой мои молитвы,
Они летят к тебе открыто,
Ты их свободе позавидуешь,
Рожденной, но в миру не видной.
Несет к тебе мои молитвы
Через ухабы, пни и рытвины,
Не Ангел и не Божий сын,
А свет души моей. Аминь!

* * *

Помнишь ли ты, что бывают фантазии лета?
И пассажирам бесплатно вручают билеты.
Помнишь ли ты, не дойдя до последней черты,
Что наступит рассвет? Помнишь ли ты?

Знаешь ли ты, эта жизнь коротка и не вечна,
Но сквозь нее нам дано постигать бесконечность.
Может, уродства на свете не меньше земной красоты,
Но и в нем есть любовь. Знаешь ли ты?

Видел ли ты глубину и очерченность чуда?
Видел ли свет изнутри или свет ниоткуда?
Видел ли ты, приближаясь к заветной мечте,
Что этот мир расположен к тебе?

Думал ли ты, что придется два раза родиться?
Думал ли ты, что душа превращается в птицу?

* * *

Как хорошо, что все проходит,
Трепещет юная листва,
Как хорошо, что лист бесплотный
Преображается в слова.

Я получу твое письмо,
Касанье в узеньком конверте,
И мир замрет еще немой,
Еще не воплощенный в тверди.

Из ста возможностей застыв
Одним крылом неистребимым,
Не зная вязь или курсив,
Но зная, что из рук любимых.

Не видя фраз, не слыша слов,
Уже читает мое сердце,
Спасибо, что прислал любовь
Библейским листиком бессмертным.

АДЕЛЬ МОНРЕС (ХАИРОВ)

Родился в 1962 году в Казани. Окончил филфак Казанского государственного университета (1989). Работал в казанских газетах, журнале «Идель», на телевидении. Публиковался в республиканской прессе. Автор романа «Золото и Г» (Казань, 1996).

РЕМБРАНДТ

Терраса лозой Изабеллы увита,
Сиена в бокале шипящею градиной.
Кисть Рембрандта в пляске святого Витта
Сочится сентябрьской радугой...
И пятки Блудного,
И плечи Данаи
Ласкала капающая кисть...
...Вдруг вспомнит глаза
Корсиканские пьяные,
Поймает кружащийся лист...
Закончив, кисти поставив в кувшин
И тень подперев спиной,
Глядит, как в фонтане блестят гроши,
И пьет с натюрморта вино!

* * *

Я не князь и не хан,
не загнать мне в полях скакуна,
не утонет в монетах луна,
не прольют на меня «Испахан»,
когда люди придут посмотреть,
как целуется смерть...
Но они не поймут, как приятно
моему лицу-валуну,
приближаться, сверкая, ко дну,
там, где в зарослях лица, как пятна!
И с каким я блаженством тяну
ноги стертые на луну...

Еще нас балует вода,
по палубе стрекочут блики,
и дочь Пикассо Палома
стоит в платочке у калитки.
Она по розам проведет
колючим пальчиком модерна...
Из умывальника пойдет
липучесладкая мадера.
Мы тут же ей сколотим стол
из досок скрюченных вишневых,
зажарим сердце и глагол
на книжках лириков грошовых...

МОЙ СЫН

Ах, мой сын, куда тебя привело?
Петель скрип тебя еще порадует,
пол, заросший бледною травой,
и окно, расстрелянное градом...

Все к рукам природа прибирает:
и окурок, трупа студенец,
дирижабль ржавенький в сарае
и стихов кривеющий столбец...
Прядь твою держу, ее вдыхаю,
это пух, которому лететь,
догоняя родственную стаю,
чтоб отца с двустволкой не иметь!

СОБАКА

Когда зима тоскует обо мне —
собачий надеваю полшубок...
И что мне крымские ветра извне
и шум прибора юбок?!

Я буду пахнуть псом,
сосновой сладкой палкой.
Шерсть поглощает стон
и жемчуг слюнки жалкой.
Но вши мои прекрасны. И тоска!
Не покидавшие безродной этой роботы...
Я вспомню нежность пляжного песка
и свет костей в норе-утробе.

В летних сумерках,
в старом сарае
сочиняет ноктюрн баянист...
Светлячок, от тоски умирая,
освещает смородинный лист.
И луна, в обрамлении веток,
словно в божью каптерку
— окно:
плачет свечка на кучку креветок
и журчит по фужерам
вино...

РЕКВИЕМ

Ты знаешь, как мне будет скучно,
лежать на золоте луны!
И слушать песни женщин тучных,
и метить капелькой слюны
на деревянные колодки,
на червяка в своей ноге...
вдруг вспомнить нежность теплой водки
и милый гвоздик в сапоге...

МАРТ

Вот и март,
до женщин падкий,
повалюсь под образа,
расплескал в лампадки
серые глаза.

От Тифлиса
тер подошвы
офицеровских сапог.
В кабаках давал дебоши,
засыпал у стройных ног.

Если в доме недотрога,
хмурясь целовал кресты,
оставляя у порога
нераскрытые цветы.

Еще один снег. И такой же усталый.
Уставший. Готовый всплакнуть.
Скажи, сколько лет до весны мне осталось,
чтоб вербу соседке вернуть?

Чтоб к окнам моим прилепились листочки,
брызгать на трещинку неба клей...
Чтоб женщины сняли украдкой чулочки,
и ножки пошли веселей.

А я бы старел с каждой вешней минутой.
(Ты видел, как сохнут золотые лещи?)
И в доме, где юношей был я, как будто
седой зверек верещит!

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАЧЕ

Будет ли это смешно,
если я сосчитаю в перламутре луны
сосновые доски забора?
И разобью кулаком голубую воду
в глубоких следах вора?
Пока я играл в прятки,
он собрал зеленые помидоры,
утащил дедушку, копающего грядки,
вытер руки о плюшевые шторы...
Будет ли это смешно,
если я вытащу из разного сора
старый туфель на высокой платформе?
И если вдруг выйдет на веранду
тот дядя в милицейской форме
и спросит: «Ну что, поймали вора?».
В обрамлении листьев покажется мама
и, нарвав укроп для салата,
скажет: «Там, за крыжовником, яма,
все уходит туда без возврата...»
Дядя нащупает в бочке соснувшую водку,
уйдет на пляж, сказав:
«Пойду тоску утоплю...»
А мама поправит юбку короткую,
и тут... выйду я —
и протяну ей туфлю!

УЛ. ТИХОМИРНОВА, 7–9

В глубине глубокой двора,
где мой дом приобретает
образ кукольной игрушки,
кто-то нитку вдевает,
кто-то Шнитке играет,
кто-то стряпает ватрушки...

Вырастает перинный сугроб,
чтобы звезды не побились,
чтобы грани не тупились,
чтоб Хабибка-хулиган
смог украсить свой наган...

Если бы он делал пули
из ландринок изумрудных,
был бы липким его пистик
после каждого убийства...

И хозяйка бакалеи
не ушла бы в вечность с дыркой,
а ландринкой бы хрустела,
пуфик щечкой подпирая...

Мне останется тот пуфик,
алой капелькой помечен.
Знаю-знаю, пуфик вечен,
только я ландринкой таю...

* * *

Я потомкам оставлю «остов»,
от романа пару листов,

от поэмы рифму одну,
остальное — камнем ко дну!

Чтобы люди, как старый аи,
пили имя мое — Хаи...

Или будто испанский Херес,
выпивали имя — Монрес.

Я хочу стать бесплотным, как лист,
весь из горького дыма, из

паутинки, летящей в Шампань,
хитроумно минувшей лохань.

Мой веселый летальный исход
одобряет французский народ.

Что касается наших татар,
говорят мне: «Иди в Тартар!»

НУРИЯ МУЛЛАЕВА (КАЛЕВА)

Родилась в 1943 году в Казани. Окончила Казанский государственный педагогический институт. Работала в школе, газетах, военном журнале. Член союза журналистов России. Публиковалась в республиканской прессе, в журналах «Азат хатын», «Смена», «Советский воин». Живет в Москве.

* * *

Мое призвание — ждать тебя,
Когда бы ни пришел.
Мое призвание — ждать тебя,
Встречать, сажать за стол.
Чтоб свежий хлеб был на столе,
Чтоб не остыл очаг...
А остальное на земле —
Все на твоих плечах.

* * *

Как же я тебя нашла?
Как тебя заметила?
Как же раньше я жила,
А тебя не встретила?
А теперь все жду и жду,
Все грущу и маюсь.
Ты — на радость, на беду?
Только я не каюсь.
...День такой погожий,
Дело к сентябрю.
Одно в тебе хорошее —
Что я тебя люблю.

ОСЕНЬ

Все чаще застывает взгляд.
Мои глаза не понимают,
Что это осень наступает:
Мелеет сад, мелеет сад.
Ведь ты, рожденный тишиной,
Ты не услышишь шорох листьев.
Шагов осенних мягких, лисьих...
Мелеет сад, мелеет сад...
Забыв про суетность ночей,
Забыв о встречах, вновь ушедших,
Мой сад забывчивый, он шепчет.
Мой сад? А может, он ничей?
Он вновь потерян для меня,
И я его совсем не слышу.
Становится он глуше, тише,
Прозрачней, голубее дня.
Но от него мне не уйти.
Запутал ломаностью линий
И хаосом осенних ливней.
Идут дожди, идут дожди.
И это — призрачность прощанья.
Ты к серым окнам подойди.
Как все немые обещанья,
Идут дожди, идут дожди.

* * *

Нет тебе ни укора, ни зла.
Я все строю — сама,
я все рушу сама...
Я любила тебя, как могла.
Я растратила все —
пустая сума.
Никуда не спешу,
ни о чем не прошу.
Я любила тебя,
как живу, как дышу,
Как Бог на душу,
как в поле зреет трава.
Может, надо не так?
Может, я не права?
Может, надо «с умом»?
Может, надо «в казну»?
Только я не о том.
Я себя не казню.

Слышишь, снова капель
 величает апрель?!
Как мне быть,
 как мне жить
 под веселую трель?!
Как Бог на душу?
 Как в поле зреет трава?
Может, надо не так,
 может, я не права.

* * *

Самодержец!
Я — твоя держава.
Всем владей.
Колени преклоня,
Покорюсь.
Но только взгляд лукавый
Исподволь все скажет за меня.
Управляй!
Я — все твои сословья...
Я — солдат твой,
Князь, и шут, и вор...
Царствуй ты!
Но над моей любовью
Наготове не держи топор.
Не казни.
И миловать не надо,
Коли не умеешь миловать.
Я склонюсь к твоим стопам,
Но взгляда
Дерзкого
Тебе не удержать.
Ослеплю тебя своей любовью!
Покорю!
Колени преклоня.
Я — народ твой.
Все твои сословья.
Ты — не самодержец без меня.

ИРЕК МУРТАЗИН

Родился в 1964 году в районном центре Богатые Сабы Татарстана. Окончил Казанское танковое училище (1985), Московскую государственную юридическую академию (1995). Работал в газете, на телевидении. Автор книги «Последний романтик» (Казань, 2003).

КРЕДО

Спешу я все успеть
И все познать.
Спешу весь мир объять,
Раскинув руки.
Спешу спешить,
Иначе
Мне — не жить.
Иначе
Я умру от скуки...

ПАРУСА

Без ветра
Паруса —
Ненужный хлам!
Пусть грянет кораблекрушение,
Чем тишина безветрия —
Безделье...
Не будет ветра —
Ветром
Буду
Сам!

ВИЛЬ МУСТАФИН

Родился в 1935 году в Казани. Родители репрессированы в 1936 – 37 годах: отец (Атнагулов С.) расстрелян, мать — 8 лет лагерей. Окончил физмат Казанского государственного университета (1958). «На жизнь зарабатывал математикой». Член Союза российских писателей. В 60-е годы в «самиздате» вышли два сборника стихотворений. Публиковался в республиканской и российской прессе. Автор пяти поэтических книг. Руководитель литературного объединения при галерее К. Васильева.

ВАША ДОБРОТА

Вы наших отцов расстреливали...
А утром мам
увозили растерянных
да на свидание к отцам...
Доброта!..
Ваша доброта!..

Вы наших отцов расстреливали...
А утром нам
дарили гильзы отстрелянные
да с приветом от мам...
Доброта!..
Ваша доброта!..

Вы наших отцов расстреливали,
в тюрьмы вминали мам...
А утром, прямо с постели,
нас — да по детдомам...
Там еды — кадушки,
там для слез — подушки!
Мы от счастья выли,
нас не задушили!..
Тра-та-та,
та-ра, та-та-та!..
Доброта...
Ваша доброта...

ДИТЯ ЗВЕРИНЦА

Я — лев...
Как вечное движение —
извивы тела в стенах клетки...
Нечеловечье напряженье
неслышной поступи столетий...
Из ночи — в ночь,
из века — в век:
до боли стиснутая боль...
Из-за полуприкрытых век —
зрачок, наполненный тобой,
о, Родина, которой нет
и не было: дитя зверинца,
рожденное увидеть свет
сквозь прутья,
словно сквозь ресницы...
Моя страна — моя тюрьма —
с меня снимала все заботы
и запах прелого дерьма
вливала — воздухом свободы...
«Ты — Царь зверей!» — орал хорал
никелированного плена,
а слух магически ласкал
замочный звон: «Ты — Бог вселенной!»
И сотни немощных зевак
сюда сбегались по субботам,
чтоб насладиться — за пятак —
«величьем» собственной свободы!..
Им угождая, я рычал,
я щекотал им перепонки...

...А старый сторож по ночам
храпел
под тихий плач ребенка...

ПРО ОСЕНЬ

Борису Михайловичу Козыреву

В то время, когда улетают растения,
и прошлое зябко вползает в дым,
когда разлетаются листья по стенам,
и пятнами памяти тают сады,
когда, в ожиданьи безмолвной расплаты,
столетья уходят, сжимаясь в часы,
весь мир, как заплаканный нищий,
распластан
и шепчет, и молит: «Я — сын твой...
Я — сын...»

По ночам вокруг меня — пусто,
ни души, а значит, все — правда...
В ночь вхожу, как ухожу в пустынь,
словно в тихую ложусь траву...
Опускаются ко мне звезды,
ласку неба я спиной чувю...
И обиды, как вода — с весел,
и врываю я, как вдох, в чудо...
Так протяжно все и так нежно,
словно боли навсегда смолкли:
До рассвета далеко — вечность,
до людей живых еще столько...

И часы перестают тикать,
уступая облакам место:
Даже время запоет тихо
невеселую, но все ж — песню...

AMEDEO MODIGLIANI

Борису Лукичу Лаптеву

Модильяни...
Амедео Модильяни...
Это женщина молилась на поляне,
это пела полонянка одеяний
о свободе:
Модильяни...
Модильяни...

Это груди, обнажаясь, укрывали
потаянный плач неузнанных мелодий...
Истомленные колени тосковали,
словно сломанные крылья,
о полете...
В этих линиях дышало эхо лилий,
эти плечи проливали стоны ливней...
И молитва, колыхая тополями,
голубела:
Модильяни...
Модильяни...
А-а-амедео...

ПРО МОИ СТИХИ

Сестре моей посвящаю

Стихи мои — мои сироты, —
лежите, съезжившись в углу,

укоротив свои длинноты,
в пыль обернувшись, как в хулу.

Мы с вами, словно в заточеньи,
верней, в плену у забытья,
плывем, влекомые теченьем,
как облаченьем бытия.

И филигранность одичанья,
и раны мрачной глубины —
укрыты кротостью молчанья
и многократностью вины.

Вас даже друг не заметит
(врагов мне Бог не посылал), —
вас только ветер, тихий ветер,
порой сконфуженно ласкал:
войдет, бывало, пыль обдует,
ладонь по строкам проведет,
вдохнет... и с видом обалдуя
до нас улыбкой снизойдет.

В ответ — ни лист не шелохнется
ни буковкой, ни запятой,
лишь занавеска всколыхнется
несостоявшейся фатой:
взмахнет забытыми крылами,
но вновь отложит свой полет...
А за горами, за долами —
во сне — сестра моя всплакнет...

ИЗЫСКАННОСТЬ СТИХА

Борису Алексеевичу Чичибабину

Изысканность стиха,
как утренняя нега,
невинного греха
томящийся позыв,
упрятанный в снега
мотив бывшего неба,
забытая строка
несбывшейся грозы.

Изысканность стиха
таит в своих глубинах
молитвенный напев,
разлитый в небесах,
он некогда нам пел
в полетах голубиных,
взвивался и стихал
в нездешних голосах.

Изысканность стиха
влечет к себе и манит
загадкою красы
запретного плода,
и трели пастуха
вовек не затуманят
свирельный звон росы,
коснувшийся следа.

Изысканность стиха
интимностью прекрасна,
стыдливой чистоты
раскрывшийся наив.
Изысканность стиха
воистину несчастна,
отвергнутой мечты
отторгнутый порыв.

Не лепятся стихи,
как будто бы разруха
проникла даже в них,
надмирных и благих.
Как будто бы сопит
по-за плечом старуха,
нет-нет и ковырнет
корявым пальцем стих.

Не лепятся стихи...
Но надо что-то делать,
как говорил один
мечтатель и поэт.
Ведь жизнь еще не вся,
и куча недоделок
топорщится в углу
итогом долгих лет.

Не лепятся стихи...
Причем не угадаешь,
не на бумаге, нет,
бумага стерпит, но
не лепятся внутри,
куда и не заглянешь,
где от скопления бед
все глухо и темно.

Не лепятся стихи...
А может, это лучше?
Быть может, уж пора
от муки отдохнуть?..
Но все ж немного жаль,
что занебесный лучик
в мой закут захудалый
не хочет заглянуть...

МОЛИТВА

В поисках утраченной отчизны
тратились усилья и года,
ощущеньем горькой укоризны
наседала на душу беда.

Наседала, полоня движенья,
думы и желанья полоня,
понуждая жить по принуждению,
побужденья жизни отклоня.

Неизбывный, тяжкий грех былого
в поколениях давних и веках
от желанья обратиться в слово
непокорно буйствовал в стихах,
застил взор, уродуя картину
мира, отраженного в глазах,
карою своей неотвратимой
изливаясь в жалобных слезах

и молитвах... Долгими ночами
я молил у Господа: Прости
души всех усопших, и печали
многия, о Боже, отпусти
рабу Твоему...

ЛИНА НАБАТ

Родилась в 1962 году в селе Алексашикино Саратовской области в семье военного. Училась в школах Новополюцка (Белоруссия), Сургута, поселка Харп-Северное сияние (Заполярье), затем в Казанском химико-технологическом институте. Работала мастером в худфонде, референтом-консультантом в Союзе художников Татарстана, во вневедомственной охране завода полимерфото. Публиковалась в журнале «Идель». Автор сборника стихов «Ночные мысли» (Казань, 2004).

ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ

Если ты меня любишь,
люби меня разной:
худой и толстой,
деятельной, несуразной,
в настроении и без настроения,
в горе и в радости,
в здравии и в болезни,
в нищете и в богатстве,
как говорится,
если ты меня любишь,
люби меня всю,
до малой родинки на ягодице,
до упавшей реснички,
до косметики, растекшейся по лицу.
Не говори мне, что я такая...
Я какая есть —
не лучше, не хуже,
и когда после обеда икаю,
я знаю, — ты обо мне вспомнил,
ты мне нужен.
И когда я с тобой танцую,
наступая на твои лакированные штиблеты,
не думай, что я тебя провоцирую,
я радуюсь, что мы танцуем,
что мы молоды,
что над нами лето.

Я тебя не брошу в бесславьи,
Не отпущу одного в безвестность
и то, что на роду написано, исправлю,
расплескав через край нежность.
Если любишь меня,
люби меня так,
чтобы я о другом не мечтала,
чтобы в мыслях была с тобой,
чтобы все началось с Начала:
с сотворения Мира,
с Адама и Евы,
и никого кругом.
Если любишь,
люби, как в первый
и последний раз,
потому что потом —
разлюбишь.
А когда ты станешь
толстым и лысым
или худым и седым, —
я отдам все за то,
чтобы быть с тобой,
отгонять от тебя
назойливых мух,
сигаретный дым.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ

Осенний пляж
похож на брошенного любовника,
который не повесился,
а на весь этаж
выкрикивает имена виновников,
непричесанный, в неприбранной квартире
он лежит и ждет звонка,
и засыпает на счете «четыре»,
известка сыпется с потолка,
просыпаясь от стога ветра,
он бредет в магазин,
покупает водку и сигареты,
и в будни, и в праздники он один,
и еще не знает, что впереди,
что менее, чем через год
она придет: и причешет и приберет,
и сгорит на его раскаленной груди.

* * *

Запомните меня счастливой,
там, где волна под старой ивой.
Запомните меня влюбленной,
там, где просторно и стесненно,
и звонко-глухо сердце билось,
где до всего договорилась
и все на свете обещала,
где плакала и всех прощала,
где написала эти строки
в отпущенные Богом сроки.

* * *

Что из того, что я, любя,
секретов новых миру не открыла?
Я открывала каждый день их для себя
и для тебя, наверное, мой милый.
Что тайны по сравнению с душой
высокой и неизмеримо сильной?
В ней грязное становится стерильным,
а ложное — честнейшей правотой.

* * *

Кто-то здоров, кто-то хил,
Где-то тепло, где-то сыро.
Равенства призрачный мир,
Будет ли он за могилой?
Кто-то высок, кто-то мал,
Кто-то широк, кто-то тонок,
Кто-то с вершины упал,
Кто-то с кровати спросонок.
Кто-то дворянского рода,
Кто-то просто плебей,
Где-то вдыхают свободу,
Где-то вопят: «Убей!».
Кто-то умен, кто-то глуп,
Кто-то богат, кто-то гений,
Кто-то имеет тулуп,
Кто-то — стихотворения.
Всех(1) подровняет земля,
Все будут равного роста.
Тленны тела, но ДЕЛА —
Вырвутся из погоста.

ВЛАДИМИР НЕШУМОВ

Родился в 1940 году в Каменск-Уральске Свердловской области. Окончил Казанский авиационный институт (1963). Работал в конструкторском бюро в Красноярске. В 1969 году «за хранение, распространение антисоветской литературы» был лишен допуска к секретным документам и вынужден был оставить конструкторскую деятельность в области космоса. Член Союза писателей России. Печатался в журналах «Идель», «Панорама», в альманахе «ПОэзия». Автор поэтической книги «Ощущения» (Старый Оскол — ФРГ, 1992).

* * *

Есть в лесу лесовичок.
Среди трав-лужаек
все он бродит. Кулачок
к уху прижимает.

Старичок-лесовичок,
беленький тихоня...
В кулачке его сверчок,
будто в телефоне.

Как затренькает сверчок,
оглядится старичок,
«здесь», — скажет, рассмеется,
топнет ножкой, кувыркнется,
синим глазом подмигнет,
а потом на пенек
сядет и споет:

«Вырастай росток,
расцветай цветок,
лодкой парусной
обернись, отчаль...
Лодке радостно.
А мне — печаль.
Ох, скучно мне,
ох, тошно мне
сидеть на пне
при такой луне...»

* * *

За дальними далеками,
меж небом и травой
просвечивают тонкие
туманы синевой.

Там край лесной и сказочный —
цветных стрекоз полет...
Девчонка синеглазая
туман прядет, поет.

И стрункой ее голоса,
извечный и ничей,
звенит и льется по лесу
из рук ее ручей.

* * *

Так странно прозрачно созданы
воды этой реки.
Цветут хрустальными розами
донные родники.
Меж ними сплывают окуньки.
Хотят обмануть рыбаки их,
но видны крючки
сквозь лакомые червячки.

* * *

Стою над вечною рекою.
Слежу неуловимость вод.
Опасной, тонкою рукою
ночь тихо трогает мой лоб.

Она прозрачную ладонью
пересыпает бликов рябь.
И веселит ее, колдунью,
со мной дозволенность играть.
Она прозрачную ладонью
переиначивает лад.
И все, что мы зовем любовью,
вдруг наполняет ее взгляд.

А далеко ль ее, летунью,
зовет полночная труба
Луны прозрачную латунью,
поведает ли мне вода?

В разгаре бал, и правит им любовь.
Распахнутый, медовый месяц лета.

Растениям дарованы судьбой
цветы и шмель, и превращенье света...
Цветы царят! В толпе листвы любой
из них мне мил, пусть самый незаметный.
Но есть созданья, дан им дар заветный —
глаза вбирать, как в омут голубой.

Была поляна, помнится, одна —
несметных незабудок. И — ни дна,
ни сна, ни дня... С ума меня сводила
немыслимых небес голубизна.
Везло ведь дураку. За что бы, знать —
на ту поляну зван был. Видел диво...

ГОРТЕНЗИЯ НИКИТИНА

Родилась в 1931 году в Михайлове (Подмосковье). Окончила истфилфак Казанского государственного педагогического института. Работала в школе, на кафедре истории пединститута, в лаборатории экспериментальной дидактики АПН РСФСР, на телевидении. Публиковалась в журналах «Волга», «Идель». Известна и как переводчик татарской поэзии. Автор книги «Ожидание» (Казань, 1997).

ВОКЗАЛ

1

Жить от вокзала в двух шагах —
и оставаться безразличным
к стенам его краснокирпичным
в гербах старинных и часах?
Не знать стремительных ступеней
и тех распахнутых дверей,
которых самый вид стремление
рождает — побежать, скорей!
Скорей! Уже дрожат вагоны,
шипят колеса, торопясь,
и красный свет на свет зеленый
меняет семафорный глаз
нетерпеливо. — Отрешенье
от всех налаженных забот —
скорей, скорей!
Одно стремление,
одно движение — вперед!
...Жить рядышком, недалеко,
и — не изведать этой муки:
желанье острое разлуки
и холод поручня в руке?..

2

Насмешка ли судьбы, ее ирония? —
Два маленьких слепых окна
обращены к огням перрона,
но — не увидели огня...
Чуть теплится в них ответ малый,
за ними жизнь — неощутима.
Разноголосица вокзала —
все мимо этих окон, мимо.
Все объявленья рейсов — мимо!
И все скольженья рельсов — мимо!
И все движения составов,
всё, что налево и направо
несется неостановимо —
всё мимо этих окон, мимо...
Каким же мощным должен быть
сигнал вокзального набата,
чтобы безмолвие разбить
тех двух окон подслеповатых?
Каким прожекторам под силу
сразиться с этой слепотой,
чтоб просигналить: — Время, милый!
Спешу, уходит поезд твой...

3

Над старой башнею вокзальной
клубятся белые дымы...
Давай присядем на прощанье
и этот дом покинем мы.
Нарушим тяжкие законы
оседлой жизни и войдем
под крышу легкую вагона,
в наш новый, вдале летящий дом!
Забудем старые знакомства,
привычный уличный маршрут, —
куда-то смело понесемся,
где нас не знают и не ждут!
Вообразим, что все нам — можно,
что стоит только захотеть,
без семафоров и таможен
безостановочно лететь!
Что мы — свободны, беспечальны,
что вместе (вместе, вместе!) мы.
...Клубятся белые дымы
над старой башнею вокзальной...

...все меньше слов —
все больше понимания,
и все длиннее сроки расставанья,
все чаще удастся пренебречь
обидами печальных откровений,
и все ровней взволнованная речь...
Но — до поры внезапных удивлений!
Тогда опять все реки
мчатся вспять,
и оглушительно кричат
немые рыбы,
и кажется, что снова
мы смогли бы
все без помарок,
сызнова начать!

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Вот так-то: раз —
и носом в лужу!
Не в океан, не в реку, нет —
в простую лужу. Это хуже,
чем захлебнуться в глубине.

Там и погибнуть не зазорно,
и громко выкрикнуть «тону!».
Там пред глазами хоть — узоры:
все ярче, ярче ближе к дну...

А здесь — песком набиты ноздри,
песчинка каждая колка.
И утонуть-то невозможно:
уж больно лужица мелка...

Приобрести внезапно вкус
к простым делам, вещам, событиям,
и удивляться, как открытиям,
тому, что знаешь наизусть.

Услышать, будто бы впервые,
и крики птиц, и плеск дождей,
и имена своих друзей
вдыхать, как травы луговые.

Любить шагов их приближенье,
навстречу им самой спешить,
и верить каждое мгновенье,
что хорошо на свете жить!

Мир уходящему! — всему,
что есть еще, но вот исчезнет,
сокроется в глубокой бездне
и канет невозвратно в тьму.
Мир уходящему! — о чем
не раз напомнит сновиденье,
и что возникнет смутной тенью
в час одинокий за плечом.
То будет голос или дождь,
черты лица иль стены дома... —
все, что любимо и знакомо,
и что уходит, не вернешь...
Уходит прочь, своим путем
из глаз моих или из жизни,
прощением ли, укоризной
напомня о себе потом.
Потом, когда наступит срок
и мне собрать свои пожитки,
последний уплатив оброк
судьбе прощальной улыбкой.
И прозвучит ли или нет
хоть чей-то голос в изголовье,
который скажет мне с любовью:
«мир уходящему...» вослед?

...Вот и «звоночек» первый прозвучал...
Что ж. Однотомник. Самиздат.
Пришло, случилось, настало
страницы пролистать назад.
Вглядеться, вспомнить постепенно
что значат, с краю, на полях —
знак восклицанья, нота-бена,
вопросы, галочки, зигзаг?..
...Помят, потрепан переплет.
Страниц начальных, пожелтелых,
почти запамятован счет,
и шрифт слепой уже, в пробелах.
Сбив. Опечатки. Многоточья...
Зачеркнуто... обрыв строки.
Пометка: «Час быка. 3 ночи.»,
приписанная от руки.
И вот метания сменяет
вполне окрепшая строка —
лист за листом! — Но вырывает
страницы кто-то изредка.
Потом, как бы воздав сторицей, —
безмолвья белые листы...
Дней онемелых вереница
через молчания пустырь.
Но — вновь слышны, уже к финалу,
созвучья — сдержанны, кратки.
Все шире, больше интервалы
здесь от строки и до строки.
Финала ж нет еще. Старо
спросить: «случится ли — кто знает...»
Но ждет страница. Но перо
из рук еще не выпадает.

ОЛЬГА ОВЧИННИКОВА

Родилась в 1962 году. Училась на физфаке, окончила филологический факультет Казанского государственного университета (1986). Публиковалась в республиканской прессе. Участник коллективного сборника «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991) и др. Ушла из жизни в 1995 году. Посмертно вышла книга стихов «Зебра» (Казань, 1996).

* * *

Как хорошо на свете жить,
Не огорчаясь пустяками,
Творить, выдумывать, любить
И чувства излагать стихами,
Смеяться, глупость говорить,
Без страха выгладеть нелепо,
И радость всем вокруг дарить,
Как многоцветье дарит лето.
И знать, что в мире все пройдет,
Быть может, не оставив следа,
Но каждый новый день и год
Встречать как радость, как победу.
Так хорошо на свете жить,
Что и не высказать словами,
Да что об этом говорить,
Вы испытайте лучше сами.

* * *

Потуши свечу,
Занавесь окно...

К.М.Фофанов

Ваши окна — темны:
Ни свечи, ни огня.
Мерзнут молча, грустны
Листья до ноября.
Нет надежд — потому
Я себе и не лыцу,
И слова — ни к чему,
Встреч напрасно ищу.
Вам — работа, семья,
Ворох тусклых морок.
Получается, зря
Лист стихами намок?
Но ласкает апрель,
Тонкой льдинкой звеня,
И лукавит капель:
Может, ждут там тебя
Иногда?

* * *

Мне огорчений в жизни не хватало,
Непониманья не хватало, нелюбовей.
Еще обид, пожалуй, было мало.
Зато вот счастья у меня с лихвою.
Зато удачи — полная тележка,
Зато везенья — целая палата,
Зато любима я была, конечно,
Вот огорчений, правда, маловато.
Я напрокат решила взять печалей,
И прикупить страданий на базаре.
Я продавцам понравилась случайно,
И мне бесплатно весь товар отдали.

* * *

Это — сон, а мне кажется — снег,
не пройти сквозь него, не пройти.
Наш нелепый кончается век,
пять прогонов осталось в пути.

Иногда нам минута — за век.
а порою полгода — за час.
И размеренно падает снег
сквозь пространство и время на нас.

Но не всем нам дойти суждено,
а, наверное, хочется всем.
Раскрывается в вечность окно,
не сдержав напряжения вен.

* * *

Когда, отчаявшись от боли,
и от бессилья доказать
свою малюсенькую правду
большим, решительным и честным
(ведь жизнь — не сцена, а подмостки),
приникла я щекой горячей
к тебе, любимая тетрадь,
то только ты меня сумела,
как мама, нежно приласкать
и пожалеть, и молча внять
моим разгоряченным воплям
(от сердца, а не для биноклей).
А мне едва хватило воли
не избегать земной юдоли,
но, нахлебавшись горькой соли,
слезами это записать.

Освещаю ли дорогу,
Горожу ли чепуху —
Отвечаю только Богу,
Только Богу и стиху.

В.А.Долina

Пожалуйста, запомните меня
вне всех моих страданий и невзгод,
хотевшей всех простить и все понять,
ценившей откровенье и полет.
Впадающей в безудержный азарт,
растратившей впустую столько сил,
в итоге возвратившейся назад
к тому, кто верил, понимал, любил.
Другое — все неважно, пустяки,
за остальное спросит с меня Бог.
Забудутся печальные стихи —
несовершенные мои стихи —
земной недоработанный мой долг.

ОЛЬГА ОВЧИННИКОВА

Родилась в 1986 году в г. Верхняя Салда (Урал). Студентка Казанского филиала Нижегородского государственного лингвистического университета. Публиковалась в республиканской прессе. Лауреат Всероссийского конкурса детской литературы «Ступени» (2003), VII республиканского фестиваля поэзии «Галактика любви». Участник 3-го Форума молодых писателей России (2004).

МЕЧТА

Под небом дракон, не спеша, пролетал,
Ведь кто-то об этом Драконе мечтал.
Пускай он опасен и дышит огнем,
Но кто-то все время мечтает о нем.

Да вот этот кто-то стоит на балконе,
Упорно мечтая об этом Драконе.
И будет Дракон ему верно служить,
И будет с хозяином честно дружить.

А если тот вдруг перестанет мечтать,
Придется Дракону опять улетать, —
Отправиться в долгий заоблачный путь
К тому, кто мечтает о нем хоть чуть-чуть.

ПОЛИНА ОСИПОВА

Родилась в 1985 году в Казани. Студентка Казанской консерватории по классу фортепьяно. Публиковалась в журнале «Идель». Участник альманахов поэзии литобъединения Казанского университета «Белая ворона» (2003, 2004). Автор сборника стихов «Все дороги ведут в лето» (Казань, 2001). Лауреат VIII республиканского фестиваля поэзии «Галактика любви». Финалист Международного молодежного Пушкинского фестиваля искусств (Москва, 2000). Стипендиат программы Министерства образования Испании 2005 года (переводы испанской поэзии).

БУМАЖНАЯ ПТИЦА

Н.Г.А.

Молитва повисла
в беззвездности зимнего неба.
Окутанный розовой мглою,
звенит минарет.
А окна домов согреваются
золотом хлеба
И точками где-то затерянных
медных монет.
Бумажная птица,
дитя многокрылой тетради,
Лети, я тебя отпускаю
в спокойную тьму.
Там ветер тебя
в голубые снежинки нарядит,
Там птицы другие
с собою тебя не возьмут,
И ты, одинокая,
добрая белая птица,
Забудешься лодочкой
на ледяном берегу,
Но будут мне долго
сквозь лица и призраки сниться
Следы твои —
руны защиты на мягком снегу.

Стволы молчаливые,
слушая небо, застыли,
Звенящая нить минарета
подобна струне.
Стихи раскрывают
простые бумажные крылья.
И Счастье за синим окном
улыбается мне.

* * *

Два синих ангела к тебе с небес спустились,
Два детских ангела с пушистыми крылами.
Зажги свечу, чтоб в темноте не заблудились
Два легких странника, окутанные снами.

Зажги свечу на подоконнике унылом,
Зажги свечу перед поблекшею иконой —
И прочитай молитву, ту, что я любила
И записала на листке, упавшем с клена.

Украшь свой вечер голубыми рушниками,
Что словно мосты с небес на землю
Подарят встречу нам с тобой — под облаками —
И вновь разлучат, сокровенным ветрам внемля.

Ты будешь вновь один, среди своих мечтаний
За синим лесом, за рекой заледеневшей —
Но пусть хранят тебя, застыв на белой ткани
Два синих ангела, из детства прилетевших.

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Родился в 1962 году в Казани. Учился в Московском Литературном институте им. А.М.Горького, на филфаке Казанского государственного университета. Выпускник Высших литературных курсов (отделение критики — 1993). Публиковался в российской и республиканской прессе. Автор поэтических книг: «Весеннее счастье» (Казань, 1990), «Шалаи в раю» (Москва, 1991), «Улица Грина» (Москва, 1993), «Бой с тенью» (Харьков, 2004), «Рецепт невесомости» (Киев, 2005).

ИДЕЛЬ

Мне волна в колени тычется...
Солнцем высвечена мель.
Есть у Волги непривычное
имя плавное: Идель —

в ивняке оно колышется —
глаз судачьих огоньки.
Им, как сеном свежим, дышится
на закате у реки.

По-над матушкою Волгою,
возникая вдалеке,
проплывает песня долгая
на татарском языке.

И девчоночка на пристани,
в воду уронив платок,
заведет словами быстрыми
про Самару-городок.

И подхватят люди праздные
невпопад — не их вина.
Языки такие разные,
но мелодия — одна:

С крутизной речной излучины,
с блеском поймовой травы,
с криком чайчьим уключины...
и с круженьем головы!

Только стихла песня с пристани,
как волна прошла — и вот
ту девчонку голосистую
забирает пароход...

...на Идель спустились сумерки.
Успокоилась вода.
Говорит, склонясь над сумками,
рыбаку рыбак: «Айда».

И пацан, с косой сверкающей,
отдыхающей в стогу,
говорит «Пойдем» товарищу
на соседнем берегу...

БАЗАР

Казан без крышки, утром ранним,
кипит и булькает базар.
Летит с дыханья на дыханье
оранжевый весенний пар.
Покрыты инеем ворота —
сегодня так они малы...
Из овощей в подносах потных
вокруг завалы и валы.
Томится в оловянных мисках
не простокваша — просто «ах».
Висят, поблескивая сизо,
бараньи туши на крюках.
На досках мед растекался густо,
в крупинках сахарной пылицы.
Озябла кислая капуста.
Потрескивают огурцы...
Чеснок волнистой горкой сложен —
он лопнуть сам собой готов.
Благоухает очень сложный
набор кореньев для супов.
Вот тыква, что не меньше пуда —
весы не выдержат и те...
И, возникая, словно чудо,
Пылает клюква в решете.
Лоснятся крепкие орехи,
стекая золотом с руки.
Здесь — грецкими торгуют греки,
фундуком — видно, фундуки...
Над банками соленых груздей
старухи грузные стоят,

на шею нацепив, как бусы,
худые ниточки опят...
Традиционный частный сектор,
в папаху пахтанья налей!
Твой нос — необъяснимый спектр,
здоровый выродок полей!
Все — для желудка и для глаза:
цветы, обрывки сочных фраз...
Невиданна базара база —
казанский праздничный лабаз!

МИМОЗЫ

Продают мимозы у вокзала —
как цыплята, желтые они.
Бабка мне букетик навязала,
приказав: «Смотри, не урони!».

Как не уронить, такой он хрупкий —
поломаешь, если крепко сжать.
Руки жжет ненужная покупка,
надо встречной девушке отдать.

Вот, возьмите... Взгляд косой и резкий —
пролетела мимо. А вокруг —
люди. Снега мартовского всплески.
И мимозы искр с трамвайных дуг.

Талый снег пропах корой древесной,
почернел и сжался, как зола.
Ну какой придумать повод веский,
чтоб мимозы девушка взяла.

Может, их не дарят? Покупают,
чтобы что-то теплилось в руках —
доброты так людям не хватает!
Только сколько доброты в цветах?

Неужели хрупкие мимозы
заслужили столько доброты?!
Надо бы и нам, пока не поздно,
сохранять друг друга, как цветы.

ДАВНЕЕ

Я все усвоил в десять лет.
Я до сих пор десятилетний!
Конечно, паспорт — документ,
но состояние — конкретней.

Пылают двойки в дневнике
за неуменье подчиняться.
Рогатка меткая в руке —
нет веселее тунеядца!

И не пришла пора тужить.
И весела с девчонкой дружба —
она с подругами визжит
и убегает от лягушки.

Она — невеста, я — жених —
заборов утренняя сводка...
Июльским маревом дрожит
вокруг футбольная погодка.

Гудят с вокзала поезда —
они страшны, как лодка Леты.
А в сквере — щелканье дрозда,
и шорох фантика конфеты.

Во сне мучительный полет
растягивал мои суставы...
Тогда больней щипался йод,
а рыбий жир — отрава, право!

ПАМЯТЬ

«А помнишь!» — а что можно помнить?
«А знаешь!» — а что можно знать?
Нас памяти «скорая помощь»
опять выезжает спасать —

сквозь дымом насыщенный ветер,
по ступкам октябрьских листков —
фонариком лица осветит,
как темные стены домов.
Ну что, не живется на воле,
все тянет к родным берегам?
«А помнишь, как «мучились» в школе?» —
И легче становится нам...

ГОРНИСТ

Я в лагерь пионерский
горнистом прислан был.
Раздвинув занавески,
я по утрам трубил.

Трава едва качалась
и отражала свет.
Вожатая скучала —
ей было двадцать лет.

Сыграть меня просила
на горне, из кино,
где девушка любила...
а он любил вино...

И я, какая шалость,
кивая ей в ответ,
трубил, а получилось:
Подъем! или Обед!

ЩЕНОК

Садится на ботинок мой
смешной щенок у магазина.
Он просится ко мне домой,
он говорит: «Совсем один я».

Ну чем помочь? Им счету нет —
щенки, наивные, как дети,
бегут, бегут за нами вслед
по круглой деловой планете.

Пройдут, наверное, века,
пока пойдем, как нелегко им...
Начнем, научимся пока,
пренебрегать своим покоем!

До совершенства далеки
мы, люди с добрыми глазами,
когда бездомные щенки
бегут доверчиво за нами.

МОЙ ГОЛОС

Какие силы сделали меня,
развили мышцы, вытянули кости?
Расту... Устало пестует родня,
и полон мир любви, добра и злости!

Во многом полагаясь на весну,
разбрасываю почки между строчек.
И слово — не на вес, а — на весу,
не колокол пока, а колокольчик,

зато воспитан искренностью он,
а эти искры ночью не раздуло.
Имеет основания трезвон,
когда в глазах темно уже от гула!

И в ноябре гриппую я не зря...
Микстурой закален, не полукровка,
теряю шапку в дебрях декабря,
когда в ноздрях мороз, как газировка!

ЕСЛИ

Если прошлое позволит —
попаду к тревоге в плен.
Как живца меня проколет
правосудия безмен.

Потому что — волчьи ямы
и не весть, а невесть что.
Над страной великой явно
прохудилось решето.

Потому что замечаю,
чувствую такую шутку:
если карп в пруду мелькает —
рыбаки впускают щуку...

ЭХО

Покажется ли мне лесное эхо?
Кружу меж сосен, голову задрал:
в транзисторе грустит Эдита Пьеха,
чуть в сторону — уже Эдит Пиаф.

Морочит эхо в сумерках кромешных.
Еще не ночь, расстраиваться грех.
Споткнусь о кочку — давится насмешкой,
сорву орех — оно пеняет: «Эх!»

...Луна, как капсуль, в облаке сияет.
Сплошная тишь — ни треска, ни возни...
Ах, чтоб тебя... И эхо повторяет.
Такое повторяет, черт возьми!

ГЕННАДИЙ ПАУШКИН

Родился в 1921 г. в Казани. С 1-го курса истфилфака Казанского государственного университета ушел добровольцем на финскую войну (1940). Эшелон с добровольцами повернули на юг и поэт оказался на погранзаставе имени Героя Советского Союза Ветчинкина, которая 22 июня 1941 г. приняла первый удар немецко-румынских войск. От первого до последнего выстрела был на фронтах Великой Отечественной войны. В 1950 году окончил университет. Член Союза писателей Республики Татарстан. Работал в газетах «Комсомолец Татарии», «Комсомольская правда», консультантом Союза писателей Татарстана, председателем секции русской литературы Союза писателей Татарстана, руководителем литобъединения молодых авторов при музее А.М. Горького. Автор 20 книг поэзии и прозы. Заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель культуры Татарстана. Лауреат Литературной премии им. А.М. Горького (2004).

ТВОЯ КАРТОЧКА

Мы ночью плыли через Дон —
Хлестал волну свинец,
Свистела смерть со всех сторон —
И думалось: конец!..
Но вот уж берег недалек,
И сколько было сил,
В последний я вложил рывок —
И смерть опередил.
Как жизни, рад я был костру,
Продрогший до костей,
И, согреваясь, вспомнил вдруг
О карточке твоей.
Ее носил у сердца я —
Куда б ни шел — с собой.
И чудо: карточка твоя
Осталась сухой.
Гляжу — и снова узнаю
Родной овал лица...
Вот так бы ты любовь свою
Хранила до конца.

СЕРБСКОЙ ДЕВУШКЕ

Не сиди у изголовья,
Не зови меня судьбой:
Я храним другой любовью,
Не разгаданной тобой.
Пожалеть тебя не в силах —
Ты меня не упрекай.
Далеко моя Россия,
Далеко мой отчий край.
За балканскими горами,
В милой сердцу стороне,
Та, родная, вечерами
Все тоскует обо мне.
Притвориться нелегко мне,
Обмануть еще трудней.
Я тебя в дороге вспомню
Песней сербскою твоей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, земля родная!
Видишь: солдат живой.
Снова у волн Дуная
Встретились мы с тобой.
Больше б не расставаться
Нам с тобой на веку!
Буйно цветут акации,
Белые, точно в снегу.
Звонко сыплются с неба
Взбалмошные стрижи...
Как я давно здесь не был —
У пограничной межи!
Мы в боях научились
Сносить и тоску, и боль,
И, чтобы там ни случилось,
Я навсегда с тобой.

ТОПОЛЬ

Я тогда никому не сказал
По мальчишеской гордой привычке,
Что люблю голубые глаза
И смешные ее косички.

Тополь рос на соседнем дворе,
Чтоб она мою грусть разгадала,
Я на белой его коре
Ее вырезал инициалы...

Не измерить военных дорог.
Я солдатом прошел пол-Европы,
Все никак позабыть я не мог
Нашим детством отмеченный тополь.

Потому, возвратившись назад,
Где, нетронутый временем, рос он,
Встретил я голубые глаза
И красивые девичьи косы.

ГЛАЗА

Как хорошо, что ты умна...
Я вспоминаю миг тревожный —
Глаза, в которых даль темна
И светлячок над бездорожьем —
Лишь знак мерцающей звезды,
Пройдешь и две, и три версты —
Все будет степь под светом ложным,
И очага не встретишь ты.
Беда — той ночью заблудиться
И вдруг понять на полпути,
Что сил не хватит воротиться,
А эту степь не перейти.
Как хорошо, что на пороге,
Слепую умеряя страсть,
Ты свято удержала многих,
Не дав им без вести пропасть.

По пустынным улицам окраинным,
Позабыв, что есть на свете кров,
Тихо, безответно, неприкаянно
Горькая скитается любовь.
И опять за той приметной рощею,
Где сторают листья на весу,
Окликает в пору неурочную
Без вести пропавшую весну.

БЕРЕЗЫ

В резной листве звенели росы,
Перекликались соловьи,
И чутко слушали березы
Неясный зов моей любви.

Она пришла ко мне без спроса
Походкой легкою своей.
Дивились белые березы,
Как я покорно шел за ней.

Вели к желтеющим откосам
Едва заметные следы.
Молчали белые березы
У края счастья и беды.

И если скажешь, глянув косо:
«Все это было ни к чему»,
Березы, белые березы,
Я вас в свидетели возьму.

У любви есть небо голубое
И гряда летучих облаков...
Нам не надо ссориться с тобою
В этом небе из-за пустяков!

Знаем мы, что солнцу не погаснуть,
Что пройдут любые облака —
Подойди ко мне — все будет ясно.
Дай мне руку, где твоя рука?

Ночь нездешняя синяя
Проплывала в окне.
Ты лежала, красивая,
У меня на руке.
Времена, расстояния —
Все сместилось, слилось.
Обрывалось дыхание
В плеске желтых волос.
Ночь прошла, звездопадами
За окном пролилась.
Сердце билось и падало
В глубину твоих глаз.
В тусклой утренней замяти
Унесла ты красу —
И скитаешься в памяти,
Словно эхо в лесу.

ГЛУБИНА

Плывем, разгадывая тени,
Над нами Млечный Путь — как мост,
С него на паводок весенний
Бросает полночь горсти звезд.
В тиши, на глади вод отменной
Такая высь отражена!
Мы проплываем над Вселенной,
Где нет ни берегов, ни дна.
И в эту явь легко поверить...
Ведь ты сидишь передо мной —
И сердце с сердцем можно сверить
Над этой звездной глубиной.

Н.К.

Вольюсь я в травы и цветы —
И не заметят люди,
Как я ушел от суеты
Простых и вечных буден.
И, может, только ты одна
Шестым уловишь чувством,
Как наступила тишина
И в мире стало пусто.

И трава, и деревья,
И жуки, и дрозды
Жили древним поверьем
Незакатной звезды.
И стрижи ошалело —
С тетивы проводов —
Отлетали, как стрелы,
На макушки садов.
Под твоими глазами
Оживала волна
И к далеким причалам
Уходила, пьяна.
Белых ландышей снизка
Трепетала, звеня...
Как немисливо близко
Ты была от меня!..
Но когда закатилась
Золотая звезда?
Закатилась, простилась
Со мной навсегда.
Солнце всходит — заходит,
Спят сугробы в кустах.
Моя молодость бродит
Где-то в этих местах.

ТАТЬЯНА ПАШАГИНА

Родилась в 1965 году в Казани. Окончила Казанский инженерно-строительный институт (1987). Занималась реставрацией памятников архитектуры. Работает преподавателем живописи в Казанской государственной архитектурно-строительной академии. Член Союза художников Республики Татарстан. Публиковалась в республиканской прессе. Участник альманаха «Поэтический Олимп» (Москва, 2003). Автор сборников поэзии «Дела молодой луны» (Казань, 2001), «Перевоплощения» (Казань, 2004), прозы «Абсолютный возлюбленный» (Казань, 2000).

ЛЕТНИЙ САД

Вернуться в песнь берез
Назло наукам,
Принять себя всерьез,
Стать словом? Звуком?

Случайные слова —
Останки сути.
И — кругом голова:
«Со мной вы будьте».

Неясен смысл цитат
И клавишин коварен.
Однако летний сад
Тобой подарен.

ДЕЛА МОЛОДОЙ ЛУНЫ

Время лечит?
Слезы в глазах Весны.
Новая встреча
Лучше, чем вещие сны.

Чудный вечер:
Песни одной струны.
Косы, свечи,
Дела молодой Луны.

* * *

Я живу в суровом небе.
Там общаюсь с мудрецами.
Больше не нуждаюсь в хлебе.
Измеряю суть весами.

Если еще живы, люди,
Я прошу, в мой дом войдите.
Пейте, пойте и танцуйте,
Но обратно не зовите...

* * *

Я — Женщина,
Поэтому и должна
Оставаться дома
До тех пор, пока
Вырастут дети.
Все остальное — ваши стихи,
Игра, политика —
Меня не интересует.

РОМАН ПЕРЕЛЬШТЕЙН

Окончил Казанский инженерно-строительный (1990), Московский литературный (1998) институты. Учится на сценарном факультете ВГИКа. Публиковался в республиканской и российской прессе. Участник коллективного сборника поэзии «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991).

* * *

Еще не замешан бублик,
который последним в утробу
закатится.

Снег не подрублен
разбитого в сквере сугроба –
скуластого мелкого вала
еще не намыты углы,
не выстлалось ни кристалла.
Последней не выткалось мглы
для глаза, последней для слуха
заминки не вызрело в треске
поленьев.

Нам филин не ухал
еще, не пророчил в подлесе.
И все это поздно и рано,
скорее всего, между поздно
и утренней ранью органа,
где за руки взявшись, где розно,
добьется, дождетя, добудет.

Наводчик еще не впрессован
в складчатый фаргук орудий,
но я уже поцелован
тобою.

Уже поцелован.

* * *

Так чуда ждут. Так ждут второго чуда.
Я первого не в силах пережить.
Доглело сердце, высушен рассудок.
До вздоха, друг, расписан мой режим.

Я сам себе внушаю, мол, не сетуй,
Смерть своевольна, но вольна любовь!
Навстречу тьме иду, навстречу свету.
Случится ль чудо?.. Чудом станет вновь?

* * *

Как песни ваши дарственные, сирены.
А нежность так взыскательна, речиста.
Нет — не болтлива, как листва, морская пена.
Да — угловата, словно крепость-пристань.

Но взгляда испытующего жало!
Но голос, всхлипу вторящий лавин!
Где страх спасительный?
Где к женам верным жалость?
Возьми нас, море, или боль уполовинь.

* * *

Когда охватит и закружит
гроза мощный солнцем двор,
мечети шпиль, толщину лужи,
мой страх, твой смех и наш восторг —
как обруч зрения потуже
пригнать на радугу твой взор?

Как небесам не заблудиться
в предморье глаз, что так милы?
Вдвоем. Вдвоем, как нам лишь снится.
Завяли зорких роз углы —
длань лепестка жует десница
осенней измороси, мглы.

* * *

Будь узнана другими, мной воспета.
Будь познана другим, любима мной.
Тревоги гостьей, музою поэта —
и никогда любовницей, сестрой.

Когда же мной придуманные руки
меня огнем обнимут хворостин,
Господь подскажет мне, как бубна звуки
в чертополох волос твоих вплести.

* * *

Сегодня мне приснился собирательный образ
моей совести.
Это был друг, которого я обидел.
Он отводил глаза, когда здоровался,
отводил не вниз, а в сторону.
Потом мы с ним говорили о чем-то,
и вдруг я заметил, что у него
пластмассовое лицо,
мне даже захотелось щелкнуть,
но я не рискнул,
потому что образ был собирательный.

* * *

Однажды в детстве я побил рыжего мальчика.
Конечно, не потому, что он был рыжий.
Но вот что странно —
сегодня мне кажется,
что я побил его именно за это.

КЛАССНАЯ ПОДНОЖКА

Помню, на перемене девочка-одноклассница
дала мне классную подножку.

А вы знаете, что такое подножка во втором «Б»?
Сначала вы бежите, пол скачет под вами,
как деревянный конь.

Подножка. И ваш конь встает на дыбы.

Вы прижимаетесь к нему, лица одноклассников,
время как бы останавливается, оглядывается на вас.

Потом конь снова опускается

на передние ноги,

и на дыбы уже встаете вы.

Это девочка вообще как-то воинственно

дерзко мне улыбалась,

и это было уже во втором классе.

ЕЛЕНА ПИОТРОВСКАЯ

Родилась в Казани. Окончила Казанский государственный университет по специальности «История» (1988) и «Психология» (1993). Преподает психологию в Казанском медицинском университете. Публиковалась в республиканской прессе, в коллективных сборниках. Автор книги «Рассеивая детские печали» (Казань, 1998).

* * *

В городе дождь и немного вокруг пешеходов.
Кленов холодные темные листья дрожат.
Двое мальчишек, дурной не смущаясь погоды,
в дом со двора убежать не спешат.

Бродят по луже серьезные мальчики в куртках,
словно в лесу переходят глубокий ручей.
Маму не видят, но мама их видит из кухни —
вымокших, грязных, несносных своих малышей.

Мама в окно барабанит костяшками пальцев,
газ убавляет, спускается вниз, за детьми.
Спит за бутылкой с наклейкой «хлористый кальций»
муха случайная. Медленно варятся щи.

* * *

Никогда не готовилась к счастью.
Жизнь казалась жестокой борьбой.
Но встречалось людское участие
и светлел небосвод надо мной.

* * *

Кубарем скатываюсь с лестницы,
пересчитываю ступени.
Естественно, больно.
Все тело в синяках,
и с каждой ступенькой
сердце ухает в бездну.
Но в какой-то момент я вдруг замечаю,
что уже не чувствую боли.
Более того, мне становится весело
лететь вниз,
а оказавшись на самом дне,
я ...радуюсь:
больше некуда падать.
Больше некуда падать,
но есть шанс
встать на ноги
и начать все сначала.

* * *

Чем больше мной овладевает страх,
тем больше я хочу к тебе прижаться
и, лежа на груди твоей, впотьмах,
не думать ни о чем, не волноваться.
Хочу, чтоб показалось нам с тобой —
нет времени, нет этой круговерти,
где то и дело слышишь про разбой,
где все привычной говорят о смерти.

* * *

Мне в тягость нынче собственное тело.
Избавиться бы вовсе от него,
чтобы душа незримая летела,
и было ей, как облаку, легко.

СТИХИ СЫНУ

Открыто старое фоно.
Садись за инструмент.
Учись, учись, пока дано —
не упусти момент.
Прерви молчание, мой друг.
Дай клавишам узнать
тепло твоих несмелых рук,
работы благодать.
На свете столько разных бед —
бабуля не могла
отдать десяток долгих лет
урокам ремесла.
Шустрее мыши твой отец
бежал во двор играть —
поди добейся, чтоб малец
взял нотную тетрадь.
Душе без музыки темно.
Пусть будет посветлей.
Негоже старому фоно
быть полкой для вещей.

* * *

Опять прохожу по касательной.
Душа моя где-то вдали.
А ты обживаешь старательно
участок бесплодной земли.
Не дергаясь, не воспаря,
идешь к своему день за днем.
Мы время на споры теряем,
и вряд ли друг друга пойдем.

Пути наши не параллельны.
Мы словно огонь и вода.
Терпенье твое — беспредельно.
Сомненья мои — навсегда.

* * *

Какие бури истрепали,
какой огонь тебя спалил,
еще вчера веселый парень
в расцвете лет, в расцвете сил?

Не на войне, не на чужбине,
в своей квартире и стране,
сидишь, пьешь водку на рябине,
на что-то жалуешься мне.

Я вспоминаю день вчерашний
и тороплюсь уйти домой.
Боюсь, сама была не краше
минувшей сумрачной зимой.

* * *

Мне бы гибкость весенних ветвей,
мне бы тяжесть январских снегов —
быть слабее и быть сильнеей
в джунглях каменных городов.
Мне б остаться самой собой,
с чем-то высшим упрочив связь.
Втопчут в землю — взойду травой
от холодной росы серебрясь.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Извечный страх укорениться,
так, чтобы больше — никуда,
чтобы одни и те же лица
остались рядом навсегда.
Боязнь покрыться мхом зеленым.
Тоска по ветру перемен.
Но — холодок домов казенных.
Но — теплый свет домашних стен.
Еще — потребность знать, что где-то,
среди мельтешенья, суеты
есть постоянные предметы,
непреходящие черты.

* * *

Не тратя силы на сомнения,
не проклиная пыль дорог,
цветет зеленое растение,
вчерашний слабенький росток.
Какие в нас таятся силы,
как расцвести нам суждено,
не скажет мать, не знает милый,
и никому знать не дано.

* * *

Мне хочется ходить в зеленом парике,
с булавкою в носу, в оранжевых лосинах,
но я, увы, опять с портфельчиком в руке.
Лишь часики звучат, как маленькая мина.
Мне хочется взорвать привычный строй вещей,
устроить тарарам и светопреставление,
но я, увы, гоню шальную мысль взашей,
и продолжаю путь с невиданным терпением.
Порядок нерушим. Привычки — как смола.
Но говорили мне, что иногда бывает —
деревья в пляс идут, сама метет метла,
из длинных рукавов по птице вылетает!

МАРИНА ПОДОЛЬСКАЯ

Родилась в 1954 году в Казани. Окончила Казанский государственный медицинский институт (1977). Доцент Казанской медицинской академии. Член редколлегии журнала «Казань». Публиковалась в республиканской прессе, коллективных сборниках поэзии. Автор поэтических книг «Утро на Пушкинской» (Казань, 1997), «Жить противно» (Казань, 2001).

ДВОРЫ НАШЕГО ДЕТСТВА

Гене Архирееву

Когда последний ветхий дом
Падет под натиском комфорта,
Взглянув назад, пойдем с трудом,
Что там уже давно все стерто.

Все наши тесные двory,
Где были общими секреты,
В них, как воздушные шары,
В углах висели туалеты.

Каталась с горок детвора,
Варили квас, пекли ватрушки.
За всем с утра и до утра
Следили вечные старушки.

То был наш маленький Париж,
Где снег по вечерам так розов,
А крыши порыжевших крыш
Приподнимались от морозов.

Из этих собственных миров,
Где солнце расставляло пятна,
Виделась жизнь как колка дров —
Тяжелой, но вполне понятной.

И вот, конечно, не со зла,
А по бессилию людскому,
Она в конце нас привела
К холодному, чужому дому.

А где дворы живые те?
Среди железа и бетона
Шумят на маленьком холсте
И на квадратике картона.

КАЗАНЬ

Ты каков, кто скажет точно
На изломе двух веков,
Европейский ли, восточный
Град под сводом облаков,
Где горбатых улиц сети
Редкий празднуют улов —
Иглы тонких минаретов,
Чаши синих куполов.
Иерей псалом читает
Или суру муэдзин,
Над тобою птичьи стаи...
Мир един и Бог един.
Клён желтеет, стужа мает,
Или шествует весна,
Всем щедрот твоих хватает
Из золотого казана.
На ладони хоть по крошке
Немудреный твой уют,
Где, обнявшись, под гармошку
Песни долгие поют.
Кто любовь измерит в душах,
Кроме истины самой?
Ведь стоят Тукай и Пушкин
По концам одной прямой.
Севши в кресло между ними,
Точно мерить обречен,
Подставляет старый химик
Под рычаг свое плечо.
И проверено на деле:
Если зорко глянуть ввысь,
То увидишь — параллели
Над тобой пересеклись.

ФАРИДА РАСУЛЕВА

Родилась в 1948 году в Казани. Училась на мехмате Казанского государственного университета, окончила Ташкентский государственный университет (1974), Московский Литературный институт им. А.М.Горького (1979). Член Союза писателей Республики Татарстан. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Литературная учеба», «Идель». Автор поэтических книг «Пролог» (Казань, 1984), «Холодное утро» (Казань, 1989). Автор сценариев двух документальных фильмов.

ДАВАНИ

Над бабушкой моей остановилось время.
Дана ей пауза последних ясных дней.
Окаменевших лет прошедших бремя
дамокловым мечом висит над ней.

Из чашки невзначай вода прольется.
Какая старая ты стала, давани!
И, покраснев, стыдливо посмеется,
лапшу с тарелки на пол уронив.

Ну а потом лишь в сны подросших внуков
вдруг забредет через десяток лет.
Да на стене — до первого ремонта —
останется ее ладошек след.

* * *

Как странно жить одной на белом свете!
Как быстро вырастают дети!
Любимые любить перестают.
Наводишь в тесной комнате уют
и, вдруг устав, на все махнешь рукой...
так вот каков — прижизненный покой!

Я построю себе бастион или дот.
Стану жить в нем, укрывшись от грозных тревог.
Стану жить — говорить о случившемся я:
у меня, как у всех, появилась семья.

Будет дочь по утрам на рояле играть.
Будет муж в воскресенье ракеткой махать.
Станем жить мы, все трое — уже заодно.
Будет в море свирепом — отважный челнок.

Будут в дом наш друзья вечерами ходить.
Буду я тех друзей пирогами кормить.
Буду платья красивые лихо носить.
Позабуду беду, буду радостно жить.

Будет жизнь — как цитата из общего места.
Что же, жить мне без мужа, коль я поэтесса?!

ХОЛОДНОЕ УТРО

Клянусь, что не так уж и трудно
до самой до смерти дожить.
Какое холодное утро!
Приходится нам дорожить.

Не то,
чтобы мы отвернулись,
пройдя сквозь чистилище улиц,
от мудрости старых томов —
взросленья итог не таков:
мы жили в безумстве высоком.
А трезвость ждала впереди.

Спокойным, внимательным оком
на город родной погляди...

Холодная, трезвая бодрость,
дневная на лицах печать.
Я с городом раньше — боролась.
А надо его — изучать.

ГОРЕ

Горе сушит наши души.
Горе давит нам на плечи
и сужает кругозор.

Станут гложнуть наши уши.
Монотонны станут речи.
Тусклым — взор.
Перед горем на колени
упадешь.

Не по силам станет горе — пропадешь.

Станет истина отчетливо видна,
что тебе как человеку — грош цена.
Мама, как мне с горем жить?
Научи!
Как мне правильно тужить?
Не молчи!

Дочка, доченька моя,
без людей
горе будет в десять раз
тяжелей.

Дочка, доченька моя,
без труда
не осилить горький час
никогда.

Через силу, дочь моя,
улыбнись!
Жизнь не кончилась еще,
просто жизнь.

* * *

На свете стало очень мало
людей, читающих стихи.
Они одеты не по моде,
по-старомодному тихи.
Они удачливы не слишком,
живут немного невпопад,
их сберегательные книжки
хранят не слишком крупный вклад.
Они поверили поэту.
Он перед ними виноват?

ЗАВИСТЬ

Я одинока,
а у Наташи хорошие дети.
У Любы и дети, и внешность.
А у Светы заботливый муж.
Мы все дружим
и жалеем Лиду:
ей некому завидовать.
У нее и муж, и дети, и деньги, и работа,
и здоровье,
и она всегда знает,
что другого счастья на свете нет.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ

С нелепой старомодной лирой
среди потребительского мира
(где вам прожить совсем непросто)
в широких брюках не по росту
вы все шагаете по свету,
провинциальные поэты.

В столицах гам и шум, и тесно,
ругают звучно, хвалят лестно.
Быть в центре жизни, споров гуще,
конечно же, гораздо лучше...
Зачем живут на белом свете
провинциальные поэты?
И тех, кто строг, и тех, кто тонок,
вас вряд ли перечтет потомок.
Лишь у девчонки-пэ-тэ-ушницы
стихи вдруг вызовут истому.
Вздохнет она: сегодня душно
и что-то писем нет из дому...

...И окунутся в волны Леты
провинциальные поэты...

КАЗАНЬ

Город, в котором толчешься всю жизнь,
скверы и плиты могил.
Город, в котором толчешься всю жизнь, —
душу мою изменил.
Город, где каждый несет напоказ
долю и счастье свое,
где в гладиаторский бой без прикрас
шумно бежит пацанье.
Горькою складкой, залегшей у рта, —
знак измененья души —
город, где кварталов новых гурта
выросли в прежней глуши.
Город, в который приходит рассвет
сотни прессованных лет,
город, где прошлое сходит на нет,
но безысходности нет.
Город, в который стремилась сама,
если бывала вдали,
город, в котором сходила с ума, —
город обычный
Земли.

* * *

Мы живем в доме родительском.
Дочка молится с утра.
Под Твоим, Господь, водительством
Послужить и мне пора.

Позабыла ремесло свое.
Порастеряны ключи.
Лет двенадцать с половиною
Совесьть требует: «Молчи!»

Эти годы были карою
За предательство... Тогда
Стала глупою и старою
В эти страшные года.

Променяла, променяла я
Данный мне взаймы талант
На тщеславие лянное,
Стала бесу — адъютант.

Рифмовать теперь пытаюсь я —
Горький пепел и земля —
На меня в мозгу бросается
И кусается змея.

Ни читателя, как водится,
Ни издателя, поди...
Ну так к мати-Богородице
Напиши и припади:

Пресвятая Богородица!
Помоги стихи писать.
Ниспошли на строки нищие
Милосердно благодать.

* * *

Я хочу домой вернуться,
В светлый Отчий дом.
На земле мне жизнь дается
Тягостным трудом.
На земле смеются бесы
Над моей бедой.
Я хочу домой вернуться
С дочкой молодой.

* * *

Писала прежде я: мне счастья не надо.
Мне надо знать, что счастье — есть.
Из дальнего, неведомого сада
Вдруг донеслась ко мне благая весть.

Мне показали: жить нельзя без правил.
Мне воздух счастья переполнил грудь.
И Кто-то властно жизнь мою направил
На этот путь.

ТАТЬЯНА РАТНИКОВА

Родилась в 1949 году в Казани. Окончила Казанский химико-технологический институт (1972). Работала инженером, в настоящее время — на государственной службе. Публиковалась в республиканской прессе. Автор поэтических сборников «Пока дышу — люблю» (Казань, 1999), «Пока люблю — живу» (Казань, 2002), «Я — женщина твоя» (Казань, 2003).

* * *

Мне доставались сестринские платья,
Чужие (и не лучшие) мужья,
Мне посылались беды и проклятья,
Но разве их заслуживала я?

А мне хотелось до смерти обновки,
А мне хотелось принца на коне,
Любовь — не прятать, будто я воровка,
И чтоб ее дарили щедро. Очень. Мне.

А если будет, будет все, что надо:
«Карден» и «Опель», белый пароход,
Наверно, брошу деньги и наряды,
Лишь только тот, кто нужен — позовет.

ВЛАДИМИР РОЩЕКТАЕВ

Родился в 1945 году в Казани. Работал в газете «Вечерняя Казань», вел известную в 80-е годы рубрику «Литературные вечера». Публиковался в республиканской прессе, коллективных сборниках «Слово молодым» (Казань, 1969 и 1972). Ушел из жизни в 1999 году.

* * *

Пишу —
как прыгаю с трамплина:
неумолимо, как магнит,
бумаги белая равнина
меня пугает и манит.

А я впервые на трамплине,
и мне чуть-чуть не по себе.
А мастера неторопливые
с усмешкой: «Эй, не поседей!»

Внизу игрушечные деревца,
и мне от ветра горячо...
Меня отговорить надеются,
а я уж делаю толчок!

* * *

Уйду. Угрюмо. Не прощаясь.
И кончено. И мы — враги.
Но здесь
на лестничных площадках
останутся мои шаги,
мой голос
в телефонной трубке.
мое дыханье на стекле
и льдинки слов...

Возьми их в руки —
им никогда не потеплеть.
Мы в нашей боли, как в неволе:
юродствуй, хохочи, пляши —
но шумом праздничных застолий
ты эту боль не заглушишь.
Ловя внимание чужое,
чужие слыша голоса,
ты обернешься вдруг —
спиною,
почувствовав
мои глаза.

* * *

Я шел,
растерянный и нежный,
скользя по зыбкой мостовой.
В стеклянной будке, как в скворешне,
зевал спросонья постовой,
дышал в озябшие ладони,
сложив их лодочкой у рта.
На чей-то узкий подоконник
садились голуби.
Чердак
глухого дома за забором
гудел от эха крыльев.
Снег
ссыпался с проводов за ворот
и жег, не тая, как во сне...
Была зима, а может, осень —
такая странная пора,
когда ночами снег наносит,
а он стекает с крыш с утра.
Едва светало.
Переулком
прошла машина на шоссе,
разбрызгивая грязь,
и гулко
гремела цепь на колесе.

Куда я шел? О чем я думал?
Я сам не знал наверняка.
Я видел — вечер. Поезд,
душный

вагон. Движение сквозняка,
когда распахивались двери
и кто-то брел через вагон.
Тепло дышала ты. Доверив
моей руке короткий сон.

Твое лицо. Глаза. И снова —
твое лицо, твои глаза...
Морозный тамбур. Остановка.
Твой голос. Чьи-то голоса.

(Пусть будут горечь и сомненья,
но это — после, а сейчас —
упасть, как мальчик, на колени
и видеть близость этих глаз...)

И вот бреду по тротуару,
курю, рассеянно смотрю
по сторонам,
и плащ, как парус,
натягивается на ветру.
Мне надо верить, очень верить,
что наяву и в полусне
ты ждешь меня, как Беринг — берег,
и так же тянешься ко мне,
что ты живешь,
что сквозь разлуку,
сквозь расстояния, снега
мою протянутую руку
почувствует твоя рука...

Ах, наши вечные размолвки!
Как все становится ясней,
когда вот так расстались молча,
и ты один,
и этот снег...

СОЛОВЕЙ

*Памяти поэта
Геннадия Капранова*

В листве невзрачен соловей,
но разве дело в оперенье?
Он трелью одарит своей,
и это будет — озаренье.

...Среди прилизанных аллей
ты пел, подобно вольной птице,
не признавая букварей,
параграфов и репетиций.

Пел, как хотел. Пел — как летел.
Но и над бытом воспаряя,
всем телом чуял клетки тень:
она внутри была — грудная.
Поэта не загонишь в ряд!
Вот и выкидывал коленца,
покуда грозовой разряд
не оборвал надсаду сердца.

Стрела связала плоть и твердь —
два естества, катод с анодом.
Ты был Природой создан — петь.
И призвала к себе — Природа...

* * *

Николаю Алешкову

Благополучие — не благо,
и тишь да гладь — не благодать.
Нет, нужно самому сгорать,
чтобы обуглилась бумага
под гневным натиском пера.
И пусть один ты воин в поле,
но злая воля топора
бессильна перед правдой боли.

Мои друзья-шестидесятники
сплеча оковы разрубили,
ворвавшись дерзко, как десантники,
в окопы стылости могильной.

Но первым быть — вдвойне рискованно.
И вот предвестники весны
разобщены и ошельмованы.
Оттеснены, истреблены...
Теперь иное поколение
все те же флешки атакует —
вслепую, до самозабвения,
не сознавая, чем рискует.

Но и в азарте революций
расчет и выдержка нужны:
не дай вам бог, как нам,
очнуться
в стране воинствующей лжи,
где все свободы — миражи.

РАЗРЫВ-ТРАВА

После долгой поры молчания,
немоты, пустоты, отчаянья —
подступили к горлу слова.

Так под снегом
в предчувствии таянья
копит силы для прорастания
молодая разрыв-трава.

Вот она набухнет, проклюнется
и отринет постылый гнет.
Злых метелей вчерашняя узница
свет апрельских лучей привлечет,
а сугроб поникнет, ссутулится
и по самой обочине улицы
мутноватым ручьем стечет...

АННА РУСС

Родилась в Казани в 1981 году. Окончила Казанский государственный университет. Студентка Московского Литературного института им. А.М.Горького. Публиковалась в журналах «Новое литературное обозрение», «Арион», «Идель», «Квадратное колесо». Участник коллективных сборников поэзии «Анатомия ангела» (Москва, 2002), «Новые писатели России» (Москва, 2004), «Братская колыбель» (Москва, 2005). Лауреат Всероссийских премий «Дебют» (2002), «Открытая Россия» (2004). Участник Международной книжной ярмарки во Франкфурте (2003).

* * *

Мы рядом проснулись — я и она —
Двулики. Единороги.
И я говорил о деталях сна —
Она говорила о Боге.
Потом мы пили — я и она —
Живительной влаги потоки.
И я говорил о свойствах вина —
Она говорила о Боге.
Потом мы боролись — она и я —
Сцепивши руки и ноги.
И я источал потоки вранья —
Она говорила о Боге.
Потом мы лежали — к спине спина —
Ничком на пыльной дороге.
Слова растеряв, я был нем как стена —
Она говорила о Боге.
Потом я укрылся в свой дом, а она
Осталась стоять на пороге.
Она твердила: «Твоя вина!»
Но я говорил о Боге.

* * *

...Кузина неожиданно в декрете,
У всех знакомых разом стали дети,
Похоже, дело близится к войне.
Расти, где хочешь. Это не ко мне.

А у меня — начало новой эры,
Аквариус! Вот содраны вольеры,
Вот люди в люди вывели зверье...
Вот наше невеселое белье
В такой дремучий узел задушила
Дешевая стиральная машина,
Что на твое-мое не разгрести.
Отжим, и сушка пробует ползти.

Вот два лица — одно из них чужое,
Хоть жизнь живи и наживи добра,
Потом дели, и черт с ним, и ура,
Но смотришься, как в зеркало. Ужо я!
А ты, сестра, как думала? Терпи,
Юбофь вернется — сядешь на цепи,
Награду примешь в маленькую пасть,
Ошейник греет, цепь не даст упасть,
Отец коляску тащит на горбу,
И новый снег улегся на трубу.

* * *

Никогда не кончиться детству, голубому шару не сдуться,
Детство будет манить загадками и заветными звать местами,
Баба с дедой не поседуют, мама с папой не разойдутся,
И пломбир в стаканчике вафельном никогда дороже не станет.
Никогда семья и работа в перспективе не замаячат,
Никогда с одежды нарядной не исчезнут банты и рюши,
Никогда не сломается кукла и не лопнет любимый мячик,
Никогда не умрет артистка, говорящая голосом Хрюши.
Будет обувь всегда на вырост, будут слезы обиды сладки,
Никогда любимого мальчика не заменит любимый мачо
...а река обретает форму безутешной плюшевой лапки
и несет в открытое море мой веселый и звонкий мячик.

РУСТЕМ САБИРОВ

Родился в 1951 году в Казани. Окончил Казанский финансово-экономический институт (1973). Член Союза писателей Республики Татарстан. Публиковался в российской и республиканской прессе. Участник ряда коллективных сборников. Автор книг прозы «Прощание с ангелом» (Казань, 1991), «Странные истории» (Казань, 1997), «Конец лабиринта» (Казань, 2000). Лауреат Литературной премии им. А.М. Горького (2004).

* * *

Я говорю, волнуясь, осторожно
на отчет языке. Как по канату
иду. А в общем-то и должно
так говорить на отчет языке.
Когда бы не проклятое незнание.

Когда же пелена косноязычья,
незнания рассеется на миг,
я ощущаю тихое величие
и простоту родного языка.

Текут слова горячим, мягким воском,
теряя очертания. Порой
они звучат далеким отголоском
предшествовавшей жизни...

Мне кажется, я был уже когда-то,
бродил, как тень, по этим мостовым.
Купцом глазастым? Дервишем? Солдатом?
Базарным вором иль мастеровым?

И запивал арабскую молитву
протяжной песней, обжигавшей рот.
А город слушал строго, молчаливо,
все свои судьбы знавший наперед.

Что было дальше? Нечего прибавить.
Ни звука не отнять у тишины.
Лишь, как волна, выбрасывает память
песчинки слов из темной глубины.

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Природа не боится повторений.

В.Баширов

Природа не ведает, что творит.
Как ветреная ученица,
она не боится себя повторить
и некуда ей торопиться.
И тысячи раз по частям отражен
в частицах разрозненных — разом,
огромным колышущимся витражом —
вселенной блуждающий разум.
Беззвучно и скрытно дает имена
твореньям своим бессловесным...
И эти утраченные письма
настойчиво и бесполезно
пытается восстановить человек,
безумец, слепец, обреченный
на неизмеримо короткий век,
торопит свой разум заемный,
повтора боясь, как потери,
в себя до конца не поверя...

И горечью тянет от каждой строки,
от чертовой этой работы.
И он оставляет лишь черновики,
как будто надеясь на что-то —
когда-нибудь все же найти и прочесть,
недолгую жизнь свою скомкав,
собрать воедино сумбурную взвесь
развеянных в небе осколков.

ЛЕТО

В одном забытом богом переулке,
в глухом дворе, среди домов-скворешен
и тополей, опутанных гирляндой
живого, разноцветного белья,
сидели двое: мальчик и художник.
Один, многозначительно прищурясь
и бормоча под нос лихой мотивчик,
двор рисовал.
Другой же исподлобья
смотрел то в глубь двора,
то на картину.

— Ты здешний, что ли, паренек? —
спросил художник,
не отрываясь от холста.
— Вообще-то здешний.
— Ну как, похоже?
— Ничего, похоже.
— А все-таки? Скажи, тебе ж виднее,
я тут впервые, может, что не так?
— Вон там, смотрите, у собачьей будки
висят качели. Вы их позабыли...
— Ишь ты, и верно, — засопел художник, —
я думал — так, болгается веревка.
Сейчас, сейчас... Качели так качели.

— Потом, вон там стояла голубятня
на крыше. Но ее вчера сломали...
— Чего сломали-то?
— А умер дядя Гена. Кому она теперь,
вот и сломали.
А вы рисуйте, все-таки была.

И долго так вдвоем они сидели,
и спорили, и радовались вместе.
И два двора, два мира оживали —
и на холсте, и стиснутый домами.

И весело распахивались окна,
кусочком неба вспыхнув на мгновенье.
Кружили голуби,
и пыльный ветер
играл с бельем, качался на качелях.

А ЕСЛИ ЕСТЬ...

Разбужен плачем.
Сразу не пойму,
в чем дело — сын в кровати, съезжив плечи,
испуганно таращится во тьму,
бормочет на своем смешном наречьи.

Встаю и, торопясь, включаю свет,
и что-то объясняю суетливо:
— Ну хватит, что ты, никого там нет,
а если есть, мы их прогоним живо.

И мы встаем, распахиваем дверь,
руками машем и кричим нестройно.
Всю нечисть мы прогнали, и теперь —
какое счастье! — можно спать спокойно.

И снова погружаемся во тьму
и, позабыв полуночные страхи,
мой сын заснул.
Наверное, ему
уже приснились хорошие собаки.

А я, зевая, подхожу к часам.
Потом крадусь на кухню осторожно.
Курю, и отчего — не знаю сам,
становится печально и тревожно.

* * *

Свобода — приглашение из ложи
туда — под самый купол, на канат,
где все вокруг отчетливей и строже,
но нет ни наставлений, ни команд.

И тишина царапает по коже
ознобом, и приковывает взгляд
не пустота заслуженных наград,
а высота, пугая и тревожа.

И шаг неверен наш, ладони взмокли.
Мы слишком долго пялились в бинокли
и слишком долго щурились на свет,
внимая соблазнительным советам,
что всем, согласно купленным билетам,
достанется удача и ответ.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья — слышат, летом и зимой,
уставясь ввысь незрячими глазами.
И то, что мы считаем тишиной —
неистово клокочет голосами.

Где полон смысла каждый звон и хруст.
Весь мир вокруг таинственный и гулкий.
Слепцы, они ощупывают звуки,
вбирают их и пробуют на вкус.

Мигает время — темнота и свет,
и смерти нет, хоть и бессмертья нету,
не все ль равно когда, какая ветвь
ладонью влажной прикоснется к небу.

Закон незыблем, но и не жесток,
покуда сверхразумное железо
рассчитанный, продуманный итог
не подведет слепой стихии леса.

Боль коротка — от почвы до вершин...
И слухом, обостренным до предела,
они внимают голосам чужим
и шороху поверженного тела.

* * *

Вокзал пропитан суетой,
дым поездов щекочет ноздри.
Здесь надо стать самим собой,
жизнь разделить на «до» и «после».
Шутить, кривить в улыбке рот
и бормотать, о чем придется,
и врать о том, что все пройдет,
и врать о том, что все вернется.

Вагон, невымытое окно...
Прощанье кончено.
Счастливо!

И, как в замедленном кино,
вдруг поплывут неторопливо
деревьев чахлая листва,
слова, бессмысленные жесты,
мосты, составы, силуэты,
перрон, ларьки,
асфальт, трава...

И все быстрее карусель,
в окне летящая белесо.
Я через тамбурную щель
окурок брошу под колеса.
И я спокоен, мне знаком
вагонов перестук ленивый.

От двери тянет сквозняком,
и, как назло, сосед болтливый.

РУСТАМ САГИРОВ

Родился в 1952 году на Украине. Окончил Казанский авиационный институт (1976). Работал в конструкторском бюро. Публиковался в республиканской прессе, в коллективном сборнике «Ради жизни на Земле» (Казань, 1985).

* * *

Ее квартира, как музей.
Вот фотографий ряд —
на них она среди друзей
на фоне баррикад.
Вот муж, «Георгий» блестят,
поручик молодой,
а рядом он же у коня —
буденновец-герой.
В боях за Перекоп убит
лихой поручик-франт...
В шкатулке словно кровь горит
красногвардейский бант.
Два сына было у нее,
два парня хоть куда.
Обоих подняла в ружье
народная беда.
Неделя не прошла войны,
о старшем ей письмо:
«Ваш, —
защемило сердце, — сын...»
в глазах поплыло все.
А младший без вести пропал.
Ждала, ждала, ждала.
Послевоенный наш вокзал
освободителей встречал —
встречала и она.
Глаза искали в толчее
родимые глаза,
но вот уже вернулись все —
и потускнел вокзал.

Совсем одна. На всей Земле
ни мужа, ни детей.
И очень захотелось мне
стать родственником ей.
Хотелось слышать «да» в ответ
из всех ребячьих сил.
И вот, боясь услышать «нет»,
я тихо попросил:
«Можно, я буду Вашим внуком?
Я буду очень стараться,
чтобы Вам не пришлось
за меня краснеть».

СМЕРТНОЕ

Пора о смерти думать —
по дедову закону
был куплен дефицитный
на саван матерьял...
Но вот в семье прибавка —
коляска на балконе,
и в доме громко-громко
внучонок закричал.
И все переменилось —
кормежка, стирка, глажка.
Вновь испеченной бабке
прибавилось забот.
И вот, зайдя однажды
к ней в комнату, увидел —
из савана пеленки
она для внука шьет.

ДИНА САДЫКОВА

Родилась в 1986 году в Казани. Студентка филологического факультета Казанского государственного университета и факультета дизайна легкой промышленности Казанского государственного технологического университета. Публиковалась в журнале «Идель». Лауреат VIII республиканского фестиваля поэзии и авторской песни «Галактика любви» (2005).

* * *

В ладонях ветра таяло волнение,
Как хрупкий лед с прожилками тоски,
Немого шепота и гул сердцебиенья —
Большие, влажные дрожали мотыльки.

Стрелой пронзенные и светом откровенья,
Душой проникнув в твердость теплых тел,
Неотделимые от глины вдохновенья,
Раскрылись крылья жадной пустоте,

И по земле бесчувственные тени
Скользнули, крыльев повторяя взмах,
Свободные от круга превращений —
Не зная боли первородный страх.

* * *

Не надыхаться этим небосклоном,
И синяя река, втекая в грудь,
Несет меня, преображая лоно
Бессмысленных печалей — в дивный путь.

Стою на берегу крутом, и только ветер
Роняет тень бессмертия и сон
На болгарскую даль в седом рассвете,
Где бьется вечность с миром в унисон.

Узор души моей таинственной волною
Вплетен в ее поля и так же тих:
Трепещет бабочкой очнувшейся, живую
В глазах моих — и дышит жизнью стих.

* * *

Окно в поэта — выход на восход;
Попробуй разгадать, откуда
Берется музыка безудержных высот
И падает в бессонную причуду?

Грибная сырость, торопливых струй
Дождя осеннего имбирная прохлада.
Я слышу дрожь — прощальный поцелуй
Аллеи увядающего сада.

Дары прозренья, горечь от потерь
Теплом уходят в улицу ночную.
Я все запомню и открою дверь,
Наполнив светом музыку слепую...

* * *

Бледный шифон — еще не зима
В кружеве веток озябших.
Видишь, зажглись уже окна в домах,
Милых, простых, настоящих.

Душу создавший не слеп и не глух,
Сердце мое не пустыня:
Теплой ладонью прижавшись к стеклу,
Буду вдыхать твое имя.

Хочется только... быть рядом с тобой,
Чувствовать крепкие плечи.
Виолончелевый бархат ночной
Грусть мою памятью лечит.

МАНСУР САФИН

Родился в 1949 году в Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончил Оренбургское зенитно-артиллерийское училище, Казанский государственный университет. Член Союза писателей Республики Татарстан. Служил офицером-ракетчиком, работал инженером на КамАЗе. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат литературной премии Союза писателей Республики Татарстан им. Ш.Маннура.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

Опять звонят колокола.
И снежный плед воспоминаний,
Скорбя, накинула страна:
Высоцкий жив,
Высоцкий с нами.

Поземкой мечутся слова,
С заметной хрипотцой гитарной,
И, сдерживая плач едва,
В ветра печаль влетают барды.

Не только Влади, мир-Вдова
Стоит у свечек поминальных,
И песнь Его всегда нова,
И с каждым днем
исповедальней.

НАРГИС САФИНА

Родилась в 1959 году в Чистополе. Окончила филфак Казанского государственного университета (1985). Работала в детском саду. Публиковалась в газетах «Казанские ведомости», «Молодежь Татарстана». Автор сборников стихов «Солнцестояние» (Казань, 2002), «Песня первой любви» (Казань, 2004).

* * *

И Солнышко снова взойдет, —
Но Ты меня больше не любишь...
И птица в ночи запоет, —
Но Ты меня больше не любишь...
Земля так свежа и прекрасна, —
Но Ты меня больше не любишь...
И то, что люблю я — напрасно,
Ведь Ты меня больше не любишь.

ОЛЬГА СИМОНЕНКО-БОЛЬШАГИНА

Родилась в 1968 году в Одессе. Окончила Казанское театральное училище (1990), Московский Литературный институт им. А.М.Горького (1998). Публиковалась в газетах «Вечерняя Казань», «Вечерняя Одесса», журнале «Простор» (Алма-Ата). Один из авторов коллективного сборника поэзии «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Живет в Москве.

* * *

Если будет такая возможность,
напиши мне еще до отъезда,
чтобы с книжными полками стены
запестрели узорами друга, —
прошлых лет аппликацией странной,
так похожей на все наши судьбы.

Чтобы в настезь открытые окна
залетали случайные звуки,
и, уткнувшись в углах в паутину,
повисали на призрачных нитях.

Хорошо бы, фонарь у дороги
затянул свою старую песню
и, пытаясь догнать наши тени,
бестолково качал головою
с тусклым индокитайским лицом.

* * *

Печален отрешенный вид
подслеповатых переулков,
в них веком прожитым сквозит,
в домах аукается гулко.

На тросах люльки маляров
вдоль стен качаются дремотно, —
в кольце покинутых дворов,
как в гавани судоремонтной.

А где-то в городской черте,
в шестнадцатипятиэтажных скалах,
в пещерки втиснуты все те,
в ком жизнь еще не расплескалась.

* * *

Я полюбила эти улицы,
к лицу им нить фонарных бус.
И даже крест, где мост сутулится,
мерещится мне знаком «плюс».

Шагами нашими встревоженный,
топорщится речной атлас
вдоль берегов рукоположенных,
а звезд, как яблочек на Спас.

И в благодарность за копеечку
картуз снимает с козырька
бомж, опираясь о скамеечку,
преображенного полка.

* * *

В этом городе старом
на вечерних улицах,
разойдясь по парам,
фонари целуются.

Ночь себе посвятили,
будто новобрачные, —
лучше бы посветили
берегам булачным.

У притихших вод
проточного Булака
на счету народ,
уцелевший в драке.

Кто полировал Кабан
своим анфасом и профилем,
тот не местный хулиган,
а ханский крестник и профи.

Тому вспоминать нередко
на крещенском морозе,
как золото предков
греет со дна озера.

Как фонари гаснут
сквозь толщу рассвета,
как жизнь прекрасна
по ту сторону и по эту.

* * *

1

Дремали травы перезрелые,
с небрежной сумеречной нежностью
к земле клонились. Их окутывал
туман прозрачным забытьем.

И нашей жизни, будто не было —
в течении речном, по небу ли
мы кочевали щепкой, облаком —
во всем был мир и мир был всем.

2

Дремали травы перезрелые,
с небрежной сумеречной нежностью
к земле клонились. Неизбежностью
казался мир в конце концов.

За перелесками, дубравами
и небеса казались травами,
там звезды падали озимыми
на пашни дедов и отцов.

1

Мой терем снегом занесен
И сладко убаюкан мною.
Кругом покойно. Краткий сон:
За деревянную стеною
Как будто счастье у печи
Сопит и бархатно зевает,
И тень игольная свечи
Меня, как бабочку, пронзает.

2

Заснеженный припомнишь терем,
Когда сумерничает дом,
И бродишь светел и потерян,
И не находишь места в нем.

И, победив, к ее ключицам —
С одним желанием уснуть.
Но луч рассветный просочится
В твою пресыщенную грудь.

И все, к чему он прикоснется,
Упрется в сердце острием
И новой жизнью обернется,
И забормочет о своем.

И с этой раной пробужденья
Ты будешь очень долго жить.
И всюду будешь находить
То паутины звонкой нить,
То погремушку у печи,
То тень игольную свечи.

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

Родился в 1953 году в Бресте. Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1975). Член Союза журналистов России. Работал на телевидении, «Молодежном канале» радио. Песни пишет с 1970 года преимущественно на свои стихи. Первая песня — «Гитара». Лауреат Грузинского и других фестивалей. Вышла пластинка на фирме «Мелодия», книга стихов, аудиокассеты, компакт-диски.

* * *

В детство впадать прекрасно, дней так на пять, на семь.
Больше уже опасно — можно остаться совсем.

Мелом раскрасить стенку, сделать штанишки из брюк,
Чуть расцарапать коленку, с Вовкой удрать на юг.

Сделать начальству рожки, с кошкой прийти в отдел,
Шефу поставить ножку — чтобы он полетел.

Дернуть жену за косичку, с тестем залезть под стол,
Вместо захода в «пичку» распасовать в футбол.

Купленную машину сразу же разобрать,
Гвоздик засунуть в шину, руль по двору гонять.

Сунуть в сиденье спицу — лучше бы не одну,
И позвонить в больницу — чтоб забрали жену.

В детство впадать прекрасно, дней так на пять, на семь.
Больше уже опасно — можно остаться совсем.

ФОТОГРАФИЯ

Вот фотография. На ней я в колыбели
И руки матери заботливо меня
Баюкают под монотон капели,
Закутав в шелк безоблачного дня.

Еще никто без жизни стойкой маски,
Без принципов, иллюзий и идей,
Я — холст бери и, смешивая краски,
Рисуй картину вечности моей.

Рисуй мечты чуть розоватым цветом
Во всем величьи праздничных одежд,
Рисуй мечты, но не забудь при этом
Про темный фон несбывшихся надежд.

Наметь лиловым праздные заботы,
Размытым красным цветом покажи
Все воскресенья, вторники, субботы,
Свободные от вынужденной лжи.

Все пятницы, что прожил я с друзьями,
Все четверги, что прожил я без них.
Пусть на других бесцветными глазами
С холста глядит не узнанный двойник.

Вот фотография. На ней я в колыбели
И руки матери заботливо меня...

Спокойно, кисть. Иссякли акварели.
Вот фотография. Вот фотография...

* * *

Ой, бегут, бегут лошадки, круг за кругом в никуда,
У лошадок хлеб не сладкий, нынче с сахаром беда,

Да разве ж только в этом дело, нынче в душах нелады,
Серым камнем затвердело ощущение беды.

А может, выйти напрямую, разогнавшись на кругу,
И пуститься в плясовую с рысаками, на бегу,

Чтоб остались за плечами расписные миражи,
Чтобы треснул серый камень от движения души,

Ведь, пока бегут лошадки, теплым воздухом дыша,
Всё как будто бы в порядке и жива еще душа.

ТРЕХКОЛЕСНЫЙ СО ЗВОНКОМ — ДЕТСТВО...

Трехколесный со звонком — детство.
Фотография желта — старость.
Нос-морковка, снежный ком — детство.
Две морщинки возле рта — старость.

Через лужу за мячом — детство.
Что там светит за окном? — старость.
Паутинка-паучок — детство.
Трехколесный со звонком — старость.

И куда ж могли года деться?
Что-то мало их совсем осталось...
Разбросало их везде детство,
Да не может отыскать старость.

МИХАИЛ СКОРОХОДОВ

Родился в 1926 году в Чистополе. Окончил Московский Литературный институт им. А.М.Горького (1952). Член Союза писателей СССР. Работал журналистом на севере. В 1967 году вместе с Дмитрием Буториным на карбасе «Щелья» совершил путешествие по древнему пути поморов вдоль побережья Ледовитого океана, за которым следила вся страна. Автор более десяти книг поэзии и прозы, в том числе «Лицом к океану» (Москва, 1958), «Человек в тундре» (Архангельск, 1960), «Превосходящие силы» (Архангельск, 1961), «Путешествие на «Щелье» (Москва, 1972), «Дети огня» (Москва, 1976). Ушел из жизни в 1994 году.

ПУШКИН И ТУКАЙ

Прими, как дар, прекраснейшие строки,
Храни в душе, любимой вслух читай.
Учители, волшебники, пророки —
У русских Пушкин, у татар Тукай.

Есть две страны — Кырлай и Лукоморье,
Они чудес и сладких тайн полны.
О, как нам любы — до сердечной боли! —
Навеянные гениями сны.

В ночной тиши приходит кот ученый,
Златая цепь звенит в прозрачной мгле.
Шумит, шумит кырлайский бор зеленый,
И бродит по урману шурале.

Свои святыни, гордость поколений,
Народ народу преподносит в дар:
Становятся все ближе, все роднее
Тукай для русских, Пушкин для татар.

* * *

Словно лучших друзей вспоминаю,
С детства памятли их имена,
Словно песню пою, повторяю:
Волга... Кама... Онега... Двина...
Подружились с народом навеки,
С незапамятных древних времен
Работающие русские реки,
Колыбели славянских племен.
И у каждой такая осанка —
Глянешь, трудно глаза отвести.
Хороша ты, река-россиянка,
В мире краше тебя не найти.
На реке мне и горе в полгоря,
Вырос я на речном берегу.
Как-нибудь проживу я без моря,
Без реки я прожить не могу.

* * *

Над белой тундрой море света,
Но крепко-крепко спит она.
Озера в ожиданье лета,
Наверно, вымерзли до дна.

Морозом высушены ветры.
Покрыты льдами берега,
На десять тысяч километров
Легли полярные снега.

Сурова здешняя природа,
Здесь под ногами вечный лед,
Но сердце на любых широтах
Родную землю узнает.

ВИКТОР СМИРНОВ

Родился в 1940 году в Казани. Окончил Казанский педагогический и финансово-экономический институты. Публиковался в республиканской прессе. Автор сборника стихов «Лирические тетради» (Набережные Челны, 2002). Ушел из жизни в 2004 году.

* * *

Живу, как дерево в божественном саду, —
все двойственно вокруг и противоречиво, —
корнями под землей на ощупь я бреду,
вершиною смотрю на небо сиротливо.

Ищу с надеждой путеводную звезду,
зодиакальный знак приливов и отливов,
чтоб углядеть в грядущем радость и беду,
проникнув в глубину космических порывов.

Пусть райская земля напоминает пух,
в корнях моих бегут живительные соки,
но из-за бури, зноя и людской мороки
паршивеют плоды и увядает дух.

Бездарный труд тяжел и вызывает ропот:
живу в раю со скверным гороскопом.

Любая вещь есть сумма ощущений.
Она в себе потоком чувств живет.
Но убери у мысли направленье —
исчезнет смысл, материя умрет.

Все существует в мире отношений.
Нет постоянства в царстве перемен.
Лишь двойственность понятий и явлений
дает субъектам ложный феномен.

Листаю мысль направо и налево.
Уж не пойму — где Бог, где Сатана,
где потаскуха, где Святая Дева...
Но говорят, что истина одна.

ЕВГЕНИЙ СОЙКИН

*Один из авторов коллективного сборника «Приметы века»
(Казань, 1974).*

ДВЕ СТОРОНЫ

Нам чужды были мячики и «классы»,
мы были не мальчишки — пацаны.
Мы сразу разделились
в первом классе
на два отряда,
на две стороны.

И не было врагов на свете больше нас,
дрались, так до победного конца.
В один отряд входила безотцовщина,
в другой — все те, что были «при отцах».

Шли похоронки и с Днепра,
и с Львовщины,
а с ними разрастался наш отряд.
К концу войны в отряде «приотцовщины»
остались двое из восьми ребят.

Спустя два года мы решили,
можно нам
к себе вписать и эти имена:
Николку — за отцовское безножие,
а Ваську — за отцовы ордена.

БЕГСТВО

Я помню, как стоял у стенки дома
и мерял рост,
на цыпочки вставал.
И шурился покойный дед Ерема:
«Я точно так же с детством воевал...
Оно уйдет само,
без понуканий...
Эх, глупо дело, глупые года!..
Вцепись-ка лучше ты в него руками!..»
Я деда дураком считал тогда.

Потом —
скорей бы кончить семилетку.
Скорей бы появилась борода.
Казалось, из отряда малолеток
во взрослые не выйду никогда.

Потом —
скорей познать любви секреты,
скорей измену первую забыть,
скорее сбросить разные запреты,
скорей самостоятельно пожить,
скорее приобуться-приодеться.
Спешил, спешил,
на все педали жал.
...Вцепился бы зубами в свое детство,
да поздно.
От него я убежал.

РОМАН СОЛНЦЕВ

Родился в 1939 году в Мензелинском районе Татарстана. Окончил физмат Казанского государственного университета. Работал в геологических партиях, физиком. Член Союза писателей России. Член русского ПЕН-клуба. Автор более десяти сборников стихов и прозы, ряда пьес. Главный редактор литературного журнала «День и ночь». Живет в Красноярске.

* * *

Снег выпал — как в праздник счастливый билет!
Он чудный... он, знаете, белый, из снега!
Он выпал — на Марсе споткнулся поэт...
А снег на земле — он и справа, и слева!

Сюда выходи! В этот белый разбой!
В мельканье! В паренье! Немедленно! Тотчас!..
Ты тихо составишься передо мной
из синих, из черных, из розовых точек...

И будет годами загадочна речь!
И нет на планете любви безответной!
И стану я видеть тебя и беречь
до самой последней до точки бесцветной!..

* * *

Пламя политики душу сжигает,
если наивен — со свету сживает.
В полночь и полдень доносятся с поля
крики: ура!.. демократия!.. воля!..
В нынешнем нашем разгуле, распаде
очи блестят, как на грозном параде.
Только страшусь я в великой печали:
может, пока мы отважно кричали...

Какая радость называть
предмет его названьем точным:
звезду — звездою, дрянью — дрянью,
что ходит с видом непорочным.
Хоть нету ханжеству конца,
так объявлять и днесь, и завтра
и гения, и подлеца,
и сладкоустого мерзавца.
И даже если через час
тебя за это ждет расплата,
идешь себе — ума палата,
свет — как у Моцарта из глаз...

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЭТЮД

Девочка пьет воду из реки,
оперла о белый камень руки,
а со дна реки в ее зрачки
смотрит черное лицо старухи.
А поодаль, выйдя на мостки,
пьет старушка из-под белой челки,
а со дна реки в ее зрачки
смотрит зыбкое лицо девчонки...

Потемнели сады, потемнели,
осыпается яблонный цвет.
И я понял на этой неделе —
в быстром мире бессмертия нет.

Все уйдет, даже дерево это,
хоть веревкой к дверям привяжи...
Будет вечно меняться планета
то в песках, то в сиянии ржи.
Будут звезды кружиться бесстрастно,
замечая лишь мельком ее...
Отойди хоть на шаг! Ты прекрасна!
Дай подумать про небытие!..

ПЕСНИ

Отшумели доли, веси... Старых песен не проси —
мол, кому живется весело-вольготно на Руси...

Нынче новая эпоха. До удачи ли чужой?!
Вот кому живется плохо — будет друг мне дорогой!

Значит, мне бежать отныне мимо свадьбы, трепака,
мимо детворы в малине... где ж гармошку рвет тоска?
Чу, я слышу — будто плачут, в балалаечки звенят?
Глянул — в доме колли скачут,
в окнах — глазки поросят.

Среди дач пятиэтажных, гаражей и «Жигулей»,
что же столько их, протяжных,
песен грустных — хоть убей?!

А зайдешь — фарфор и золото, телевизоры, еда...
Что ж поете-то, ребята, грусть-кручину завсегда?!
То ли что-то потеряли, то ли что-то не нашли
в этом самом матерьяле на поверхности земли?

То ли это маскировка, то ль душа зовет назад,
где избушка да морковка, да народ родной подряд?!

Вот как раз тогда мы пели песни светлые: вперед!.. —
в самом зябком подземелье, возле северных болот.

ПУШКИН

В самом деле, что же это —
будто все стихи поэта,
как деревья и вода,
были на земле всегда?
Все осталось, как и было, —
тот же всадник под луной,
та же медленная сила,
нареченная Невой.
Те ж проспекты и туманы...
Город спит, как гобелен.
Только в фонарях стеклянных
свет немного побелел.
Да еще порою поздней
под веселой лавой звездной
пронесется, хмур и мглист,
как Дантес, мотоциклист...

Был спор. Буфет. Ночной вокзал.
Товарищ мой в оцепененье.
Блеснул он глазом и сказал:
— Как, у тебя есть убежденья?

И я подумал: черт возьми,
а убежденья ль в самом деле
те мысли, что я лет с восьми
ношу в своем веселом теле?

За них взойду ли на костер?
Под пулю встану, под топор ли?
Решил, что — да. Но с этих пор
тревожно мне. И сухо в горле.

Пристрасть к серьезным поэтам.
Неявных предательств беда...
— Вам, мальчики, рано об этом.
— Когда будет можно? Когда?

Окончили школу и дальше
взялись рассуждать, дурачье,
о правде, о жизни, о фальши...
— Вам, мальчики, рано еще!

Когда же?! Вот мы инженеры,
нас дети трясут за пиджак.
А нас бы насчет нашей веры,
любви да и просто бы так!

Ведет телевизор о спорте
пятичасовой репортаж.
— Ну, спорьте! Ну, что же вы, спорьте!
Ну, выдайте ваш эпатаж!

Но странное вдруг ощущение —
привыкли, что есть, как репей,
те вечные ограничения —
без них как-то страшно теперь!

А дети — к забытым поэтам,
листают трагический том...
— Вам, мальчики, рано об этом.
— Когда ж будет можно?
— Потом.

КОНСТАНТИН СТРУКОВ

Родился в 1965 году в Казани. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Работал на радио, телевидении. Публиковался в журналах «Идель», «Квадратное колесо», «Курьер», альманахе литобъединения медицинского университета «Белая ворона».

* * *

Солнце горит наперстком,
выщвели облака.
Кажется, все так просто —
лето, июнь, река.

Кроны деревьев близко,
травы у самых ног.
Можно продолжить список —
свет, бесконечность, Бог.

* * *

На нас глядят прозрачно-голубые
глаза июля из-под солнечных ресниц.
Неуловима смена чисел и страниц,
как смена облаков над крышами рябями.

И это незаметное движенье
подскажет шелестом взлетевших к небу крон
— не тяготения физический закон,
нас держит на Земле иное притяженье.

* * *

Раскрытые двери
полночного мрака
морозом скрипят на ветру...
Так трудно поверить
без всякого страха
в свободный полет наяву.

Темнеет сознание
от сложной задачи
на край подоконника встать —
а кто-нибудь знает,
как можно иначе
еще научиться летать?..

АРТЕМ СУЛТАНОВ

Родился в 1971 году в Казани. Окончил мехмат Казанского государственного университета. Студент Московского Литературного института им. А.М.Горького. Публиковался в республиканской прессе, московских газетах «За науку», «Доживем до понедельника» и в альманахе Литинститута «Алконост». Автор сборника стихов «Слова на бумаге» (Казань, 2002).

ХОЛОДНО

Замерзли лужи. Иней на окне.
Зима глядит из каждой подворотни.
Уже в который раз понятно мне:
скорее ад не жаркий, а холодный.
Поскольку ничего несносней нет,
чем этот холод дикий, жуткий, лютый...
Но так тепло бывает в ту минуту,
когда весны дождешься, наконец!..

* * *

Куда-то подевался сон,
и в душу страх пролез.
И над кроватью колесом
кружит веселый бес.

Он скалит белые клыки,
он радостно вопит.
Один удар его руки —
и буду я убит.

Необходимо сделать мне
хотя бы что-нибудь.
И тускло светится в окне
прокисший Млечный Путь.

АРИФМЕТИКА

В кромешной тьме, на улице пустой,
промокший, полутрезвый, холостой,
вдруг замечаешь: жизнь не удалась
на полпроцента даже. Это — раз.

В любовь бросаюсь, словно на редут,
не замечая, что века идут,
осознаешь, что это все — слова
ценою в полмолчанья. Это — два.

Найти пытаюсь Главные Слова,
ты понимаешь, словно дважды два,
что то, что есть пока еще внутри,
уже совсем ни к черту. Это — три.

А остальное знаешь от начал:
что труден путь, а кровь не горяча,
что эта — лучше всех других отчизн.
Что дважды два — четыре. Это — жизнь.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАЧИНАЮЩЕГО ПОЭТА, ОБРАЩЕННЫЕ К ПОЭТИЧЕСКОЙ БРАТИИ

Кто знает, как работать на износ, —
Тот, верно, очень крепко спит ночами...
Я приняла сама себя всерьез —
И оттого теперь хожу в печали.
Друзья! Нам с вами нечего скрывать —
Пуускай все затыкают уши ватой;
А мы возьмем тем временем тетрадь,
Поставим крестик — и напишем дату.

* * *

Торопимся... Боимся опоздать...
А Время все давно за нас решило —
И с грохотом несутся поезда,
И по домам развозят нас машины;
И каждый день — по-новому нелеп,
И этим избегает повторенья,
Но в мире одинаковых судеб
Таким неожиданным будет появленье
Чужой строки, и даже — просто слова;
А мы, казалось, ко всему готовы.

* * *

Идешь домой, и черные деревья
На бледном небе в сумеречный час...
А этот мир — огромная деревня,
Которая с тебя не сводит глаз.

ЛЕОНИД ТОПЧИЙ

Родился в 1913 году в Харькове. Окончил Харьковское художественное училище. Был осужден за создание антисталинской поэмы. 15 лет провел в лагерях. Автор поэтических книг «У синего моря» (Одесса, 1940), «Военное время» (Киев-Харьков, 1941), «Стихи» (Казань, 1959), «Счастье мое» (Казань, 1964), «Разговор с читателями» (Москва, 1964), «Живу не для себя» (Казань, 1970), «Моя золотая осень» (Казань, 1983). Посмертно вышла книга «Воскрешение» (Казань, 2003). Ушел из жизни в 1979 году.

* * *

Я, друзья, не становился в позу,
Не читал пронзительных стихов.
Я в стихах предпочитаю прозу,
Из простых составленную слов.

В них делю я грусть мою и радость,
Посвящаю жизни весь свой дар,
Никаких мне почестей не надо.
И совсем убог мой гонорар.

Может быть, сбивался я с дороги,
Может быть, где нужно, не смолчал,
Но за все сомненья и тревоги
Я годами жизни отвечал.

Но всегда любил я час рассвета,
К ясным дням влекла меня мечта.
Хорошо, когда душа поэта
До конца открыта и чиста.

КУРГАН

В степи стоят высокие курганы,
Они уже, пожалуй, не стоят.
Их, очевидно, срыли мальчуганы
Из комсомольских тракторных бригад.

Ничем для них бугры не знамениты.
А вот в одном из них погребена
Была когда-то с витязем убитым
Его живая, юная жена.

Три дня по нем друзья справляли тризну,
Воздали честь заслугам и вину,
И не было ни тени укоризны
Ни у кого за юную жену.

Не думали ребята, не гадали
О той, что похоронена живьем,
И лишь немного молча постояли
Над шлемом и заржавленным копьём.

Была в степи высокая могила,
И больше не осталось ничего.
Здесь вырос хлеб. Им это нужно было.
Благодарить их надо за него.

Но заживо схороненное тело
В сырой земле, из глубины веков,
Мне почему-то кажется, смотрело
Печальными глазами васильков.

* * *

Вам-то что? А мне сегодня грустно.
Умерла моя старушка-мать.
Умерла спокойная по-русски —
Русские умеют умирать.
А у вас, возможно, день рождения,
День свиданья, радость бьет ключом.
Радуйтесь, не надо сожаленья,
Вы тут совершенно ни при чем.

ОСЕНЬ

И снова все те же картины.
Такою всегда ты была.
Наверно, сейчас паутина
Тропинки в лесу оплела.
А листья все суше и суше
И близок гусей перелет.
Прощальные песни лягушек
Доносятся с ближних болот.
Камыш наклонился устало,
И стала спокойной вода.
Такой ты была и осталась,
Такою ты будешь всегда.
Такою люблю тебя, осень,
Улыбку твою — небеса,
Глаза твои — синие плесы,
Багряные кудри — леса.
Люблю и грущу, что придется
Уйти навсегда от всего.
Любимое все остается,
Уходим лишь мы от него.

НА УЛИЦЕ УЛЬЯНОВЫХ

Над садом тишина
Такая отчего-то,
Что слышно, как звенит
На листьях позолота.

Такою тишину
Любил Владимир Ленин,
Как спутницу свою —
Подругу размышлений.

Любил он светлый луч,
Струящийся с лазури.
Но в этой тишине
Вынашивал он бури!

ГАРМОНЬ

Играл германец на гармонике
Вокруг столпившимся друзьям,
Мотив выдавливая тоненький,
Совсем чужой ее мехам.
Играл баварец складно, худо ли,
Но не качал он головой,
Не поднимал ее от удали,
Не опускал ее с тоской.
И как бы клавиши ни гладила
Пришельца бледная ладонь,
С чужою песнею не ладила
Военнопленная гармонь.
И даже вздрагивала вроде бы,
Мехами алыми дыша,
Как будто в ней по вольной родине
Рыдала русская душа.

* * *

Поэты вымерли, как мамонты,
В былые канули года.
И только в бронзе,
Только в мраморе
Их можно видеть иногда.
Поэт...
Что значит быть поэтом,
Что значит пишущая рать?
А это значит — дивным светом
Людские души озарять.

Какой мы свет?
Мы только сполохи,
И, обнаружив наш скелет,
На череп глянут археологи
И сразу скажут:
— Не поэт.

НЕ ДЛЯ СЕБЯ

Я с головою седою, как пепел от табака,
Проживший уже полвека,
Стареть не хочу пока.
Да что там стареть, до самой
Костлявой этой карги
Буду идти я, твердо
Отмеривая шаги.
Буду идти навстречу
Веющим мне ветрам,
Буду идти сквозь чашу,
Идти по крутым горам.
Спать под открытым небом,
А раз это мне дано,
Женщин любить, с друзьями
Доброе пить вино.
Я не люблю уюта,
К черту особняки!
Зачем они мне,
Железом
Обитые сундуки?
Зачем оно, нафталином
Пропахнувшее тряпье?
Зачем оно мне такое
Пустое житье-бытье?
Я — вольных людей потомок,
Живших, борьбу любя,
Живших для всех на свете,
Только не для себя.
Я верен свободным предкам,
Я верен своей стране.
И мне ничего не нужно,
И славы не нужно мне.
Я все, что с собой имею,
Отдать вам, друзья, готов
Вместе с душой открытой
Этих моих стихов.

* * *

Мне говорят,
Что страшно умирать.
Когда-нибудь я сам проверю это.
И обо всем
Тогда уж
С того света
Подробно постараюсь написать, —
В таком серьезном деле не совру.
Но я не верю в страх,
И вы не верьте.
Я оптимист и знаю, что умру,
И потому не думаю о смерти.

* * *

Мне иногда себя бывает жалко.
Свои я руки вижу на груди,
Прощальный плач за белым катафалком
И траурные кони впереди.
Когда-нибудь придется расставаться —
Я человек, и мне не вечно жить,
Я человек, и это может случиться,
Что завтра же придется уходить.
Мои друзья пусть обо мне судачат,
Что, дескать, пил и потерял друзей.
Но толки эти ничего не значат,
Я буду мертв и, значит, всех умней.
Когда-нибудь настанет час разлуки,
Когда я лягу, чтобы не вставать,
И ты придешь, и ты скрестишь мне руки,
Последняя заботливая мать.

Ты можешь всех смести единым духом,
И ты сметешь любого все равно,
Но не меня, но не меня, старуха,
Поэтам умирать запрещено.

БАЛЛАДА О МОЕМ ПРЕДКЕ

Это кажется сказкой,
Это кажется сном.
Едет, едет казак
На коне вороном.
Бесконечная степь,
Ковыли да бурьян,
Запорожский казак
То ль устал,
То ли пьян.
То ли крепок был мед,
То ли долог был путь,
Он уткнулся лицом
В богатырскую грудь.
Пика в правой руке,
Слева сабля на нем.
Едет, едет казак
На коне вороном.
Но казак не устал,
И совсем он не пьян.
Кровь сочится его
Сквозь зеленый жупан.
В золоченом седле
Он сидит, не дыша,
Видно, к господу в рай
Отлетела душа.
Запорожский казак
Догулялся. Готов.
Не косить ему с плеч
Басурманских голов.
Не придется ему
Бороньты в бою,
Бороньты в бою
Украину свою.
И теперь казаку
По земле не ходить,
По земле не ходить,
Пива-меду не пить.
Добрый конь у него —
Нету друга верней —
Он везет казака
До родных куреней.
До родных куреней,
В Запорожскую Сечь,
Чтобы мог под крестом
Православным он лечь.
Чтоб в родимой земле
Успокоился он.

Только это не сказка,
Только это не сон.
Это — прадеда конь,
Выносил вороной...
Вот и мне бы вот так
Возвратиться домой.

* * *

Я — похожий на осень,
На белесый туман в октябре,
Голова у меня,
Как трава по утрам в серебре.
Я — похожий на осень,
Но и осенью дни хороши,
Свежей зелени нет,
Но остался багрянец души.
Это я, это Топчий —
Листья те, что на землю падут, —
Может быть, их затопчут,
Может, бережно обойдут.

* * *

Вещует сердце — быть беде,
Что попадусь я в лапы
Советскому НКВД,
Немецкому гестапо.

За то, что я двоих вождей
Стихами избидел.
А я, по правде говоря,
Ни разу их не видел.

И с ними сроду не ходил
Ни пива пить, ни чаю.
Я просто правду говорил,
За что и отвечаю.

Я говорил, что даром мрет
Несчастный человек.
Одних Иосиф на смерть шлет,
Других Адольф калечит.

Кому ж еще жалеть людей,
Как только не поэту,
А до обиженных вождей
Мне вовсе дела нету.

ВАЛЕРИЙ ТРОФИМОВ

Родился в 1960 году в Альметьевске. Окончил Казанский медицинский институт (1983). Работает врачом-психиатром. Печатался в журналах «Новый мир», «Звезда», «Смена», «Алый парус», «Идель». Участник коллективных сборников поэзии «Горизонт» (Казань, 1988), «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор поэтической книги «Зимний город» (Казань, 1991). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Вот я и уехал, да много ли проку теперь!..
Такой запоздалый, с тоскливой оглядкой отъезд.
За мной, дребезжа, затворилась подъездная дверь.
И лег мне на плечи планиды скитальческой крест.

Привычка нам свыше дана и опасно искать
Другие лекарства — уж больно зашло далеко...
Убого чернеет казенных пристанищ печать.
Белье обветшалое липнет и рвется легко.

Пусть был не богаче, не крепче покинутый быт,
Но, сумрачен с виду, он легче и больше прощал.
Сквозил и лоснился, на нитку живую зашит,
Зато на ладони певунью-синицу держал.

Как пела в апреле крылатая пленница нам!..
И даже надежда мерещилась в песенке той,
Бог знает на что, с безнадежностью пусть пополам,
Со скукой, но скука — счастливого быта настой.

И было понятно, во что переходит любовь,
И что происходит с предметами нашей мечты...
И время упущено — опыту не прекословь.
А все же уехал, другой не придумал тщеты.

ПЛОВЕЦ

Пловец, и мне знаком тот сладкий миг, когда
Не видно берегов, и облака закрыли
Полнеба. Ты один. Холмистая вода
Грузнее, холодней, сильнее твоих усилий.

Так почему же ты на ящиках сидишь,
В подсобке пиво пьешь, с подсобниками шутишь,
Не помнишь ничего, на продавщиц глядишь,
Высокой той судьбе показывая кукиш?

А, ты остался жив, хоть был пловцом, и вот
Безвредно шелестит твоя шизофрения
О чем-то о другом. Но все-таки придет
Возвратная волна, надежда, ностальгия.

Ты сбросишь свой халат казенный, ты страхнешь
Опилки с головы в безудержном ударе
И, осушив стакан последний, перейдешь
Через убогий страх по битой стеклотаре.

Под окнами любви пройдешь ты молодым,
Тревожным навсегда, с усами золотыми,
И повернешь к реке по улицам пустым,
Наполненным людьми бездарными и злыми.

И в легкие твои войдет восторг и смерть
Химической воды, цилиндры нефтебазы
Размоет, а небес трепещущая твердь
Взамен обид и бед зажжет в глазах алмазы.

* * *

Этот сад в фонарях — именной пирог,
В мятном сумраке теплятся свечи.
В предвкушеньи восторгов припудрил снежок
Шоколадный газон и моста завиток,
Слюдяной темноклеточный вечер.

Я один в отдалении от сада стоял
В пересыщенном мутном растворе
Полумертвого дворика. Сад мне сиял
Пирогом, опереттой, ознобом зеркал
Сквозь безлюбье, бездомность и горе.

И забыл я усталость, которою жил
Эти тягостно-темные годы,
А припомнил дрожанье певучее жил,
Их смычковый, щипковый, муаровый пыл,
Переливы, мерцанья, разводы.

И минуты — почти при закрытых глазах —
Шли лучистой волнистой цепочкой.
И в ликующих я утопал голосах,
В женском хохоте, в рыжих — до пят — волосах,
Упиваясь нежданной отсрочкой.

ПРОСНУВШИСЬ НОЧЬЮ

Проснувшись ночью, я услышал звон
И шелест крови, протекающей в сосудах.
В незанавешенном окне горел фонарь.
И хлопья снежные бесшумно залетали
В размытую светящуюся сферу
Его огня, как бабочки, и так же
Внезапно пропадали в темноте.
Я был напуган грузной тишиной.
Но я ничем не мог ее нарушить,
Как бы необоримая рука
Меня держала, сдавливая горло.
И в ужасе глаза переводя
С оконной крестовины на пустой
И темный потолок, я понимал,
Что даже шевельнуться не сумею.
И так лежал я, мыслящий мертвец,
И если бы у нас была душа,
Она б могла оставить оболочку
И, в законный перелившись мир,
Зажить далекой сокровенной жизнью...
Но тут я вздрогнул, словно от толчка,
И задышал, и шевельнул руками,
И скрытые до той поры предметы
Вдруг выступили все из темноты.
И просто ночью снова стала ночь.
Рассеялись пугающие чары,
Когда шагнул навстречу мне иной,
Привычный, тусклый ужас бытия,
Отечески раскрыв свои объятия.

МИХАИЛ ТУЗОВ

Родился в 1945 году. Окончил Саратовское общевоинское военное училище (1965), Высшую школу МВД (1973). Член Союза писателей Республики Татарстан. Публиковался в республиканской прессе, журнале «Идель». Автор сборников поэзии «Раифа» (Казань, 2002), «Сиреневый сон» (Казань, 2003).

ПРЕДУТРЕННЕЕ

Чтоб не нарушить твой покой,
Страшусь я даже шевельнуться,
Но как мне хочется коснуться
Тебя губами иль щекой.

Меня волнует в тишине
Беззвучное твое дыханье,
И я тону в благоуханьи
Волос, распущенных во сне.

Ладошка чудная лежит,
Раскрывшись на моей подушке,
Сережки блеск в прелестном ушке,
А от меня мой сон бежит.

Я не пытаюсь удержать
Капризного слугу Морфея,
Когда с тобою рядом фея,
Бессонницы не избежать.

КИРОВСКИЙ САДИК

Отчего вспоминается мне
Это, в общем, обычное место,
Что в Булачно-Островской стране
Было всем пацанятам известно.
Три атланта в клешеных штанах
На руках держат сферу земную,
Ах, как жаль, что теперь только в снах
Прохожу сквозь ограду резную.

Недосуг тормознуть на часок,
Сесть на лавочку рядом с фонтаном,
Каждый день, как в атаку бросок,
Жизнь летит в суете непрестанной.
А смешливая бабка с косой
Ждет меня, затаившись в засаде,
Иль крадется неслышной лисой
Пред рывком через Кировский садик.

ВЕРОНИКА ТУШНОВА

Родилась в 1915 году в Казани. Училась в Ленинградском медицинском институте (1931–35). Член Союза писателей СССР. В годы Великой Отечественной войны работала медсестрой, врачом в эвакогоспиталях Москвы и Казани. В 1945 году вышел сборник стихов «Первая книга». Автор книг поэзии «Пути-дороги» (1954), «Память сердца» (1958), «Второе дыхание» (1961), «Сто часов счастья» (1965) и др. Ушла из жизни в 1965 году.

КАПИТАНЫ

(отрывок)

Не ведется в доме разговор
про давно минувшие дела,
желтый снимок — пароход «Суворов» —
выцветает в ящике стола.
Попытаюсь все-таки взглядеться
пристальной в туман минувших лет,
увидать далекий город детства,
где родились мой отец и дед.
Утро шло и мглою к горлу липло,
салом шелестело по бортам.
Кашлял продолжительно и хрипло
досиня багровый капитан.
Докурив, в карманы руки прятал
и в белесом мареве зари
всматривался в узенький фарватер
Волги, обмелевшей у Твери.

И возникал перед глазами
причал на стынувшей воде
и домик в городе Казани.
в Адмиралтейской слободе.
Судьбу бродяжью проклиная,
он ждет — скорей бы ледостав...

но сам не свой в начале мая,
когда вода растет в кустах
и подступает к трем оконцам
в густых гераневых огнях,
и, ослепленный мир обняв,
весь день роскошествует солнцу.
Когда прозрачен лед небес,
а лед земной тяжел и порист,
и в синем пламени по пояс
бредет красно-лиловый лес.
Горчащий дух набрякших почек,
колючий, клейкий, спиртовой,
и запах просмоленных бочек
и дегтя, и десятки прочих
тяжеловесною волной
текут с причалов, с неба, с Волги,
туманя кровь, сбивая с ног,
и в мир вторгается свисток —
привычный, хрипловатый, долгий...

БЕССОННИЦА

Кряхтели рамы, стекла звякали,
И все казалось мне: вот-вот
уснувший дом сорвется с якоря
и в ночь, ныряя, поплывет.
Луна катилась между тучами,
опутанная волокном,
как мачта, дерево скрипучее
раскачивалось под окном.
Давным-давно легли хозяева,
огонь погас. А сна все нет.
И заманить ничем нельзя его.
И долго мешкает рассвет.
От окон тянет острым холодом,
и хорошо, и страшно мне.
Все крепко спят. И с грозным городом
я остаюсь наедине.
Наш утлый дом по ветру носится.
раскачивается сосна...
И до чего ж она мне по сердцу,
азербайджанская весна!

Не отрекаются, любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь. Когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,
когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.
И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трех человек у автомата.
И будет, как назло, ползти
трамвай, метро, не знаю, что там.
И вьюга заметет пути
на дальних подступах к воротам.
А в доме будет грусть и тишь.
хрип счетчика и шорох книжки.
Когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.
За это можно все отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день не отходя от двери.

ВЯЧЕСЛАВ УЛЬЯНИЦКИЙ

Родился в 1968 году в г.Эчмиадзине (Армения). Окончил Казанское Высшее военное командно-инженерное училище (1991). Работает в Управлении обеспечения общественного порядка МВД Республики Татарстан. Автор сборников стихов «Откровение» (Казань, 2002), «Боль» (Казань, 2003), «Стержень» (Казань, 2004).

ДУРНОЙ СОН

Приснился мне погибший друг,
Как будто выпить предлагает,
Стаканы выставив вокруг,
Вино-дешевку разливает.
Мерцает бледностью лицо,
Глаза чужие давят злостью,
На пальце тонкое кольцо,
Я не желал такого гостя.
Без слов вязался разговор,
О переменах после смерти,
А рядом красили забор,
Совместно ангелы и черти.
Невдалеке горел костер,
Галантно ведьму пожирая,
Солдаты ставили шатер,
Кричала женщина, рожая.
Среди созвучий равнодушно,
Качалась скучная луна,
Плевался мальчик непослушно,
В прохожих брызгала слюна.
Всем очень мило улыбаясь,
Катилась мимо голова,
Обильно потом обливаясь,
Ей отпускал грехи мулла.
Там, в этой страшной канители,
Окрепла вновь моя душа,
Вернувшись к телу на постели,
Опять вселилась не спеша.

СВЕТЛАНА ХАЙРУЛЛИНА

Родилась в 1963 году в Казани. Училась на отделении журналистики Казанского государственного университета. Окончила Московский Литературный институт им. А.М.Горького (1991). Публиковалась в республиканской и российской прессе. Автор поэтических книг: «Я не люблю играть в слова» (Казань, 1997), «Бог и ребенок» (Казань, 1999). Ушла из жизни в 1999 году.

МАГОМЕД

Теперь я знаю Магомеда —
Жреца народа моего.
Мой Магомед похож на деда,
А может, дед мой — на него.

Чтоб он сумел меня заметить
Из тысяч преданных ему,
Я золоченый полумесяц,
Надев на шею, не сниму.

Готовилась взойти на плаху,
Но предстоит блюсти закон,
И удивленному Аллаху
Молиться русским языком.

ПОВТОРЕНЬЕ

Меня пугает вековой обряд
В ребенке узнавать свое обличье.
И вот — родитель трогательно рад,
Разглядывая с видом безразличья
И сравнивая ухо или бровь...
Не понимая, что с его рождением
Он на тщеславье променял любовь
И заменил бессмертье повтореньем.

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Человек и собака — надежное жизни звено.
Растяжима, крепка поводка первобытная жила.
Есть простое искусство — быть верным
до самой могилы
Человеку и другу, как издавна заведено.

Две неравные тени на снежную плоскость легли.
Он скользил, не спеша, не мешая счастливой собаке
Вспомнить радость охотничью, вынюхать тонкие знаки
На тягучей лыжне, на ветру вековой колеи.

А потом они шли вдоль знакомых домов и столбов.
Человек и собака — всегда совершенная пара.
Не оскалятся зубы за долю, что им перепала,
И ошейником давит на верное горло любовь.

Есть простое искусство — чужой доверяться руке,
И удары и ласки сносить с бесконечным терпеньем.
Я хочу быть собакой у истины на поводке,
Чтоб не мучить себя изнурительным к ней
подозреньем.

МОЛИТВА

Молилась бабушка, покорно
Сведя ладони у лица.
Перебирала четок зерна,
Которым не было конца.

Так мусульмане в древней Мекке
Молились на руки свои, —
И где-то, окровавив реки,
Стихали душные бои.

И я по старому примеру
Ладони смуглые скреплю,
Хоть на мгновение поверю,
Хоть на минуту полюблю.

Бескрайней стану и бездонней,
И не скажу: «Все это — ложь,
На лодочке своих ладоней
В бессмертие не уплывешь».

РУССКОЕ ИМЯ

Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

М.Цветаева

И все-таки у моего народа
Прекраснее и проще имена.
В них расцветают лилия и роза,
И рассыпает золото луна.

И грозным всадником несется имя
Мальчишки, увлеченного мячом.
Я так хотела стать цветком и ливнем,
Но снова оказалась ни при чем.

И названа я именем приветным,
На жизнь и смерть дарующим ответ.
В моей темноволосой голове
Мучителен восход крутого света.

ПОДАРОК

Подари мне ежа.
Будет он щекотать мне колени,
как дитя, потрясенно и жалко дрожа.
Влажным носом своим
он похож на собак и оленей,
подари мне ребенка ежа.

Я его накормлю
молоком и столичным печеньем,
поцелую шершавую спинку,
как зазубренный нож,
а потом — отпущу...
И мы будем смотреть с увлечением,
как он резво бежит
по садовой дорожке, наш еж.

Подари мне ежонка —
племянника тех дикобразов,
что на воле, в Австралии, носят
колочую шаль.
Пусть он будет на вечер
ребенком моим безобразным.
А другого не надо...
Неродившихся
в нашей отчизне
не жаль.

Я НЕ УМРУ

Я не умру, отправлюсь просто
В далекий край чужой,
И травяная дверь погоста
Закроется за мной.

Там — миллионы километров,
Усталый путь назад.
Поля, не знающие ветра,
Спокойный ад.

Где часто буду, вспоминая,
Тоскливо цепенеть, —
Как на земле, от скуки маясь,
Хотела умереть.

ЦЕНЗУРЕ

Я буду складывать не в стол,
А в чрево доброе дупла
Мои стихи, и мощный ствол
Не пожалеет им тепла.

Глядишь, бельчонок озорной
В дупле поселится на срок,
А может, пчел подвижный рой
Заполнит медом соты строк.

Доверю мой несчастный дар
Смышленной челяди аллей.
Любая птица и комар
Всегда достойнее людей.

ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ

Опасный возраст перейден,
Уже не думаю о смерти.
Есть у меня семья и дом, —
Вдруг оказалось. Я — на месте.

Меня так крепко держит сын, —
Мы с ним сплелись: выюнок и камень.
И, наконец-то, в эту жизнь
Вцепилась я двумя руками.

ВЫБОР

Я поняла, что значит всей душою
К забитому тянуться уголку.
К дешевеньким обоям, к потолку,
Что протекает каждую весною.

Поверить вдруг, что нет роднее места,
И помнить шумной улицы устав,
И каждый клена тощего сустав,
Торчащего у голого подъезда.

И сгинут, как непрочные поверья,
Бульжный Кремль и Пушкин на посту...
Из двух столиц я выбираю ту,
Которая слезам моим поверит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю-баю-бай.
Мчит по городу трамвай,
Он дежурный, он — пустой,
Забери меня, постой.

Ты маршрут свой измени,
Притуши слегка огни,
Покачай меня, родной,
В колыбели заводной.

Отвези меня, трамвай,
В бесконечно милый край,
В детства край — далекий рай.
Баю-баю-баю-бай.

АНТОН ХУСАИНОВ

Родился в 1966 году в Казани. Окончил Казанский речной техникум (1985), Московский Литературный институт им. А.М.Горького (2000). Работал в газетах Казани и Москвы. Публиковался в республиканской прессе, журналах «Знамя», «Казань».

ТИШИНА

Как дорого дается тишина!
И одиночество чего-нибудь да стоит.
Тебя благословляю, дно морское,
Где жизнь разноголосья лишена.

В твоём безмолвье, тихая долина,
Плывут медузы, словно облака,
Разматывает Время нить с клубка
Так тягостно и так неумолимо.

Сумел укрыться я под толщей вод,
Мне не помощник акваланг — ровесник века.
Звезда морская, как ночная Вега,
Украшившая здешний небосвод.

А где-то наверху бушует шторм,
И корабли спасаются от бури,
И кто-то на своей продрогшей шкуре
Познал гостеприимство мыса Горн.

Меня помимо — век назад иль год —
Охотники преследуют косулю,
Идет война, добычи ищут пули,
И друга друг украдкой предаёт.

...Летит квадрига, колесница-челн.
Морских коней, изогнутых, как скрипка,
Я погоняю, но не слышу крика:
Ведь здесь я сам оказываюсь нем.

Вода — многометровая стена,
Хранилище молчанья гробового.
В пучину Океана Мирового
Не проникает даже тишина.

* * *

Нет нужды в зеркалах, милый друг, нет нужды...
Безымянные лица похожи, как капли воды.
Я такой же, как все, от других не отличен, не лгу —
Среди них сам себя разглядеть и узнать не могу.

Может, ты бы и смог угадать меня в тысячах лиц —
Как счастливый билетик, как карточный лист —
Но, прости, опоздал.
Я — в шеренге, солдат оловянный.
И такой же, как все, милый друг, — для тебя
безымянный.

* * *

Засиделся, пора. Там свое наверстаю сполна,
Где, как будто в горах, бродит эхо по черному трюму,
Где гремят якоря, лижет иллюминатор волна,
И швартовы гудят, как на грифе басовые струны.
В мой грошовый уют не доносится чайный крик,
И устойчивый мир не такой — ни в Москве, ни в Казани.
Но, наверное, есть не открытый еще материк,
И в далеких морях есть еще острова без названий.

* * *

Нам не занимать к разрушенью языческой тяги:
И в Бога, и в мать! — так, что волосы дыбом.
Прогорклых пожарниц струящимся дымом
Окутаны мы, только дело доходит до драки —
Как будто не кровь сердце гонит по жилам, а яд.
И вновь по кандальному тракту нам топать и топать.
А ветер разносит тяжелую жирную копоть,
И трубы печные вдоль нашей дороги стоят.

ЭМИР ШАБАШВИЛИ

Родился в 1957 году в Елабуге. Окончил физфак Казанского государственного университета (1979). Публиковался в республиканской прессе. Один из известных авторов-исполнителей самодельной песни. Участник коллективного сборника «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Автор нескольких аудиокассет песен. Живет в США.

УЛИЦА ТЕЛЬМАНА

На улице старой, где мама жила,
Осенним пожаром горят купола,
Листвы облетевшей сухи вороха,
И улица Тельмана дремлет, тиха.

Пройдем же опять коридором чудес
От храма обкома до храма небес,
До хладного ветра у бледной воды,
Где бедная память теряет следы.

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Во времена блаженные Застоя,
когда все хором «За!» кричали, стоя,
когда вода была мокрее, гуще дым,
когда ты был слепым и молодым...

Когда и «дружба не была обузой»,
когда и «верность в тягость не была»,
когда ты радостно шагал под тяжким грузом,
тебя звезда пустынная вела.

Звезда полей, лесов и рек — прекрасных,
и песенка у дымного костра...
смешно? Смешно. Но вспоминать напрасно
не следует. Вся эта жизнь — прошла.

Следы ее имперского ампира
видны еще пока на площадях.
Не вороши обломков тонущего мира.
Не поднимай ушедший в землю прах.

Не повторяй слова, что так знакомы, —
тот бобик сдох, та комната — тесна.
Лечись вином и выходи из комы.
Езжай к Хабибу — там сейчас весна.

В ГЕРМАНИЮ ПОЕДУ

В Германию, в Германию поеду.
Три века я отсутствовал, прости, —
по белому по снегу, по черному по следу
по пеплу, что летает на пути.

Без танковых прорывов — сквозь Карпаты.
Без пополнений — за Березину,
без скатки и лопаты,
без боли и утраты —
в Германию, знакомую страну.

В Германию к любимой — Боже правый!
Какой сегодня ветер на дворе!
Без следственной забавы,
ареста и расправы,
без смерти где-нибудь в Анадыре.

Поднимем же граненые стаканы
за каждый километр того пути,
за сопки Абакана,
за ветер Казахстана
и за снежок полярный Воркуты!

В Германию, в Германию поеду...

АНГЕЛ ЮНОСТИ ПЕЧАЛЬНЫЙ

Вечер дымный, ветер снежный,
синих сумерек вино...
ангел тихий, ангел нежный
на мое слетит окно.

Обернувшись серой птицей,
распахнув бессонный зрак,
смотрит он на наши лица,
в эту кухню, в этот мрак.

Что он видит — старый мальчик
пьет зеленое вино.
Жизнь песком течет меж пальцев,
а ему уж все равно...

Распахну окно ночное —
кто ты: зверь иль человек?!
Только вьюга длинно воет
да летит в квартиру снег.

То крутится вихорь снежный,
то ложится чист и бел, —
это ангел, ангел нежный
попрощаться залетел.

Ангел юности печальный
попрощаться залетел.

ПРОЩАНИЕ С УНИВЕРСИТЕТОМ

Вечер мокрый, снег летящий,
синий сумрак, свет слепящий,
белые круги метельных улиц.
Там вдали, за поворотом
все идет навстречу кто-то,
за метелью не видать лица...

Старой лестницы пролеты,
старых улиц повороты,
ясная трамвайная звезда.
Свет ее прощальный, нежный,
несказанный, безнадежный,
милые усталые глаза.

Ты взглядишь, взглядишь сквозь годы,
сквозь метельные разводы, —
неужели это были мы!
Ты припомни, друг старинный
ветер мокрый, вечер длинный,
снег летящий посреди зимы.
Эти годы, эти встречи
за окном листают вечер,
и забыть уже не суждено —
в синий сумрак, в свет слепящий
чей-то контур уходящий,
в темноту горящее окно.

Минорная горечь осеннего вяза,
 Горячее веко собачьего глаза —
 Я вас нарисую, слеплю и сыграю,
 О, Боже! Я вижу! Я все понимаю!

Как зеркалом жадным с расколотым краем
 Разверстой душою ловлю, узнавая
 За каждой пылинкой, бездумно парящей,
 Небесного росчерка контур летящий.

* * *

На кончике тонкой моей сигареты
 Мерцает ленивый огонь,
 Не тронь меня скорым и резким ответом
 И правдой ненужной не тронь.

Здесь гаснут и тонут гортанные крики,
 Здесь воздух недвижим и тих,
 Здесь плавно качаются нежные лики
 Любимых, твоих и моих.

Неспешно и гулко катается слово,
 Как темный, блуждающий шар.
 Не бойся, я очень послушна — готова
 Тушить нераздутый пожар.

Я стала прозрачной, без мера и веса,
 Как робкий, бесформенный стих,
 Играя с тобой эту странную пьесу —
 Полночный экспромт на двоих.

* * *

Изгой, крамольник, карбонарий
 Со спящей флейтой на руках,
 Ты чуешь запах сладкой гари?
 Ты слышишь крики на кострах?

А флейта, сбросив сон, запела
 Поверх мятежных голосов,
 И Господу не стало дела
 До верных и еретиков.

* * *

Твои подруги, жены и невесты —
Нежнейший флер земного бытия,
Но есть одно пустующее место,
Оставленное Богом для меня.

Там непомерно вогнуто пространство,
Как молчаливо-черная дыра,
Там бледный храм без паствы и убранства,
В котором дуют лунные ветра.

Неутоленьем, исподволь свербящим,
Как темный глаз тревожного коня,
Сосущее, зовущее, молящее
В тебе живет отсутствие меня.

ТАТЬЯНА ШИЛИНА

Родилась в 1957 году. Окончила факультет самолетостроения Казанского авиационного института (1992). Работает инженером-конструктором в КАПО. Публиковалась в республиканской прессе, журнале «Идель», коллективном сборнике «Казанская каят-компания» (Казань, 1992).

* * *

Выходит не то, что выводим,
Выводим не то, что хотим,
Порою мучительно бродим
В потемках метафор и рифм.
Пусть ночь за окном хороводит,
Когда через письменный стол
Проследует стих-паровозик,
Кто скажет, что поезд ушел?!

* * *

Последний лист уже прочтенной книги,
Последний взгляд мой, брошенный вослед
Чему-то большему, чего уже не вижу,
Но что еще мне застилает свет.

НЭЛЛИ ШУК

Родилась в 1941 году в блокадном Ленинграде. Окончила факультет иностранных языков Казанского государственного педагогического института (1965). Работала в школе, институте, библиотеке. Публиковалась в республиканской прессе, коллективных сборниках. Автор книги стихов «Монолог души» (Казань, 1995).

* * *

Несется жизнь к концу,
Хоть кайся, хоть реви.
Сединам не к лицу
Сжигать себя в любви.

Но, вспыхнув на корню,
Забыв про стыд и срам,
Как бабочка к огню,
Тянусь к твоим губам.

И думать не хочу
О том, что впереди.
Спаси меня, — шепчу, —
Лица не отводи.

Несется жизнь, трубя
Настойчиво и зло.
Я встретила тебя,
Мне чудом повезло.

* * *

Если я на тебя молюсь,
Оправдай ты мои молитвы.
Брошу все и к тебе явлюсь,
От житейской спасаясь битвы.

Я упрячусь в твоих руках,
Замуруюсь в твои объятия.
Будет сердце стучаться в висках
И от нежности задыхаться.

Я сама на себя дивлюсь,
Замахнулась желать о многом,
Если я на тебя молюсь,
То, воистину, стань мне богом.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Маме

Мне говорят: «Не знала ты войну».
Да, я ее, счастливая, не знала.
Но голосило горе на вокзалах,
Внезапно охватившее страну.

И провожала мама эшелон.
И долго вслед потерянно глядела,
И не было войне проклятой дела
До тех, кто был навеки разлучен.

Мне говорят: «Не помнишь ты войну».
Да, я ее, счастливая, не помню.
Но город мой врагами был не сломлен
И подарил мне первую весну.

Блокадный я не помню свой паек,
Не помню, как пугалась я обстрела.
Как мама берегла меня и грела
Своим теплом, мне было невдомек.

Мне повезло: не помню я войну,
Но если вдруг я вижу на экране,
Как падает боец на поле брани,
Мне не унять горячую волну.

И вновь бурлит давнишняя беда,
Я снова смерть отца переживаю.
Я о войне, поверь, не забываю,
И не забуду, знаю, никогда.

ПЕРВЫЙ СНЕГОПАД

Деревья, как рождественские ели,
Застыли, изумленные, в снегу.
Они с листвой расстаться не сумели,
Попав неожиданно в юную пургу.

Стоит октябрь торжественно серьезный,
Под белый пух запряталась земля.
И смотрят зачарованные звезды,
Как пишет снег на листьях вензеля.

* * *

В бубны белые бьет зима,
Разгулявшись на пару с ветром.
Расписные плывут дома
Километр за километром.
Я знакомым спешу двором,
Снежный бой завели мальчишки.
Пусть им явится добрый гном
Из веселой старинной книжки.

* * *

Полвека я на свете прожила.
Вернее, сорок девять с половиной.
Года несутся яростной лавиной,
Но все неспешней бьют колокола.

Полвека я на свете прожила.
Познала и предательство, и дружбу.
С одними мне легко, с другими душно,
Но никому я не желала зла.

Полвека я на свете прожила.
Искала счастья, а нашла утраты.
Рассветы разменяла на закаты,
Но бьют еще мои колокола.

Полвека я на свете прожила.

* * *

И первый снег, как первый знак беды
(Судьба меня и раньше не ласкала).
Боюсь, что затеряются следы,
Которые так долго я искала.

Но, может быть, я беспокоюсь зря,
И зря печаль в душе моей витает.
Ведь первый снег на склоне октября
Наверняка не раз еще растает.

* * *

В прошлой жизни был ты, видно, соколом,
И, оставшись верным высоте,
Облака крутые и высокие
Ты возводишь на своем холсте.

Ну, а я была, наверно, деревом.
Просыпалась рано поутру.
И гляделась в небо неуверенно,
И роняла листья на ветру.

В жизни этой мы полвека прожили.
Шли не вместе, но беда не в том.
Что-то мы теряли, что-то множили.
Ну, а что осталось на потом?

* * *

Я просила у жизни любви неземной
И не знала, что благо — земная любовь.
Белокрылое утро, деревья весной,
Хлеб насущный, вода и, конечно же, кров.
Я свою половину пыталась найти
В этом море людском, где бушует прибой.
И на самом неожиданном развилке пути
Неожиданно вдруг повстречалась с тобой.
Мы — два полюса разных, мы — север и юг.
Но тебя все равно я прошу об одном:
Не спеши выпускать мое сердце из рук,
Дай делить мне заботу о благе земном.

* * *

Прими меня такой, какая есть,
Без вычурной нарядности, без грима,
Как добрую и радостную весть,
Мне так твоя любовь необходима.

Поверь мне так, как верят на войне.
И я тебе поверю так же свято.
И сил моих прибавится вдвойне.
И жизнь заплещет ровно и крылато.

Пойми меня и сердцем, и умом.
Второе обрету с тобой дыханье.
Да будет светел наш весенний дом,
Благословенно позднее свиданье.

* * *

Добавим друг другу радости,
Сердечности и тепла.
Чем ближе к полынной старости,
Тем горше уколы зла.
Хочу, чтоб порою вешнюю
Невзгод затерялся след.
Хочу, чтоб лучился нежностью
Взаимного счастья свет.

* * *

Какое счастье мчаться по лыжне
Навстречу пробудившейся весне,
На время ощутив себя крылатой,
Ни перед кем ни в чем не виноватой.

Какое счастье покорить лыжню,
Петь приниматься сотни раз на дню.
И, словно одолевши злую долю,
Восторгу дать безудержную волю.

ВЛАДИМИР ЧЕНЦОВ

Родился 1951 году. Окончил мехмат Казанского государственного университета (1974). Один из авторов коллективных сборников «Приметы века» (Казань, 1974), «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991). Известный автор-исполнитель самодельной песни.

ЭКСКУРС В НАЧАЛО ВЕКА

Андрею Л.

Рассматриваю открытки
с видами города Казани.
Микрооткрытия:
лютеранская церковь,
мечеть Бурнаева,
костел,
памятник Александру II, Освободителю
(как бдителен
городовой на переднем плане!).

Открытки с видами города Казани.
Площадь вокзальная,
очередной собор,
забор
парка «Русская Швейцария»
(гуляющих — сонмы),
далее —
«Дамские и детские шляпы новейших
фасонов»,
театрик сусальный,
еще далее —
городовой с усами.

Открытки с видами Казани.
Невиданно! —
Несказанно!

У каждого провинция своя.
Все та же ты, провинция моя.

Я возвращусь к тебе от суеты,
столичности, поспешности, тщеты

на пару дней — совсем-совсем ничей! —
пожить среди знакомых мелочей,

нешумных улиц, невысоких крыш, —
и ты меня поймешь и объяснишь...

У каждого провинция своя.
Тем и близка провинция сия.

СТИХИ О СТОЛЕШНИКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Столешников,
 Столешников,
прозрачен весь по-вешнему,
мир ангелов и грешников —
Столешников...
Вокруг неслись лавинно
дожди, обрывки слов,
матроны и витрины...
Ах, как меня несло
по тротуарам с бликами
меж лицами и ликами,
среди афиш, подсвешников,
среди тебя,
 Столешников...
Я покупал подснежники,
молчал, —
 не понимал,
о чем ты мне,
 Столешников,
насмешливо шептал...
...А через год внезапно
припомнил среди лиц
девчонку со слезами
на кончиках ресниц...

ВИКТОР ЧОПОРОВ

Родился в 1954 году в Казани. Учился на строительном факультете Казанского инженерно-строительного института, на режиссерском факультете Казанского государственного института культуры. Занимался реставрацией памятников архитектуры. Работает дизайнером, поет в народной капелле при Казанском университете. Публиковался в институтской газете «Строитель».

* * *

Сплю, наверное, в центре Вселенной,
Одурманенный женским теплом,
И душа моя откровенна
И уютна, как маленький дом...

СОСНЫ

Соблюдая стройность линий,
вертикальный взлет души,
звезды в небе, точно иней,
на деревьях расцвели.

Надо мной почтенный возраст
наблюдающей луны.
Синий купол держат сосны
у отмеченной черты.

И седые эти кроны
в белых звездах что-то ждут...
Эти сосны — фараоны —
Купол здания несут.

УТРО

Песок и дождь — несовместимы.
В ладонях капли огоньков.
Плывут трамваи, как дельфины
Поверх мерцающих кругов.

И золотые главы прячут
За дождь худые фонари.
И все отчетливей и зрячей
Пылает ночь в огне зари.

А ночь прилежная, святая,
Не хочет в муках догореть.
Луна, холодной льдинкой тая,
Морщинит на востоке медь.

И, возвращая все на круги,
Трамвай приехал расписной.
В него я сяду, долго буду
Морщинить лоб по ночи той.

САЛАВАТ ЮЗЕЕВ

Родился в 1960 году в Казани. Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики Казанского государственного университета (1982). Работал в НИИ, на телевидении. Печатался в республиканской прессе, коллективных сборниках «Стихи казанских студентов» (Казань, 1991), «Казанская кают-компания» (Казань, 1992). Автор поэтического сборника «Ничего не бойся» (Казань, 2000), прозаических книг «Я остаюсь здесь» (Казань, 2002), «Сквозняк тишины» (Казань, 2005).

У КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

На четыре столетья взрослей...

Мы идем вдоль известнейших башен,
Вдоль реки, вдоль нетронутых тем...
Как порой неуютен и страшен,
И тревожен покой этих стен!
Вековые — они очевидцы
Той неслыханной бойни, — склони
Свою голову. Смотрят бойницы
С высоты, как пустые глазницы...
И, быть может, в те самые дни
Вот под этой стеною, Серега,
Перед боем (о злая пора!)
Помолившись Аллаху и Богу,
Завершили земную дорогу
Мой — раскосый, и твой прапрапра...

Никогда этот мир не поймешь!
Лютой мезтью пылает мой предок,
Я — не то, что не продал, не предал,
Но пойду за тебя и под нож,
Если надо — клянусь головою,
Не оставлю тебя одного...
О незыблемое, вековое,
Слишком кровное наше родство!

ЗООПАРК

Ты знаешь, как звери глядят?
Их взгляд неуютен и четок.
Тяжелые камни оград,
Железные жилы решеток.

Вот в этих, посмотришь, глазах
Убийство и мощь, а в сторонке
Увидишь добычи глазенки,
В которых с рождения страх.

Решеткой придерванный рок!
Природа — она откровенна
Во звере, закон так жесток,
А сущность ее неизменна.

И если поверить в родство
Вот с ними, что в клетках, — желанья
Уйдут, ведь тогда ничего
Поправить нельзя в мирозданыи.

* * *

День, твой вид невыносим!
В кленах — признаки болезни.
Что на свете бесполезней
Затяжных, бесснежных зим?

Водишь пальцем по стеклу,
Как во сне пустом и долгом,
Дверь толкнешь и с ветром-волком
Говоришь скула в скулу.

Выйдешь — с самого крыльца
Ветер, будто бы в отместку,
Ощетинившийся, резкий,
Добивается лица.

В темном воздухе кружат
Листья — осени обноски, —
И цепляются за доски
Накренившихся оград.

И подумаешь, крепясь, —
Все в природе не напрасно:
Клены, скрученные астмой,
И асфальтовая грязь.

Есть свой особенный уют
В июне, в час, когда не спится,
Когда на улицах живут
Бок о бок призраки и птицы.

Покуда мир не надоел,
И каждый звук как бы утроен, —
Прекрасно все-таки удел
Земной задуман и устроен.

Молись, — редчайшая пора,
В садах Творца — цветенье вишен, —
Да будут ясными утра,
Да будет голос твой услышан!

СОНЕТ

Как неприятен слуху звон монет!
Люблю купюр нежнейшее шуршанье,
Азарт руки и суммы ожиданье.
Отрады этой — сладостнее нет.

Дружище милый, банковский билет!
Безвестных рук искусное ваянье,
Услада дней, очей очарованье,
Тебе дарю бесценный свой сонет.

О годы тьмы, напрасные исканья!
Пришла пора заветного признанья:
Не ведал я по молодости лет,

Что каждый шаг, и радость, и страданье,
И юной девы пылкое лобзанье
Всесущий твой пронизывает свет!

ДЕРЕВЬЯ

Так много в них невысказанной, древней,
Живой тоски. У дерева в крови
Страдание. Мне кажется, деревья
Сродни твоей безвыходной любви.

За годом годы тянутся. В окне
Свело осенней судорогой ветки.
Стоят деревья — тягостные слепки
С твоей души, ветвящейся ко мне.

В это время что делать с собой?
Неизвестность и осень, и насморк.
А вчера без раздумий с любой
Непогодой схватился бы насмерть.

Оголенная улица, сквер.
Неестественно как-то, неверно
Бытие, и далекая дверь
Проскрипит одиноко и скверно.

Странно думать, что короток век
Безысходного серого цвета,
Что снегирь заалеет, и снег
Повторит очертания веток.

ВЕСНА В КАЗАНИ

Ах, как светло сегодня, посмотри!
Как будто свет исходит изнутри
Всего земного, вовсе не изношен
Мой механизм, строка моя честна.
Простор и воля, шорохи, весна,
Весна в Казани, городе хорошем.

А на подходе летняя жара.
Иду на берег, здесь еще вчера
Неслись большие льдины, но Казанка
Уже клянет тяжелый свой удел
И вновь готова столько жарких тел
Принять в себя, не снилось водам Ганга!

Как хорошо идти по Бауман-стрит,
Забыв газеты, службу и гастрит,
Затем подняться к университету.
Куда ни глянешь — праздная толпа,
На воздух вышла знать и шантрапа,
Младенцы, бабки, пьяницы, поэты.

Ах, как любого трогателен вид,
Лицо дыханье вечности хранит,
О, дорогие сердцу горожане!
И, возрождаясь, странствуя, греша,
Все испытанья вынесет душа, —
Весна в хорошем городе Казани.

ПРИМЕТЫ

Тоска и трепет юношеских дней!
День проходил в волнении высоком,
Что может быть прекрасней и больней?
Каким сухим окидываю оком
Былые годы! Плакать не велит
Упрямый быт. Судьбу одолевая,
Житейский опыт душу каменит.
Душа молчит, она как неживая.
О, неизменность недобытия,
Святая низменность, с которой добываем
Насущный хлеб, с которой убиваем
Мы каждый миг, по капле убываем...

Но в жаркий день пью воду из ручья,
Журчит вода в снопах дневного света,
Не славлю жизнь, но всюду и во всем,
В звенящих травах, небе голубом,
Ищу ее желанные приметы.

* * *

О, розовый младенец в полумраке!
Он точно светится в прихожей небольшой,
Где так неловко прячется от папы.
И вот застыл с загадкой на лице,
Чтоб через миг румяным восклицаньем
Нам возвестить присутствие свое.

О, тихий свет, таящийся во всем!
О, розовый младенец в полумраке!

ТАМАРА ЯН

Родилась в 1922 году в селе Поповка Саратовской области. Окончила истфилфак Казанского государственного университета (1944). Член Союза писателей СССР. Работала в Государственном музее Республики Татарстан, газете «Советская Татария», в Казанском государственном пединституте. Автор более 10 книг стихов и пьес. Награждена орденом «Знак почета». Живет в Тель-Авиве (Израиль).

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Меня спасала мать — скорей, скорей!
И без вещей, в атласной шляпке алой
сошла я с поезда и встала у дверей
огромного Казанского вокзала.

Был снежный март.
И надвигалась ночь.
А мне едва исполнилось шестнадцать.
Зачем ты, мама, отослала дочь
так далеко — мне век не разобраться.

Лишь жизнь прожив, я это поняла —
зачем! О, как прозренья долги.
У Красной Шапочки не бабушка была,
а тетка в дальнем городе на Волге.

И ехать, ехать к ней — через страну —
в вагоне общем на последней полке...
Я перед смертью тихо вспомяну,
как к полке этой подбирались волки.
Все ближе, ближе... Но не дал господь.
И в городе по имени Самара
я ела хлеба белого ломоть
и чай пила — крутой — из самовара.

Вокруг ходил большой веселый кот,
а тетка так счастливо улыбалась...
Шел над Россией самый страшный год...
А я приехала!
А я живой осталась.

* * *

Я думала, что Ленин был Христос,
а Сталин был Антихрист.
Я хотела,
чтоб было так. И в солнце, и в мороз
толпа у Мавзолея не скудела.

Но не было Христа.
И мертвый человек —
иссохший, желтолицый —
лежит непогребенный, без креста,
на главной площади Столицы.

ДВА ЮРКИ

Когда я жила еще в юности —
там
два Юрки ходили за мной по пятам.
Один ходил справа, другой ходил слева,
а я между ними — как королева.

Стояла ль у парты я,
в тишине —
подсказки двух Юрок летели ко мне.
Один шептал справа, другой шептал слева,
но я их не слушала — как королева.

Смотрела ль картину я в парке — и там
два Юрки сидели со мной по бокам.
Один сидел справа, другой сидел слева,
и я улыбалась им — как королева.

Так было. А нынче... Колосья шуршат.
Два Юрки у Ржевской дороги лежат.
Один валун справа, другой валун слева,
и я уже больше — не королева.

* * *

Кама, Кама, Камушка,
крутые берега,
по камушкам, по камушкам
бежит,
бежит река.

Там город есть Елабуга
на стольном берегу,
Елабуга —
как радуга
смертельная в мозгу.
Там крыша есть —
как лезвие,
припавшее к земле,
там русская поэзия
качается в петле.

* * *

Если женщина не права —
попроси у нее прощенья.
Ну, сказала не те слова.
Испугалась Земли вращения.

Ну, кого-то свела с ума.
Ну, сама себя обманула.
Было лето — пришла зима.
Все под корочкой льда уснуло.

Но всегда впереди весна,
но всегда вдали воскрешение...
Пожелай мне цветного сна.
Попроси у меня прощенья.

* * *

Эпоха, мне с тобой бывало плохо.
Ну, а тебе со мной — спросить хочу —
уж так ли хорошо, моя эпоха?
Молчишь?

Мы квиты.

Квиты.

Я молчу.

Казань,
и белый университет,
и старый двор, где молодые тени
взлетали на столетние ступени —
и где он, тот далекий, легкий след?

Над Волгою сейчас мороз и снег,
и накренилась башня Сююмбеки...
Все отрыдалось, отошло навеки,
и где теперь последний мой ночлег?

Здесь красные цветы у всех дорог
пылают,
и не гаснут,
и не пахнут,
а южный город всем ветрам распахнут,
а небо — как сияющий чертог.
Но в час ночной приходит тихий звук —
то снег летит, шуршит над головою,
и молодые тени —
мы с тобою —
летим, летим, не разнимая рук.

ДВА ЗЕРКАЛА

Два зеркала есть в доме у меня.
Смотрю в одно — на двадцать лет моложе.
В глазах два ясных голубых огня,
и родинка веселая на коже.

Смотрю в другое — я или не я?
Кто эта женщина — на двадцать лет старше?
В глазах не видно синего огня,
и что за гречка над губою реет?

И я уже в раздумье много дней,
какое зеркало убрать мне тихо —
то, где сиянье нежное огней,
иль то, где подлая растет гречиха?

РОССИЯ

Кто загнал эту сильную лошадь?
Крови, пены и муки — сполна.
Врозь копыта, и пала на площадь,
на брусчатые камни она.

Ей подняться бы только. Подняться!
А не то ведь пристрелят ее.
Вот уже начинает слетаться
и кругами ходить воронье.

Вы, упавшей, ей помогите,
не взводите поспешно курки.
Вы воды ей живой принесите
из Москвы, из студеной реки.

Окрошите и гриву, и ноги,
и измученный красный оскал.
Кто так долго и зло, без дороги
и без света на горькой скакал?

Я погладила мокрую гриву,
заглянула в истерзанный взгляд —
он яснее. И быть ей живу.
И напрасно те птицы летят.

Жилкой каждую напрягается,
вот рванулась — худа, черна —
поднимается, поднимается
над седою брусчаткой она.

ВАЛЕНТИН ЯРЮХИН

Родился в 1952 году в селе Гиска Каушанского района Молдавии. Окончил актерское отделение Кишиневского института искусств (1974) и режиссерское отделение ГИТИСа (1988). Работал актером, режиссером в театрах Казани, Москвы... Печатался в республиканской прессе. Автор книги «Хроника бегущего» (Казань, 1996).

ПЕСЕНКА СПАЛИВШЕГО КРЫЛЬЯ

Я желаю вам побед,
по ночам спокойно спите,
но отныне и вовек
крылья, крылья берегите!

Будьте с ними понежней, —
как малюток кормят с ложки, —
там они всего нужней,
где случаются подножки...

В недра моря заглядысь,
за борт шляпу уроните,
потеряйте сан и власть,
но крыла уберегите!

БЕГ ЦИРКОВОЙ ЛОШАДИ

Барабанная дробь. О, как гриву полошет!
Средоточье лучей подхватило, скользя,
в никуда ниоткуда бегущую лошадь,
на которой наездник творит чудеса.

По манежу,
под музыку,
мимо восторгов,
адресованных вовсе не ей — седоку,
на шемящий галоп уроженки востока
откликается всхлип селезенки в боку.
Белоснежная лошадь, черна твоя доля.
То ли дело пройти по степи на рысях
или шею свернуть за полшага до стойла,
но по кругу,
по кругу,
по кругу нельзя!

То ли дело речонку губами потрогать.
Если выпрямить круговращения твои,
у небесного бы очутилась чертога,
и ворота бы спешно Господь отворил...

Для чего, — посулили овации, что ли? —
аромат вольной воли тобою забыт,
и глотаешь ты пыль от своих же копыт,
белоснежная лошадь!
Черна твоя доля,
как следы красоты на руинах, где вровень
со смирением князя гордыня раба.

На обрывке афиши оскаленный профиль.
Крик о помощи?
Хохот?
Гримаса?
Судьба.

СТАРАЯ СОСНА

Вцепившись корнями в песок,
хотела коснуться макушкой неба,
и вдруг поняла, что затея нелепа,
поскольку не встать на носок!

К тому же мой век стерегут лесорубы.
Накинутся сворой волчат,
на землю повалят умело и грубо,
потом от ветвей отстучат.

Я мачтою стану, строилом отличным,
согласна и в печке пылать,
но только избави мя, Боже, от спичек!
Мне боязно спичками стать...

СОДЕРЖАНИЕ

Альбина Абсалямова	10
Мария Аввакумова	12
Владимир Агафонов	17
Светлана Агачева	18
Ахмед Адиль	21
Тимур Алдошин	23
Вадим Анонимов	29
Нияз Ахмеров	30
Наиля Ахунова	32
Юлия Бадер-Дубяго	36
Эльвира Байгильдеева	41
Сергей Бальбердин	43
Сергей Бальцер	46
Вячеслав Баширов	49
Николай Беляев	56
Екатерина Беляева-Чернышева	63
Ирина Беспалько (Беликова)	65
Айрат Бик-Булатов	68
Владимир Блинов	72
Лоренс Блинов	74
Эльмира Блинова	77
Валерий Боков	84
Борис Бронштейн	87
Нури Бураш	90
Елена Бурундуковская	94
Равиль Бухараев	99
Владимир Быченко	108
Борис Вайнер	109
Дмитрий Винниченко	114
Марина Власова (Галицкая)	117
Лилия Газизова	121
Булат Галеев	127
Руслан Галимов	129
Федор Гарин	130
Радик Гимранов	131
Борис Гинзбург	135
Дамир Гиниятуллин	141
Сергей Говорухин	142
Анна Гольдштейн	147
Иван Грай	149
Лидия Григорьева	152
Юрий Грунин	160
Иван Данилов	164
Петр Долголенко	170
Светлана Дьяченко	172
Македон Едигаров	174
Рустем Еналеев	179
Борис Железнов	184
Николай Завгородний	188
Марина Зарецкая	189

Марк Зарецкий	191
Нелли Земляниченко	198
Бруно Зернит	201
Сергей Золотусский	204
Николай Иванков	206
Владимир Игнатюк	209
Ильгиз Калимуллин	212
Геннадий Капранов	214
Сергей Карасев	220
Алена Каримова	226
Елена Кацюба	230
Александра Кашина	235
Константин Кедров	236
Владимир Киносьян	241
Алексей Кириллов	245
Роза Кожевникова-Баубекова	248
Анатолий Колесников	254
Алексей Комлев	257
Сергей Корьчев	258
Константин Кошкарев	260
Елена Крайнова	261
Сергей Кудряшов	262
Рустем Кутуй	265
Ольга Левадная	272
Андрей Лизунов	276
Алексей Лялин	278
Ирина Маврина	279
Марат Маликов	280
Юрий Макаров	286
Сергей Мальшев	293
Александр Масленников	294
Любовь Мещерякова	296
Глеб Михалев	299
Юрис Михеев	302
Наталья Михеева	303
Валерий Модестов	304
Елена Молина	310
Адель Монрес	313
Нурия Муллаева (Калева)	319
Ирек Муртазин	322
Виль Мустафин	323
Лина Набат	330
Владимир Нешумов	333
Гортензия Никитина	336
Ольга Овчинникова	341
Ольга Овчинникова	345
Полина Осипова	346
Алексей Остудин	348
Геннадий Паушкин	355
Татьяна Пашагина	361
Роман Перельштейн	363
Елена Пиотровская	367
Марина Подольская	372
Фарида Расулева	374
Татьяна Ратникова	380
Владимир Рошектаев	381
Анна Русс	387
Рустем Сабиров	389
Рустам Сагиров	394
Дина Садыкова	396
Мансур Сафин	398
Наргис Сафина	399

Ольга Симоненко-Большагина	400
Леонид Сергеев	404
Михаил Скороходов	407
Виктор Смирнов	409
Евгений Сойкикин	411
Роман Солдцев	413
Константин Струков	417
Артем Султанов	420
Наталья Тарвердян	422
Леонид Топчий	424
Валерий Трофимов	432
Михаил Тузов	435
Вероника Тушнова	437
Вячеслав Ульяницкий	440
Светлана Хайруллина	441
Антон Хусаинов	446
Эмир Шабашвили	448
Елена Шевченко	452
Татьяна Шилина	455
Нэлли Шук	456
Владимир Ченцов	461
Виктор Чопоров	463
Салават Юзеев	465
Тамара Ян	470
Валентин Ярюхин	475

Литературно-художественное издание

**КАК ВРЕМЯ КАТИТСЯ
В КАЗАНИ ЗОЛОТОЕ...**

Антология русской поэзии Казани
1940–2005

Редактор *Ч.А.Гайфуллина*

Художник *Р.Х.Хасаншин*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриевой*

Корректор *А.Г.Хамитова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года

С оригинал-макета подписано в печать 5.08.2005. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Kudriashov». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,0 + вкл. 2,0. Усл. кр.-отт. 32,5. Уч.-изд. л. 21,18 + вкл. 1,95.

Тираж 3000. Заказ А-592.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jaha™.

ОАО «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.